

С(УЗ)
М92 СУХРОБ МУХАМЕДОВ

ЛУННЫЙ СВЕТ В ЖИВОЙ ВОДЕ

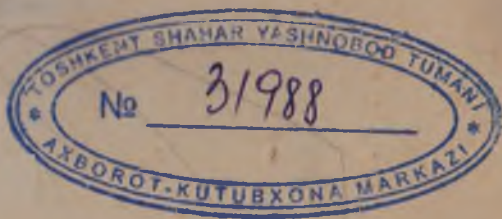
821.512.133

М-92

СУХРОБ МУХАМЕДОВ

ЛУННЫЙ СВЕТ В ЖИВОЙ ВОДЕ

Повести, рассказы

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1986

М 92 Мухамедов Сухроб.

Лунный свет в живой воде: Повести, рассказы. — Т.: Ёш гвардия, 1986. — 144 с.

С героем повести Сухроба Мухамедова «Лунный свет в живой воде» молодым талантливым боксером Азизом Нариевым читатель знакомится в переломный момент его судьбы. Но поддержка друзей, любовь помогают ему выдержать испытание.

В сборник также включены небольшая повесть «Мой Гу-янг» и несколько рассказов, посвященные нашим современ-никам.

Р2

М 4702010200—116 37—86
356(04)—86

© Издательство «Ёш гвардия», 1986.

ЛУННЫЙ СВЕТ В ЖИВОЙ ВОДЕ

Повесть

Легко ли уходить из большого спорта? Одно дело, когда ты оставляешь его по объективным причинам: возраст, понимание того, что большего добиться не сможешь, что вслед за тобой идет сильная, талантливая молодежь. Но случается и иная ситуация, когда тебе снисхождения и поблажек нет и ты обязан подчиниться.

С ринга мне пришлось уйти. Авторитетный консилиум врачей запретил заниматься боксом. В двадцать четыре года, будучи полон сил, надежд и уверенности,— а остается сделать последний шаг к главному и заветному в жизни каждого спортсмена — Олимпийскому пьедесталу,— я должен повесить на гвоздь перчатки. К нему я шел десять долгих, трудных лет. В прошлом остались почти две сотни поединков, травмы, горечь поражений и радость побед. Мы с тренером Назаром Ибрагимовичем серьезно готовились к решающему иштурму на предстоящих Олимпийских играх... Но тот бой, последний и памятный, перечеркнул наши надежды. В начале третьего раунда — ситуация была самая безобидная — я вдруг ощутил головокружение. При чем, настолько сильное, что пришлось ухватиться за ка-

наты. Бой, естественно, прервали, а меня увезли в больницу.

Начались долгие хождения по лечебным кабинетам. В одном измеряли давление, в другом надевали на голову диковинный колпак, от которого к приборам с круглым экранчиком протянулись десятки проводов. Потом вынесли приговор.

Пожилой и симпатичный профессор произнес его мягким, доброжелательным тоном, но он не подозревал, что его слова звучали для меня громом с ясного неба. Нервы, мускулы не могли и не хотели приспособливаться к другой жизни, настойчиво требовали ежедневных, многочасовых нагрузок. Они привыкли к удару гонга, к перчаткам, привыкли сообща преодолевать сопротивление противника, наносить те удары, из которых складывалась победа. А потом — фанфары, пьедестал, звуки родного гимна... Теперь... Даже как-то немного смешно. Нужно, следуя советам медиков, повременить года три или четыре. Потом можно попробовать снова надеть перчатки.

Через четыре года возвращаться на ринг?! А что к тому времени останется от боксера Азиза Нариева?

Не помню, сколько часов бесцельно ходил по городу, с кем говорил. В себя меня привел голос Георгия — моего друга с тех самых пор, с каких помню себя.

— Азизджан! Дорогой! Мы с Володей ждем тебя целый вечер.

Я устало пожал плечами.

— Ты похож на шаха, которого лишили трона.

У меня от друзей секретов не существовало. Когда Георгий услышал о решении консилиума, у него вытянулось лицо, Владимир — он терапевт — понимающе покачал головой и посочувствовал: «Очень жаль, старина».

— Азизджан! Все равно однажды этот день настал бы. Разве я не прав? Прав! И не надо отчаиваться, если он пришел немного раньше, — Георгий ободряюще похлопал по моему плечу. — Надо быть мужественным и пойти любимое дело.

— Только не торопись. Думай долго, основательно, как взрослый мужчина, — Георгий вытащил из пачки сигарету и, не найдя спичек, бросил ее на стол, — что-бы дело, на котором ты остановишь выбор, было нужным и тебе, и людям.

...Нет, не просто уходить из спорта. Раньше я спал как убитый. Теперь по ночам снятся ринги Гавайи, Варшавы, Праги, Мадрида, Москвы. Во сне я перелистываю свою спортивную биографию, вижу первые бои моих, в то время не именитых, соперников. Иногда подолгу сидел у небольшой ниши, где были разложены грамоты, кубки, памятные сувениры. И откуда-то издалека накатывались шум зрительских трибун, четкие команды рефери... В те минуты я считал себя самым несчастным человеком на свете.

Медленно проплывали дни, недели. Как-то незаметно исчезли с городских улиц, парков, скверов неровные холмики сугробов, воздух прогрелся, пошли частые дожди, по мелким арыкам стремительно понеслась мутная вода.

Весна, а я никак не мог заставить себя смириться с тем, что отныне предстоит жить вне спорта. Я все еще надеялся на чудо. Продолжал цепляться, хотя и понимал, что это глупо, за кажущееся спасительным «а вдруг».

После очередного обследования и эта крохотная надежда исчезла. А на смену пришла решительность, которая однажды утром заставила вытащить из тумбочки паспорт, институтский диплом и направиться в спорткомитет, в федерацию бокса.

Там предложили на выбор несколько групп олимпийского резерва. Нет, нет, не то. Интуиция подсказывала: мне, еще неопытному тренеру, нужно начинать не со сборной, а с малого. И тут я случайно встретил старого знакомого, недавно возглавившего одно из спортивных обществ города.

— Чахнет, Азиз, наша секция бокса. Жалко. Мальчишек жалко. Приходят аккуратно, а заниматься не с кем, — с горечью признался он. — Может, кого порекомендуешь? Не обязательно мастера спорта.

Я протянул ему паспорт с дипломом. Он сначала не поверил, а когда убедился, что не шучу, увлек меня за собой, боясь, что Нариева могут переманить в другое общество.

— Ты просто молодец, кацо! — обрадовался Георгий, когда я рассказал ему о своем решении. — Ты взялся за прекрасную работу и воспитаешь, вырастившь десять, двадцать Нариевых. Только других Нариевых!

Лучше, сильнее. Олимпийских чемпионов! Разве я не прав?

— Давай, старина,— глаза Володи светились теплом,— ты выбрал хорошую специальность. Я думаю, слова Гоги сбудутся.

— Пусть только не сбудутся,— Георгий погрозил мне кулаком,— тогда я лично очень больно побью этого мерзавца.

Я слушал друзей и улыбался. Они, два разных по характеру человека и с детства любимых, помогли мне приглушить боль, оправиться от поражения. Володька методически снабжал меня книгами и не просто снабжал, а специально подбирал такую литературу, где герою приходилось преодолевать превратности судьбы. Гога тоже старался не оставлять меня одного — уводил меня из дома на различные выставки. Из его вдохновенных рассказов я знал, чем живут сейчас местные зодчие, какие проблемы стоят перед архитекторами и как будет выглядеть наш Ташкент в следующем тысячелетии. Хорошо, когда рядом такие друзья.

* * *

Открыв почтовый ящик, я обнаружил извещение, в котором говорилось, что по причине сноса нашего старенького глиняного домика райисполком принял решение о выделении квартиры в новом доме. Получить ордер следует незамедлительно. Мда-а! День, конечно, начинался с очень приятного известия. Но в райисполком можно заехать и после обеда, а сейчас меня ждут в обществе, где я должен написать заявление о приеме на работу, осмотреть зал, в котором уже завтра предстояло провести первое занятие с юными боксерами.

Как я и предполагал, мои дела решились быстро. На заявление председатель своим размашистым почерком наложил резолюцию и повел в тренировочный зал. Осмотрев зал и спортивный инвентарь, я распрощался с председателем и направился в райисполком, где, выстояв более двух часов в квартирном отделе, получил ордер. И, конечно же, сразу поехал посмотреть на свое новое жилище.

Оно было просто великолепно — просторное, светлое. Комнаты отдельные, большая прихожая и балкон, выходящий во двор. Вдохновенный и радостный, я поехал обрадовать маму (она последние три месяца жила

у сестры, а я — в домике, которому суждено было скоро быть снесенным).

— Насиба, где мама? — снимая у порога туфли, спросил я у сестры.

Насиба ждала ребенка. Фигура ее раздалась, глаза сузились, губы пополнили. Беременность не всем идет.

— Ушла в магазин, — ответила она, застегивая ставший узким халат, — скоро вернется.

— Ну, как вы тут?

— Нормально. Не жалуемся, — деревянным голосом ответила сестра, со стуком опуская чайник на газовую плиту. По всему чувствовалось: сестра помнит недавнюю ссору. Увы, с некоторых пор в наших отношениях исчезло взаимопонимание.

К сестре с ее рождения я относился с вниманием и любовью. Сначала это был резвый, шмысленый ребенок, потом прилежная, скромная школьница, которую учителя ставили в пример другим. Мы никогда с ней не ссорились.

Лишних денег тогда у меня почти не было. И все равно, когда я уезжал на соревнования, я находил возможность на чем-то сэкономить и купить что-нибудь Насибе. Сначала привозил куклы, книжки, потом кофточки, прочую женскую канитель.

Мне нравилось делать сестре подарки. Надо было видеть, как она радовалась. Каждая черточка на ее лице излучала радость. Она умела радоваться и передавать свое чувство окружающим — родителям, подругам, соседям. Но я никогда не замечал в ней склонности к тому, чтобы она могла... Я считаю, что она заболела.

На факультете, а училась она в фармакологическом институте, занималось много девушек, среди которых резко выделялись многочисленными и яркими туалетами пять или шесть студенток. Насиба как-то призналась, что модницы являются дочерьми состоятельных родителей и ей, конечно, тягаться с ними глупо. Сказанное я и мама одобрили. Мы были уверены, что Насиба правильно оценит происходящее и останется скромным, честным человеком.

Так я думал, пока сестра неожиданно не объявила о желании выйти замуж за Сардора... Свадьбу сыграли пышную, многолюдную, с карнаями и сурнаями.

А накануне я стал свидетелем сцены, потрясшей ме-

ня настолько, что несколько дней не мог прийти в себя. За неделю до бракосочетания Сардор, по традиции, прислал свадебные подарки. Я застал Насибу сидящей между огромными сумками. И первое, на что я обратил внимание, были глаза, светящиеся ровным, алчным огнем. Пальцы дрожат, губы плотно сжаты, движения резки и порывисты. Выхватив из сумок отрез, кофту, платье, она накидывала на плечи и, мельком взглянув на себя в зеркало, отбрасывала в сторону.

— Ах, доченька, как тебе повезло! Какие подарки, — восхищенно говорила мать.

Насиба, казалось, никого не слышала и не видела. Ее внимание было сосредоточено на подарках. Она перемерила туфли, две пары сапог, плащ, летнее пальто. А когда взялась вскрывать целлофановые пакеты с бельем, я вышел из комнаты.

Я сидел в уютном, зеленом парке, как говорит Георгий, с «мраморным настроением» и пытался разобраться, что же меня больше всего потрясло в родной сестре. Еще недавно я был уверен: тряпки не играют существенной роли в ее жизни. А теперь выходило, что я, оказывается, не знал Насибы, родной сестры, выросшей на моих глазах.

Прошло около года. Насиба окончила институт, получила диплом, но на работу не пошла. «Зачем, если Сардор приносит столько денег, что их с избытком хватает на все случаи жизни», — как-то заявила она. Я пытался, и не раз, усовестить ее. Насиба сразу же превращалась в глухого человека. Однажды она не выдержала и попросила, и в резкой форме попросила, чтобы я не вмешивался в ее дела и не учил жить.

Разумеется, наши отношения могли бы быть лучше, если я смотрел бы на все сквозь пальцы. Но меня просто бесило ее тряпочное болото, которое с каждым днем все глубже ее засасывало. Я уже не мог разговаривать с ней как раньше. Каждое мое слово было пропитано раздражением и горечью. А она, как ни странно, ничего не замечала. К тому же однажды совершенно спокойно заявила: училась потому, что сейчас учатся все, а работать не хочу и не буду.

— Но это же подло, нечестно, — говорил я и с ненавистью смотрел на ее дорогие сережки, кольца, — ты отобрала диплом у человека, который о нем мечтал.

— Ты говоришь о пустяках,— сестра равнодушно отмахнулась.

— Я еще раз повторяю — ты поступила подло и нечестно. Лучше бы ты сидела дома, а место твое в институте заняла другая девушка. От нее, наверняка, была бы польза для людей.

— Слушай, братец,— в уголках губ ее появились жесткие складки,— а тебе не кажется, что ты зарываешься в порыве порядочности и даже не подозреваешь, как мне надоели твои нравоучения. Улавливаешь? Вот и хорошо. Давай договоримся — я не хочу быть образцово-показательной женщиной. А эпитеты побереги для своей будущей жены... И вообще, Азиз, будет лучше, если мы станем реже встречаться.

— Благодарю за откровенность... Воспользуюсь советом.

...Прозвенел звонок. Пришла мама.

— Ты у нас редкий гость, сынок,— сказала она, вынимая хлеб из сумки.

— Извините. Закрутился,—я посмотрел на маму. За прошедшие два месяца она заметно сдала. Осунулась, пожелтела, под глазами появились темные круги.

— Мама, как вы себя чувствуете?

— Печень, сынок, чаще стала тревожить.

— А я хочу порадовать — нам выделили двухкомнатную квартиру.

— Хорошо, сынок... У нас тоже новость! Сардора повысили из завскладом в начальника отдела.

— С такой женой можно и в министры.

Насиба громко кашлянула. Мать осеклась и предложила: пока Насиба не родит, она проживет с ней. А там видно будет.

* * *

Утром в моей новой квартире раздался звонок — пришел монтер из АТС — среднего роста, с копной вьющихся волос цвета спелой пшеницы. Его голубые глаза с удивлением скользнули по пустым комнатам.

— А чего мебелишку не завез?

— Ее еще приобрести надо.

— Выходит, телефон взамен всего!

Голубоглазый монтер поставил аппарат на табурет, подсоединил шнур к розетке и снял трубку.

— Полный порядок!

Только закрыл дверь, как послышался протяжный гудок: мусорная машина. Что ж, очень кстати! Вчера чистил кухню, балкон и набрал ящик мусора... Долго не раздумывая, взвалил его на плечо. Ящик был большой и неудобный, поэтому быстро спуститься не удалось. За углом дома столкнулся с высокой девушкой. Машинально извинился и зашагал дальше.

— Кого я вижу! Азиз! Сколько лет, сколько зим, — услышал я знакомый голос. Обернулся — Белла! Ну, конечно, она! Белла изменилась, похорошела.

— Здравствуй, Белла!

— Доброе утро! — девушка тряхнула густыми, коротко стриженными волосами. — Ты что, здесь живешь? Вот здорово! Значит, опять соседи!

Светло-карие глаза Беллы озорно блеснули.

— Выходит... Мы давно не видели друг друга.

Белла приподняла тонкие брови и прикусила пухловатую верхнюю губу.

— Почти шесть лет. Да, да, шесть.

— Как поживает тетя Циля?

— Мама, тьфу, чтоб не сглазить, здорова. Она часто вспоминает вашу семью.

— Извини, подруга, — перебил я Беллу, — тороплюсь очень. Мы поговорим позже.

— Заходи вечером. Третий подъезд, двадцать восьмая квартира.

* * *

Тетя Циля прожила трудную жизнь. Чуть не умерла с голоду во время блокады Ленинграда и была тяжело ранена во время эвакуации. Мне шел восьмой год, когда отец получил квартиру на улице Ленинградской. И нашими соседями оказалась семья Лопатников. Мама быстро подружилась с тетей Цилей. Дядя Сема, ее муж, работал в радиомастерской. И когда у нас однажды испортился «Минск», папа попросил дядю Сему починить приемник. Он пришел с потертым фибровым чемоданчиком, и через полчаса «Минск» снова заговорил. А от денег дядя Сема наотрез отказался. Даже предупредил папу: «Сосед, если вы будете настаивать, я могу обидеться». Уходя, он подал мне зелененькую металлическую трубочку и сказал, что она называется сопротивлением.

Белла в то время была длинноногой, худой девочкой. Она редко играла с нами. Чаще всего мы ее заставляли сидящей где-нибудь в уголке двора с книгой. Я закончил шестой класс, а Белла — седьмой. И хорошо помню, как однажды подошел и поинтересовался, что она читает. Белла настороженно протянула книгу: «Лермонтов. Герой нашего времени». На всякий случай спросил:

— Можешь мне дать что-нибудь почитать?

Я здорово удивился, когда Белла завела меня в скромно обставленную комнату, в углу которой стояла высокая деревянная этажерка, заставленная книгами. Через несколько минут, без особого энтузиазма повертев в руках сильно потрепанную книгу, я сказал «спасибо» и пошел домой. Прилег на диван, начал читать. Рассказ назывался «Кулуа-прокаженный».

Не заметил, как вернулась с базара мама, как опустились сумерки. Забыв про еду и сон, я буквально «проглотил» рассказы «Мексиканец», «Белое безмолвие», «Тропою ложных солнц». Рано утром снова побежал к Белле.

— Ты прочитал? — удивилась она. — Так быстро?

— Ты мне не веришь, да?.. Тогда слушай, будто ты учительница и вызвала меня к доске.

— Хорошо, — Белла улыбнулась. Предложение мое ей понравилось. Спустя полчаса она меня вновь повела в дом.

Следующая книга называлась «Зов предков». И опять я не вышел из дома, пока не закрыл последнюю страницу. А потом читал все подряд, что предлагала Белла. Когда ее библиотечка иссякла, записался в школьную. Но за это время, пока я читал книги соседки, мы с Беллой стали неразлучными друзьями. Нас часто — на школьных вечерах, в кино, парке — видели вместе. Над нами смеялись и называли «жених и невеста». Мы не обижались. И знали: никакие насмешки, прозвища не могут повлиять на нашу дружбу.

* * *

В моей секции занимаются мальчишки — самому старшему пятнадцать. Народ серьезный, удивительно восприимчивый и отзывчивый. Правда, когда я впервые пришел в секцию и увидел десятка три или четыре ши-

роко распахнутых глаз, растерялся. Продуманный план тренировки лопнул, как мыльный пузырь. Мальчишки сразу закидали десятками вопросов: как я стал боксером, когда мне присвоили звание мастера спорта международного класса, сколько провел боев, кто мой кумир. И пока я отвечал, время, отведенное для занятий, пролетело.

Я полюбил мальчишек. Не за их послушание и старательность. Полюбил за чистые души, ясные глаза, за то, что они умели, сами того не подозревая, сказать просто о сложных вещах. И радостно ощущать — мои юные друзья отвечают тем же.

...Мальчишки в сборе. Переодевшись, я вошел в зал. Ребята поздоровались и построились в шеренгу с дневниками в руках. Сегодня для ребят день особый. И не совсем приятный. По дневникам я определял, как они учатся, как ведут себя в школе. Двоечников к занятиям в секции не допускал. Ну, а тех, кто успевал «нахватать», выпроваживал домой, пока не исправят.

Спустя четверть часа Эркин и Сурат направились к раздевалке. Хорошие ребята, перспективные. Особенно Эркин — напористый, не по годам сильный и волевой. Месяц назад стал чемпионом города среди своих сверстников. А до ответственных соревнований я держал Эркина в «черном теле». Интуиция подсказывала — с этим черноглазым, широкоплечим мальчишкой торопиться не стоит. Хотелось, чтобы он ступил на ринг хорошо подготовленным и, познав радость победы, уже никогда не забывал о ее вкусе. Вот почему я часами заставлял его отрабатывать удары на мешке, чаще чем когда-либо выпускал на контрольные бои. Он не ронял, не жаловался на усталость. Смахнув пот, Эркин молча поднимался на ринг.

Однажды он все-таки подошел. Переборов стеснение, заинтересовался, когда сможет выступить в настоящих соревнованиях.

— Хочешь быть классным боксером? — спросил я у Эркина.

Мальчишка закивал.

— Бокс требует долгого, кропотливого труда. Потерпи.

Я его никогда не хвалил, не ставил старательность Эркина в пример другим ребятам. Пристально наблюдая за ним, я пришел к убеждению, что поступаю со-

вершено правильно. Эркин при всех своих положительных качествах был задирист и злопамятен. К первому недостатку мальчишки я отнесся сравнительно спокойно, но второй заставил серьезно задуматься. Мало того, стало известно, что Эркин начал сводить счеты вне зала, где-то в безлюдных переулках.

Узнав об этом, я хотел выставить его из секции, но вовремя понял: мое решение равносильно признанию собственного бессилия.

За советом пошел к своему бывшему тренеру Назару Ибрагимовичу. Выслушав мою исповедь, он долго молчал.

— Он у тебя один такой, или же есть еще кто-то?

— Считайте один, Назар Ибрагимович. У других ребят, конечно, есть недостатки, но чисто возрастные.

Назар Ибрагимович чуть ниже среднего роста, широкоплечий, с заметной сединой и массивными очками на перебитом, боксерском, носу; он мне напоминал доброго, старого ежика из мультфильма.

— Ты решился тренировать мальчишек — похвально, — заговорил он. — Быть наставником — дело нужное, ответственное и серьезное. У тебя почти девятилетний стаж в боксе. Солидный опыт. Но тебя порой подводит отсутствие выдержки. В случае с Эркином, как мне кажется, тебе необходимо запастись терпением. Возьми на вооружение метод поощрения и наказания. Но учти, чрезмерная похвала может развить в нем самомнение, а наказание должно заставить задуматься. Именно это приведет мальчика к сознанию неправоты, желанию не повторять такие проступки.

Я послушался его совета. Сначала сходил к Эркину в школу. Познакомился с классным руководителем — усталой женщиной средних лет. Она мне рассказала об Эркине: эмоционален, держит классных мальчишек в «ежовых рукавицах», с девочками корректен. Мог бы при желании стать хорошистом, но, к сожалению, голова забита боксом. Потом побывал у Эркина дома. Мать Эркина призналась:

— Вы знаете, если у сына было бы такое рвение к учебе, как к боксу, то мы с мужем никогда бы не спорили и не волновались о его будущем. В последнее время мне приходится все чаще наказывать Эркина. У него появилась заносчивость, держится с товарищами,

мигко говоря, покровительственно и совершенно не реагирует на замечания.

Осторожно взялся за «переделку» Эркина. Где ровным голосом, где строгим, делая замечания, выражал недовольство взглядом. Причем, хвалил и наказывал Эркина я не с глазу на глаз, а при его товарищах.

Медленно, даже очень медленно Эркин начал меняться. Перестал драться на улицах, начал прислушиваться к замечаниям друзей.

После выступления его на соревнованиях меня некоторое время одолевали тревожные мысли. Не повлияет ли отрицательно на Эркина первый успех? Этого не произошло. Он как-то подошел ко мне и спросил:

— Вы говорили, спортсмен должен быть волевым и смелым?

— Настоящему спортсмену и этого мало. Тебе, например, не хватает мастерства.

— И все? — удивился Эркин.

— Ну, нет. Ты обязан научиться думать на ринге. Чтобы каждый твой бой был похож на полотно художника, где нет ни одного лишнего мазка, ни одной неправильно наложенной тени. Только твоя задача сложнее. Художник творит месяцами, а в твоём распоряжении всего девять минут. За званием «мастер» такие понятия — тактик, творец, боец, который за скоротечные три раунда должен доказать — противнику и судьям, что он сильнее и достоин победы.

Разминка началась. Повторяю вместе с ребятами движения и всматриваюсь в их лица. Еще несколько минут назад в глазах мальчишек я видел озорство, смешки. Сейчас они сосредоточенны и серьезны. Упражнения выполняют четко.

Решив быть тренером, я наедине провел много тревожных часов. Я понимал, что берусь за очень сложное дело. Научить ребят боксировать — задача выполнимая. Меня же беспокоило другое — сумею ли я из моих мальчишек воспитать трудолюбивых, честных, добрых парней, которые будут добиваться в спорте, в жизни желаемого?.. Такой уверенности, конечно, не было.

Может быть я, действительно, был неплохим боксером, но и этом заслуга не только моя. Половина успехов принадлежит тренеру. В том, что я что-то умею, вижу, тоже «сповинен» наставник. Теперь и мне предстояло, ежедневно решая задачи со многими неизвест-

ными, передать полученные знания и умения мальчишкам. Только как? На что делать упор? Что считать главным, первостепенным? Вопросы, вопросы... Прочитал однажды у Сухомлинского: «Искусство и мастерство воспитания в том, чтобы маленький человек жил в мире высоких идей и благодаря этому постигал свое величие и в самом деле становился великим».

Итак, Нариев, делай выводы и заодно подумай. Почему мальчишки меняются? Кто виноват? Как и что делать дальше?.. Подумал? Хорошо! Что ты собираешься предпринять? Исправлять положение? Каким образом? Ах, ты забыл, упустил на время из виду, что ты находишься постоянно в поле зрения мальчишек и они, как чуткий барометр, улавливают в наставнике любое изменение настроения. И это все? Нет, нет. Тренер — пример для подражания, пример трудолюбия, справедливости и доброты... Я знаю: они сейчас и потом будут стараться во всем подражать мне. А раз так, значит я постараюсь. Сделаю все от меня зависящее, чтобы из них выросли отличные ребята, на которых можно будет положиться... Ну что ж, время покажет...

Разминка кончилась. Кто разбился на пары, кто, уйдя в угол, боксировал с невидимым противником, кто отработывал удары на мешке.

— Ахмад, Лазиз — на ринг! — скомандовал я. — Лазиз в атаке. Бой.

Лазиз сразу же обрушил на товарища град ударов. Некоторые достигали цели, но многие проваливались в пустоту. Ахмад держался молодцом. Умело пользуясь защитой, он ловко уходил от боковых ударов, а в критические моменты прибегал к помощи «клинча».

— Стоп! Лазиз, ты почему мало двигаешься? Ахмад этим пользуется и легко уходит от ударов.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься и не думаешь. Давай вместе разберемся... Ты пошел в атаку, но прежде чем ее начать, ты должен быстро прикинуть: что предпримет противник — будет защищаться или отступит? Если защищаться, то как? Если отступать, то куда? Предположим, соперник отошел, что ты делаешь?

— Наступаю.

— Наступление надо готовить. Смотри и запоминай. Соперник, предположим, отступил и тут же предпринимает попытку уйти в середину ринга. Твоя же задача —

отрезать пути, ограничивать его движения по рингу, не давать свободу. Тесни, загоняй ударами в угол. Понял? Хорошо! Бой.

Ищу глазами лапы. Они висят на гвозде рядом с «грушей». Неподалеку отрабатывает удары Якуб.

— Якуб, подойди, пожалуйста... Ты знаешь, я долго наблюдаю за тобой, но не могу понять — почему ты решил стать именно боксером?

— Мне нравится бокс,— не задумываясь, ответил Якуб.

— А что именно?

— Я стану сильным... Если кто ко мне полезет — пожалеет.

— Что тебе еще нравится в боксе?

— ?!

— Борцы, штангисты — тоже сильные люди... Мда-а, Якуб! Выходит, ты занимаешься, чтобы умело колотить обидчиков?

— ?!

— Так дело не пойдет, Якуб.

— А вы? Почему вы стали боксером?

Я задумался, хотя вопрос не был для меня сложным. А вдруг еще кто-то солидарен с Якубом? Может, кто-то из ребят за этим и посещает секцию? Нет, нет, надо поговорить с ними.

— Минуту внимания, друзья. Прошу подойти поближе.

Мальчишки плотно окружили меня.

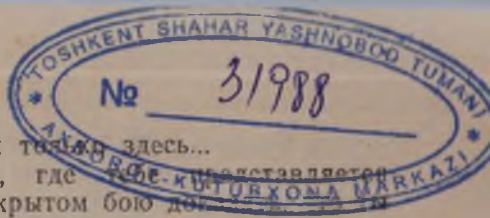
— Только что Якуб задал вопрос — почему я стал боксером. Хочу, ребята, чтоб мой ответ слышали все. Я начал заниматься боксом не для того, чтобы научиться драться... Мне прежде всего хотелось узнать свои возможности. Что умею и чего нет. Я не мечтал о славе, медалях. И желал я не многого — быть не хуже других, стать сильным и ловким.

— А почему люди дерутся? — не унимался Якуб.

— По глупости, Якуб... Будь они умными — никогда бы не стали прибегать к помощи кулаков. Умные люди конфликты между собой разрешают мирно.

— Боксеры тоже дерутся. Сам видел,— решительно заявил Ахмад.

— Случается. Только в очень редких случаях. Когда, к примеру, он должен защищаться от хулиганов или же вступить за слабого.

— Значит, мы боксеры только здесь...

— Боксер ты на ринге, где бокс-культура существует
возможность в честном открытом бою довести до
сильнейший... Теперь, ребята, я хочу у вас спросить —
разве вы приходите сюда, чтобы научиться драться?

Наступила тишина. Якуб громко шмыгнул носом.

— Да вы не стесняйтесь. Давайте откровенно... Я
же от вас ничего не скрываю.

Мальчишки, переминаясь с ноги на ногу, молчали.

— Ну что ж, я рад, ребята, что с сегодняшнего дня
мы все о боксе будем думать одинаково. А теперь про-
должим занятия.

После тренировки мальчишки вновь окружили меня
плотным кольцом. У нас стало традицией полчаса по-
свящать истории бокса. Я им уже рассказал о спортив-
ной жизни олимпийских чемпионов Владимира Сафро-
нова, Геннадия Шаткова, Олега Григорьева. Сегодня у
нас разговор о многократном чемпионе страны Нико-
лае Королеве.

* * *

Поднявшись на четвертый этаж, я непроизвольно
чертыхнулся. Надо же, забыл, что меня ждал у себя
дома Георгий. Только вошел в комнату, как зазвонил
телефон.

— Азиз, привет! — послышался рассерженный ба-
ритон Георгия. — Ведь мы договорились в восемь у ме-
ня... Что-нибудь случилось?

— Гога, извини. Только освободился. Слушай, есть
идея. Приезжайте с Володькой, а по дороге захватите
поесть. У меня — шаром покати.

— Хорошо, жди!

С Георгием и Володей я подружился в третьем
классе — они после объединения двух школ были пе-
реведены в нашу. В тот же год мы записались в авиа-
модельный кружок. Правда, занимались там недолго.
Не понравился руководитель. Ворчливый, всегда чем-
то недовольный. А если кому-то случалось испортить
бамбуковую рейку, долго и нудно отчитывал, называя
нас равнодушными, несознательными.

Так мы и ушли из авиамодельного. Позже, в нояб-
ре, я стал посещать секцию бокса, Георгий — кружок
рисования, а Вовка — зоологический.

Правда, с боксом не все гладко было. Увлечшись,

я почти забросил учебу. После первой четверти тренер запретил мне ходить на тренировки.

— Из безвольного ученика боксер не получится... Придешь, Азиз, когда станешь хорошистом, — категорично сказал он.

...Георгий жил с матерью рядом с Туркменским рынком. Она работала на швейной фабрике бухгалтером. Мы с Володькой очень уважали ее. Мать Георгия обладала ценным даром — она умела свое спокойствие и выдержку передать нам. И шумный, эмоциональный вне дома Георгий при матери превращался в нежного сына.

Она становилась чуть-чуть рассеянной, когда из Тбилиси приезжал отец Георгия. Пожив неделю (отец Георгия всегда останавливался в гостинице), улетал обратно. В аэропорту, прижав Георгия к груди, говорил на прощание:

— Главное, сынок, ты здоров, любишь мать, и у тебя настоящие друзья...

Я точно не помню, кажется, месяца за три до окончания школы мы возвращались из аэропорта, и Георгий, молчавший всю дорогу, вдруг выложил: отца с матерью развели родственники. Мы с Володькой не удивились признанию товарища. В жизни всякое бывает. Мне же кажется, Георгий одинаково сильно любил мать и отца. Болезненно переживал, что родители живут врозь. И видно было, что эта боль живет в нем постоянно, даже в те моменты, когда Георгий шутит, смеется. Несколько раз на летние каникулы Георгий летал к отцу в Тбилиси. Последний визит был самым непродолжительным — он отсутствовал всего неделю. Георгий вернулся задумчивым и расстроенным. Мы с Володькой, конечно, не стали выпытывать у него причины скорого возвращения. Со временем сам расскажет. И не ошиблись. Георгий попытался все-таки докопаться до причин, которые повлияли на отношения между отцом и матерью. Он, видимо, надеялся, что не все потеряно и можно найти какие-то пути для примирения родителей. После долгих бесед с бабушкой, ее сестрами, отцом пришел к выводу — мать сделала совершенно правильно, переехав в Ташкент. По мнению Георгия, во всем была виновата тетка. Ей не понравилась независимость матери, не пожелавшей идти на поводу суровой, властной старой девы. Отец же, по

слабости характера, не смог оградить жену от теткинских методов «перевоспитания».

Семья, дом Володи! Он не обижался, что мы были редкими гостями в его доме. И я, и Георгий старались по возможности не заходить к нему. Хотя, если честно, сначала семья Катериничей производила приятное впечатление. Его отец — Николай Степанович — по выражению собственного сына, представлял собой «яркий образец современного руководителя». Моложавый, холерный, самоуверенный. Умел шутить, заразительно смеяться. А с нами он разговаривал, будто мы самые близкие его друзья. Противоположность супругу — Клавдия Ивановна. Тихая, улыбчивая женщина, в глазах которой усталость и печаль. Странно! При таком-то муже! Директоре проектного института. Откуда все это? Если обстоятельства приводили в володин дом, Николай Степанович нас усаживал за большой стол, где в хрустальных вазах красиво были уложены фрукты, и, блеснув голубыми глазами, просил Клавдию Ивановну, доброй наседкой кружившую около стола, «поднести ребятам по кружечке кваса или компота».

Так случилось: в год поступления в институт мы часто заходили к Володе. Тогда-то я и заметил некоторые странности, заставившие меня задуматься. В семье очень непонятные взаимоотношения. Создавалось впечатление, что под одной крышей живут совершенно чужие люди. Родители никогда не интересовались ни учебой, ни увлечениями Володи. Поначалу мне казалось: отец и мать, зная вспыльчивый характер сына, стараются не докучать ему частыми вопросами. Но я ошибся. Все оказалось намного серьезнее.

Николай Степанович дома и среди друзей был, как говорят, «мужик с распахнутой душой». Пел, танцевал, а говорил! Как Николай Степанович умел говорить! Но... В будние дни и вечера Николай Степанович превращался в капризного, недовольного человека. У него вечно что-то болело, ныло. Однако, я никогда не видел, чтобы он обращался к врачам, принимал какое-либо лекарство. В семье было бесспорно заведено: зимой Николай Степанович месяц обязательно отлеживался дома, а летом, в июне или июле, уезжал на курорт.

— Отец симулянт и лицемер, — признался однажды Владимир, — и не смотри, будто я раскрыл тайну. У меня, как и у Георгия, тоже есть болячка, только дру-

того рода. И поверь, не скоро она заживет... Отец! Родители! Ты только подумай: зарплату отдает только половину, а потом каждую неделю требует с нее отчета, не дай бог, она куда замотает лишнюю пятерку — зашилит. До слез, до истерики... Любой сломается, забудет собственное «я». А что останется? Ничего! Ничего не останется... Тебе, конечно, непонятно, почему отец дома пост, капризничает, вызывает врачей? А я знаю! Чтобы его отъезд на курорт мать воспринимала как факт закономерный... Он должен, а она нет.

Клавдия Ивановна большую часть дня проводила в магазинах, на базарах и кухне. Для нее был не семейный уют, а влиятельные друзья Николая Степановича. Она считала, что именно от них зависит Колино благополучие и будущее. Володя неоднократно пытался переубедить мать, что она поступает и думает неправильно. Клавдия Ивановна, не дослушав слов сына, закипала и начинала обвинять Владимира в жестокости.

— Не желает. Привыкла... Батюшкина работа. Много лет упорно переделывал мать и добился своего. Он сделал из нее, доброй, любящей жены, безвольного и покорного человека. Теперь отец в семье — бог, царь, владыка, — с болью говорил Володя. — Ты даже не представляешь, как мне все надоело. Каждый день видеть отца, быть свидетелем его нытья, капризов...

— Да плюнь ты на все и уходи. Переезжай ко мне.

— Я бы это сделал давно, Азиз. С большим удовольствием, не задумываясь, — сказал Владимир, — а как мать? Ты уверен, что мой переезд не вызовет никаких последствий? А если отец еще больше ополчится на нее? Мать сляжет, и причем серьезно... Случись, не дай бог, что, не прощу себе. Все-таки она... любит меня... И я ее...

— Ты доктор.

— И добавь — самостоятельный человек, — Владимир тихо выругался, — не рискующий вырваться из-под родительского ига. А пока я для отца все-таки сдерживающий фактор.

— Может, кто-то так и думает... я про «вырваться».

— Ну и черт с ними... У меня еще хватит здоровья надеяться, что мать все-таки однажды прозреет. Жду. Жду, Азиз, этого прозренья.

— Ты веришь в это?

— Слабо, но верю.

— И что тогда?

— Попробую убедить мать, чтобы все оставшееся время она посвятила себе.

— Думаешь получится?

— Попробую найти правильные слова... Ведь другой матери у меня не будет.

...Раздался стук в дверь.

— Что с тобой произошло? — спросил Георгий, прижимая к груди несколько кульков.

— Господи! Обрати внимание, Георгий, какое у него сейчас глупое выражение лица, — иронически отметил Владимир и, бесцеремонно отодвинув меня плечом, шагнул в прихожую.

— Далось вам мое выражение. Самое обыкновенное!

— Не скажи, старина. У тебя вид... соблазненного и покинутого мужчины, — категорично заявил Владимир, — советую исповедаться, сын мой, и тебе станет легче.

— Может, Вовик прав... Тебе, Азиз, надо разобраться с грехами. Ты теперь хозяин прекрасной квартиры и имеешь полное право, как сейчас стало модно, пригласить на чашку кофе очаровательное создание, — Георгий осторожно сложил кульки на столе.

— Ты имеешь в виду Тамару? — Владимир извлек из кармана сигареты.

— А почему бы нет? — Георгий удивленно вытаращился на Владимира, — Тамара девушка хорошая, к тому же... красивая.

Я попытался улыбнуться, но не получилось.

Я прошел в кухню поставить чай. Набирая в чайник воду, я подумал. Как бы не складывалась моя жизнь, какие фортели не выбрасывала бы госпожа судьба, я человек счастливый. У меня есть друзья — добрые, бескорыстные и порядочные люди. Мы живем в разных концах большого города, у каждого свои заботы, но они ни в какой мере не отражаются на нашей дружбе.

Георгий поначалу производит впечатление легкомысленного человека. И все потому, что он много шутит, громко смеется, а когда он в компании женщины, его вообще трудно остановить. Тут нечего делать самому неутомимому соловью... В действительности Георгий — умный и грамотный парень, которого многие специалисты считают подающим надежды архитекто-

ром. Несмотря на молодость, его недавно утвердили заместителем начальника отдела. К тому же Георгий чуток, проницателен. Но, что любопытно, он почему-то тщательно скрывает эти качества за смехом, различными прибаутками.

Прямая противоположность ему — Володька. Он с детства застенчив, серьезен. В нем уживаются вспыльчивость и доброта, твердость и нерешительность. Володька легко раним, и заживают раны у него не столь быстро, как у меня или Георгия. А по большому счету, наш товарищ — отличный парень.

В кухню заглянул Георгий.

— Слушай, ты не возражаешь, если мы с Вовиком прогуляемся по квартире. Мы мужчины воспитанные. Встретив кого, обязательно скажем «бонжур, мадам», мило улыбнемся и пойдем дальше.

— Пусть за двоих улыбнется Володька.

— Почему за двоих? — опешил Георгий.

— Он улыбается без намеков.

— Да-а! Без намеков, — брови Георгия сошлись на переносице, — ты... ты бестактный... ты боксер и... пошляк.

В кухне появился Владимир.

— Так что мы скажем мадам? — с серьезным видом поинтересовался он.

— Бараташвили изобразит, что женщин он не замечает. Я пройду мимо с выражением представителя ЖЭКа.

Я вошел в комнату с заваренным в фарфоровом чайнике чаем. Из другой — появились друзья.

— Вполне достаточно для холостого, начинающего тренера, — сделал вывод Георгий, — правда, здесь нет должного уюта, который может создать женщина.

— Слушай, а когда ты думаешь справлять новоселье? — Володя складывал на тарелочке из кружочков колбасы пирамиду.

— В субботу, — хмуро ответил за меня Георгий. Он был чем-то недоволен. — Слушай, Вовка, если ты не оставишь в покое уважаемый продукт, я напишу жалобу министру здравоохранения! Честное слово! Разве может квалифицированный медик, терапевт, быть за столом, за прекрасным ужином, извини, таким до раздражения бесчувственным?! Хочу предупредить тебя, если ты не пересмотришь свое отношение к еде, то я...

— Гога, не нервничай,— Володя посмотрел на товарища поверх очков,— у меня нет аппетита.

— Ну и что? А ты сделай так, чтобы он был! Всегда, три раза в день. Даже больше,— Георгий встал.

— Постараюсь,— рассеянно ответил Владимир,— а ты присядь, Георгий. Я хочу сказать Азизу, зачем мы пришли... Налей ему, Азиз, чаю.

— Только не горький,— Георгий сел и театрально эффектно закинул погу на погу.

— В общем так, Азиз. Мы с Георгием на досуге посоветовались и пришли к такому решению: мы должны тебе триста пятьдесят рублей.

— А почему триста пятьдесят?

— Что? Мало? — Георгий поперхнулся чаем.

— Подожди, Георгий,— Володя постучал по спине друга,— мы знаем, Азиз, ты сейчас почти на нуле.

— Может не надо, ребята?

— Почему не надо? — Георгий стукнул пустой пиалой по столу,— надо! Ты извини, что не можем дать больше! Купи скромный палас, на кухню шкаф и какую-нибудь скатерть. Тоже мне чемпион, мастер, боксер.

— Срок возврата тоже определили?

— Нет. Об этом не говорили,— Володя улыбнулся и посмотрел на Георгия,— Гога заикнулся о каком-то долгосрочном кредите.

— Вовик, не обманывай. Бараташвили — архитектор, а не финансист.

* * *

Я из окна помахал друзьям. Они уехали на троллейбусе. Кругом было тихо. Спать не хотелось. Итак, до субботы... Мой город после напряженного, трудового дня отдыхал. Окна больших, многоэтажных домов погрузились во мрак. А между ними, искрясь, несет свои воды широкий Анхор. Он особенно красив в ночное время, когда его освещает луна. Река как бы оживает, начинает ласково и осторожно заигрывать с ее лучами и, пытаясь их накрыть крохотными волнами, старается увлечь с собой. Здесь по широкой набережной иногда гуляли мы с Тамарой.

Она была моим первым сильным увлечением. Мне и Тамаре все нравилось: волосы, глаза, как она смеялась.

Она любила гвоздики и после каждого выигранного мною боя дарила мне только эти цветы. С Тамарой было легко и просто. И не удивительно, что я почти все свободное время посвящал ей.

Прошел, кажется, год. В наших отношениях почти ничего не изменилось. Я неспроста говорю почти. Тамара по-прежнему оставалась веселой милой девушкой. Но я все же заметил появляющиеся в ее глазах тени то ли усталости, то ли печали. А может, она пыталась что-то скрыть? Сейчас трудно объяснить, почему я ничего не предпринял. А что Тамара? Непонятно от чего, она постепенно затухала.

Тренировки по два раза в день, бои в спарринге — уставал чертовски. И все равно Тамару часто вспоминал. Я вспоминал, как Тамара, когда мы оставались наедине, иногда спрашивала люблю ли я ее? Вопрос ее ставил меня в тупик. Я не мог объяснить своих чувств. Я знал незыблемо одно — Тамара мне нравится, с ней хорошо. Отношение доброе, стараюсь быть всегда внимательным. Разве нужно еще что?

Выходило, нужно. Не мне, а Тамаре. Ей, как я понял, хотелось быть не просто «своим парнем». Она ждала, надеялась, что мое хорошее, доброе отношение перерастет в большее.

Когда я вернулся с соревнований, в аэропорту ее не было. Пришла она на следующий день. Тамара ни о чем не спрашивала. И я молчал, осторожно наблюдая за ней — немного задумчивой и рассеянной. Выпив фужер шампанского, она, наконец, заговорила, осмелела. Заговорила быстро, бессвязно. Я все понял. Бывший школьный товарищ сделал ей предложение.

— Подумай, Тома. Хорошенько подумай. Ведь все очень серьезно. Но мне хотелось, чтобы ты была со мной... Хотелось, — я говорил искренне. Известие Тамары ошеломило своей неожиданностью. Плохо ли, хорошо ли, но мы полтора года вместе. А теперь — расстаться?..

Тамара ушла утром, написав в прощальной записке: «Прости. Подумала. Хочу иметь семью».

Могла ли она остаться? Думаю, что да. Но только в том случае, если бы я ее обнадежил. Выражение «хотелось, чтобы ты была со мной» Тамару не остановило, потому что в нем все-таки присутствовала неопределенность. А ей, взрослой девушке, хотелось ясности.

Как следовало поступить? Этот вопрос мучил меня довольно долго. Я в мыслях строил всевозможные варианты, и все сводилось к тому, что я сделал совершенно правильно, не задержав Тамару какими-либо обещаниями. Сделав это, я бы совершил подлость. Она, мне думается, очень скоро поняла бы, что я не люблю ее. И кому было бы тяжело? Уже двоим.

Мы встретились случайно. Я смотрел на золотоволосую, голубоглазую Тамару, широкое обручальное кольцо.

— Здравствуй, Тома... Ты стала еще красивее!

— А как ты, Азиз? Тебе хорошо одному?

— Я не один...

— Друзей я не имею в виду. Но ты один... Знаешь, почему я ушла?— глаза Тамары потускнели.— В нашей дружбе ты был эгоистом. Быстро привык, чтобы все было тебе, а взамен только доброе отношение. Ты же думал и думаешь по-другому, правда?

— Правда,— сознался я.

— Я бы не ушла, Нариев, от тебя. В конце концов, штамп в паспорте — не главное. Я просто однажды поняла, что ты еще очень молод,— Тамара грустно улыбнулась,— а повзрослеешь только тогда, когда кого-то полюбишь.

— Значит, ты меня любила?

— Я тебя, Азиз, и сейчас люблю,— быстро ответила Тамара.— Прощай, Азиз Нариев.

Тамара посмотрела в мои глаза. Они ей говорили: «Вся беда в том, что я не любил».

— Тамара, приходи, завтра у меня бой.

Нырнув между канатами, пробежал взглядом по темным рядам. Мне показалось, что в зале сидит Тамара... Она всегда приходила на соревнования, в которых я принимал участие. То ли я был в хорошей форме, то ли Тамара «ворожила», но я за полтора года не проиграл ни одного боя. В перерывах между раундами на мгновение встречался с ее глазами и сразу чувствовал, как исчезает усталость. Я смотрел на многолюдные трибуны — неужели Тамара здесь? Успел задать вопрос, как бы я среагировал, если она традиционно ободряюще помахала рукой? Ответить не смог — на ринге появился соперник... Поединок я проиграл.

Белла и ее мать обрадовались моему приходу. Тетя Циля совсем не изменилась — она осталась маленькой, розовощекой старушкой. Говорила быстро, подолгу, с заметным акцентом. Вот и сейчас говорила она, жестикулируя.

Белла не сдержалась:

— Мама, я устала.

— Ты, слышишь, Азиз, моя дочь устала. Она хочет сказать, что ее родная мать похожа на мельницу. Хорошо, что ты свидетель. Ты, пожалуйста, Белле скажи, пусть она лучше меня ни с кем не сравнивает. Покойный муж никогда не смел сказать, что я похожа на мельницу. Я для него всю жизнь была букетом цветов.

— Это теперь надолго, — Белла направилась на кухню.

— Ой, ты слышишь, Азиз. Моей дочери уже не нравится, что ее родной отец меня сравнивал с букетом, — тетя Циля сжала маленькие, пухленькие ручки с короткими, как у ребенка, пальцами. — Боже, какая пошла молодежь. Все ей не нравится, все ей не так. А я не расстраиваюсь. Потому что я живу так, как воспитали меня родители, а они, Азиз, были добрыми и порядочными людьми... Кстати, ты помнишь беллиного папу, дядю Сему?

— Хорошо помню, тетя Циля.

— Так вот, дядя Сема мне часто говорил: «Циля, я всю жизнь буду благодарить твоих родителей за то, что они тебя так хорошо воспитали». Дядя Сема был умным мужчиной и хорошим мужем. И я молю бога, чтобы моей Белле встретился такой муж. Разве я думаю плохо?

— Я с вами согласен. Вы думаете хорошо.

— О, Белла, ты слышала. Азиз говорит, что я не разучилась думать.

— Слышу, слышу, — отозвалась Белла из кухни, — Азиз, а что если мы приготовим плов? Подумай. Есть все продукты. Можно?! Я почищу морковь, лук. Остальное за тобой. Согласен?!

— Я всегда говорю дело, — продолжала тетя Циля, — этому меня научил Сема.

— Мама, хватит, — крикнула Белла из кухни.

— А почему? Разве мы тебе мешаем? Мы сидим и

имеем красивую беседу,—тетя Циля ласково посмотрела на меня выпуклыми светло-кариими глазами и улыбнулась.— А ты, Азиз, возмужал. Ты стал взрослым, красивым мужчиной. И очень похож на маму. Санобар очень симпатичная женщина. Как ее здоровье?

— Кроме гипертонии, начала еще беспокоить печень.

— Ой, ой, как это нехорошо,—тетя Циля всплеснула руками,—слишком много болячек для одной женщины... Передай ей от меня самые наилучшие пожелания.

— Спасибо, обязательно,—кивнул я.

— Мам, Азизу пора готовить,—сказала Белла, входя в комнату.

— А при чем здесь я? Разве я против? Пусть идет. Я тоже хочу хорошего плова. Сема готовил плов, но у него почти всегда получалась каша. А мы все равно ели. Сема был большой чудака. Он всегда брался за дело, о котором не имел даже представления. Я ему говорила: Сема, не берись за плов, ты все равно испортить. Но он уверял, что постарается. Проходило часа два, и Сема с виноватой улыбкой приносил и ставил на стол... Чаше рисовую кашу с морковью и мясом.

— Азиз, пошли,—потянула Белла меня за руку,—масло уже накалилось.

* * *

Георгий подъехал к дому на такси.

— Гога, знакомься, мою старую и новую соседку зовут Беллой.

— Что? Белла! Вах, как звучно. Если не возражаете, сегодня ваш рыцарь — Георгий Бараташвили собственной персоной. И еще, если хотите...

— Гога, будь скромн, не надо все обещать,—перебил я Георгия.

— Вы обратили, Белла, внимание, какие у меня друзья? Почти мерзавцы! Раз в год желаю быть от души щедрым — не позволяют!

— Вы хотите, Георгий Бараташвили, чтобы я вам посочувствовала? — Белла с улыбкой смотрела на Георгия.

— Ребята, давайте к столу,—я начал раскладывать вилки.

— С огромным удовольствием,—Георгий энергично

потер руки,— Володя, приземляйся... Какой ты, однако, неинтеллигентный. Стыдно за тебя перед Беллой. Ну, садись же, я хочу сказать... Ребята! Дорогие мои друзья! Мы вместе почти двадцать лет. И откровенно говоря, я не знаю, мало это или много. Но склонен думать — мало, потому что дружба не имеет возраста. Мы вместе прошли через детство, юность, теперь стали взрослыми мужчинами. Какой-то умный человек скавал: «Ничто так не старит человека, как счастье». И я предлагаю поднять фужеры за то, чтобы каждый из нас постарел только от счастья и ни от чего другого.

...В двенадцатом часу ночи Белла взмолилась.

— Друзья, больше не могу. Завтра на работу,— утомленно сказала она,— танцевать без отдыха с тремя мужчинами, согласитесь, нелегко.

— Правильно,— на удивленье быстро согласился Георгий.

— Может, соберемся вечером? — предложил я.

— Увы, очередное дежурство,— сказал Владимир, надевая пиджак.

— А вы, Белла?

— Не знаю. Во всяком случае постараюсь,— глядя прямо в глаза Георгия, ответила Белла. Судя по всему, Бараташвили ей понравился.

Георгий пошел провожать Беллу.

— У тебя симпатичная соседка,— шепнул он мне в прихожей.

Мои мальчишки давно разошлись по домам. В зале тихо. Я сижу усталый на толстом, брезентовом мате, прислонившись к растяжке ринга. Голова забита мрачными мыслями. Что-то у меня не клеится с тренировками. Бывают минуты, когда я чувствую растерянность. Нервничаю, если кто-то из мальчишек вдруг начинает «сачковать», либо теряет интерес к занятию. Я остро ощущаю свою неопытность. Состояние, скажу я вам, прямо-таки мерзопакостное. И все равно надо что-то предпринимать. Необходимо найти то единственное решение, которое бы помогло не теряться в подобных ситуациях.

Назар Ибрагимович обратил мое внимание на то, что я слишком многого хочу добиться от мальчишек за

одно занятие. Часто, видимо, отвлекаюсь и тем самым нарушаю ритмику тренировки.

— Никогда не забывай, что ты работаешь с мальчишками. Все к ним придет со временем: воля, мастерство, дух товарищества. Только не торопись. В нашем деле спешка противопоказана,— на прощание сказал Назар Ибрагимович.

Он прав, мой наставник. Согласен я и с тем, что мальчишки задают вопросы, «сачкуют», теряют интерес — так считает Назар Ибрагимович,— потому что не ставлю перед каждым определенную задачу на тренировке. Не слежу, как они выполняют мои установки... Я обязан теперь ни на минуту не расслабляться и не выпускать из поля зрения спортсменов до конца занятий.

Так будет. Обязательно. Иначе мне как тренеру грош цена. Хотя и понимаю, что этого добиться смогу не сразу.

Моя спортивная жизнь тоже складывалась непросто и нелегко. Все собиралось по крупицам, которые потом помогали преодолевать барьеры и идти вперед... Да-а! Оставалось сделать шаг. Может, он был бы самым трудным, но я... Впрочем, стоит ли сейчас говорить о том, что не сделано, не осуществилось. Вообще прошедший год — самый тяжелый и несчастливый из всех прожитых... Насиба. Ее замужество, раскрывшее мне ее нутро, которое она скрывала много лет. Первый и чувствительный удар. Затем последовал другой — последний визит Тамары. И, наконец, самым коварным оказался третий — пришлось уйти навсегда из бокса.

И черт с тобой, госпожа судьба! Раунд остался за тобой. Ты потрясла меня тремя мощными ударами. Потрясла, но не более. До конца минутного перерыва есть время, и я успею прийти в себя. А когда гонг позовет нас на очередной раунд, мы еще посмотрим, чья возьмет.

Домой я приехал к вечеру, наскоро поужинал и вышел на балкон. Чистый, прохладный воздух, пропитанный запахами цветущих урючин и вишен, бодрил. Дышалось легко, свободно. Луна светила необычно ярко. Ее ровный, серебристый свет озарял воды задремавшего Анхора, и казалось, что верхушки маленьких илли покрыты янтарем... Весна в Ташкенте... Она прекрасна. Незаметно и быстро парки, скверы, аллеи одесваются и

сочный изумрудный наряд. Город утопает в море зелени, и солнечные лучи погружаются в него, словно в необъятную бездонную пучину.

Надо было садиться за план предстоящей тренировки. Потом улягусь надолго с книгой. Завтра с мальчишками иду на «Трех мушкетеров». Фильм, конечно, им понравится. Но мне надо быть готовым после просмотра запастись терпением и постараться ответить на их вопросы. Заранее знаю — вопросов будет уйма и самые неожиданные. И чтобы не попасть впросак, взял в городской библиотеке несколько книг.

Но поработать не пришлось — зазвонил телефон.

— Привет, старина! Находишься в состоянии активного отдыха? Да?! Завидую... На дежурстве. Вот, выкроил время и решил сообщить: у терапевта Катеринича, как и у архитектора Бараташвили, дела пока идут нормально, — признался, смеясь, Володька.

Чувствовалось: у товарища хорошее настроение. К сожалению, оно у Владимира бывает нечасто. Причиной тому — Николай Степанович, который по непонятным причинам временно затих, и сейчас в володькином доме царствует тишина.

— Володька. Ты куда пропал?

— То же самое хотел спросить и я. Есть предложение — забеги послезавтра. Разговор есть.

— Снова конфликт дома?

— Да нет! Тут меня, понимаешь ли, Гога терроризирует... Бараташвили, не удивляйся, понравилась твоя соседка.

— Вот как! Ну и Гога! Каков хитрюга — мне ни слова не сказал!

— Тем лучше... Короче, жду.

Отложил тетрадь и задумался. Мы с Георгием были удивлены, узнав о решении Володьки стать медиком. Вообще он не любил говорить о будущем вслух. Пытались расшевелить — безрезультатно. Владимир неопределенно пожимал плечами, щурил близорукие глаза. И вдруг — медицинский!.. Он учился на третьем курсе, когда до нас дошло, почему он решил стать врачом. Из-за Клавдии Ивановны!

...День был чудесный. В безоблачном небе властвует солнце. Длинные, строгие тополя, вытянувшиеся вдоль аллеи, медленно покачивали серебристыми макушками. Настроение отличное до дурашливости. Не возражал

бы, если бы из кустов выглянул волк и, погрозив кулаком, пообещал: «Ну, погоди». Но его нет, и я с видом полномочного посла раскланиваюсь с тополями. И вдруг на аллее показалась девушка, очень похожая на юную чинару. Толстый, больничный халат не мог скрыть ее стройности. Что за Дюймовочка в грубом одеянии? Она не шла, а словно плыла по широкой аллее. И эта плавность движения породила во мне ощущение, что незнакомка без тяжелого халата давно бы унеслась переливающейся паутинкой в безбрежную синь, к солнцу.

И, видимо, у меня было настолько изумленное выражение лица, что она не смогла на него не обратить внимание. Бледные, бескровные губы девушки дрогнули, ее громадные черные глаза, казавшиеся еще больше на фоне впалых щек, озарились улыбкой. А я не знал — улыбаюсь или нет. Может быть, да! ...Наши глаза встретились. Наступило мгновение, когда кто-то должен решиться заговорить первым.

— Вы знаете, мне на память пришли стихи,— тихо призналась незнакомка.

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листе румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

— Вы любите Блейка? Уильяма Блейка? — спросила она. Ее вопрос застал врасплох. Честно признаться, с Блейком, его стихами я не знаком. И все равно надо выходить из положения.

— Я его мало читал... Люблю поэзию Фирдоуси, Навои, Бабура.

С ее уст готов был сорваться очередной вопрос, но появился Володя.

— А-а, Шахло, здравствуйте,— тепло поздоровался он.— Молодец! Решились на прогулку?

Девушка едва заметно кивнула.

— Как вы себя чувствуете?

— Чудесно, Владимир Николаевич! Верьте мне на слово.

— Рад за вас... От всей души.

— Спасибо, доктор. Скоро буду проситься домой.

— Пожалуйста, проситесь.

Шахло благодарно улынулась Володе и посмотрела на меня.

— Так вы Азиз? Боксер! Многократный чемпион... Мне о вас рассказывал Владимир Николаевич. Доктор утверждает — вы талант, а сейчас тренируете мальчишек?

Володя, покраснев, торопливо полез в карман за сигаретами.

— Доктор немного преувеличил. Я обыкновенный боксер. И не многократный чемпион... Что он вам еще рассказывал? — задав вопрос, я из-за спины показал Володьке кулак.

— Что у вас много-много медалей и что вы побывали во многих странах... Даже в Америке.

Володя с серьезным видом тормозил карманы — спичек не оказалось. Извинившись, побежал к корпусу... Ай да Катеринич!

— Значит, дела у вас пошли на поправку? — спросил я и посмотрел ей в глаза. В глубине зрачков заметил светящиеся точки. Они то гасли, то вспыхивали. Они что-то сообщали. Или пытались о чем-то сообщить. Смотри внимательно... Да, да, я понимаю! Готов поклясться чем угодно, что это светится ее радость.

Откуда-то издалека донесся вопрос.

— Вы еще придете, товарищ боксер?

— Постараюсь.

— Тогда я пошла... До встречи.

Я не увидел подошедшего Владимира. О себе он дал знать легким покашливанием.

— Кто она, Катеринич?

— Ну что за маразматический вопрос, — Володя пальцем постучал себе по лбу. — Неужели трудно догадаться — большая... Красивая, умная девушка, а вот... Поправилась?

— Да, Володька, очень.

— Глупости... Тебе показалось, — раздраженно буркнул Володя. — И вообще, Азиз, не морочь мне голову... Переключись на Георгия, Беллу.

Володя взял меня под руки и, обдав больничным запахом, заметил:

— Весной, наверно, все становятся влюбчивыми.

— Все, только не ты.

— Врач Катеринич слушает... Азиз? Привет, старина,— чувствую по голосу, у товарища настроение не ахти,— кстати, тренер, вчера Шахло интересовалась тобой. Вы так быстро нашли общий язык?

— Весна, доктор... Я скоро приеду.

— Хорошо,— не сразу согласился Володя.

Добрался я до больницы на удивление быстро. Только сошел с троллейбуса, как подкатил «экспресс», доставивший меня до пункта назначения за десять минут. Друг поджидал у входа в больничный корпус.

— Сегодня я снова с отцом,— сказал Володя, увлекая меня в глубь аллеи.

Я промолчал. Последнее время его конфликты с отцом приняли более острый характер. Причиной же по-прежнему была мать. Володька не просто защищал Клавдию Ивановну. Он теперь из защиты переходил в атаку. Критиковал отца. Николаю Степановичу это, естественно, не нравилось. Он уходил в свою комнату, где выговаривал Клавдии Ивановне, что она воспитала грубого, бестактного человека.

— Опять без меня довел мать до приступа,— Владимир поправил халат и закинул ногу на ногу,— она, видите ли, опять не уложилась в сумму, выделенную на полмесяца... Прямо инквизитор какой-то. О моих деньгах слышать не хочет. Предлагаю — на, бери, только оставь мать в покое. Так нет, говорит, чтобы я обеспечивал себя и не просил у него.

— А матери пробовал давать?

— Пытался. Да все обернулось против нее. Парадокс какой-то, Азиз! Она не смогла умолчать о поступке сына,— Владимир усмехнулся,— отец категорично наложил запрет на мои деньги.

Чтобы отвлечь друга, начал расспрашивать о Шахло.

— Понимаешь, дружище,— другим тоном заговорил Володя,— Шахло больна, причем серьезно. Ей требуется абсолютнейший покой и совершенно противопоказано волноваться, нервничать, переживать. Тогда, может быть, Шахло сможет...

— Володя, а фамилия есть у болезни?

— Зачем тебе диагноз, Азиз? Ты прямо как мальчишка... Разве что изменится, если я произнесу латинскую фразу?

— Но она знает? Догадывается?..

Володя снял очки и старательно протер стекла. Когда товарищ оставался без очков, выражение его лица становилось, как мне казалось, намного мягче и добрее. И тогда он напоминал мне другого Володьку — примерного школьника в алом галстуке, с большим портфелем.

— Сиди здесь. Я сейчас ее позову, — тихо сказал Владимир и улыбнулся. Странная это была улыбка — немного растерянная и все понимающая.

Вскоре я увидел Шахло. Глаза ее радостно сияли.

— Азиз, я выписываюсь! Вы даже не представляете, как я счастлива! А вы молодец. Вы пришли ко мне? Спасибо. Не хочу скрывать — я вас ждала, — Шахло засмеялась. На ее бледных щеках выступил слабый румянец.

— Хотите, я завтра снова приду?

— Нет, нет, пожалуйста, не так скоро! Вы лучше позвоните. Мне необходимо после больницы немного привыкнуть к нормальной жизни. Вы не обиделись? Я так долго здесь была... До встречи!

Шахло протянула тонкую, теплую руку с едва выступающими голубыми жилками.

...Понедельник и вторник показались утомительно длинными. В среду утром помчался на тренировку. После занятий заехал к Георгию на работу.

— Слушай, Азиз, как говорит артист Мкртчян, я тебе скажу одно умное слово, только ты не обижайся. Хорошо? — Георгий вздохнул. — Как ты думаешь, Белла пойдет за меня?.. Она согласится стать женой Георгия Бараташвили?

— По-моему, нет.

— Почему?

— Форсить любишь! Много шумишь, рисуешься... А Белла уважает людей серьезных. Так что я бы на твоём месте поторопился... Тем более, если у вас все ясно.

— Да?! Интересно!

— Неужели, Гога, ты об этом сам не догадался?

— Нет, друг мой Азизджан, не догадался. Зато я убедился еще раз, что ты мне настоящий друг. Ладно, катись. Мне некогда. Жди вечером. Много не готовь — пожарь десятка три палочек шашлыка.

— Из мяса?

— А ты из чего любишь шашлык? Из макарон?

— Есть много мяса вредно.

— Хорошо, Азизджан, мы будем пить чай.

Было уже довольно поздно, когда я добрался до дома. Ужинал в городе, затем решил посмотреть двухсерийный детектив, но, как ни странно, мысль позвонить Шахло не покидала меня в течение всего дня. Глянул на часы — без четверти двенадцать. Поздновато! Так как, Нариев? А, была-не была. Трубку долго не брали. Есть!

— Алло! Добрый вечер!

— Кто это?.. А-а-а, узнала. Азиз? Здравствуйте... Что так поздно?

— Прошу прощения, я, кажется, вас разбудил!... Но мне хотелось поговорить с вами, честное слово...

— Да, Азиз! Я вас слушаю.

— Я получил новую квартиру и хотел, чтобы вы поделили мою радость.

— Когда, сейчас?

— Нет... Желательно завтра. Так как, придете?

— Хорошо.

— Только одно «но...» В моей квартире самые бо-
сые условия.

— Я могу захватить раскладной стульчик.

— Спасибо... Лучше что-нибудь другое... У меня как раз кроме стульев ничего нет.

— Радуйтесь, Азиз, это уже мебель.

— А дополнение к ним — скалка со Знаком качества и четыре граненых стакана... Не многовато?

— Да вы же Крез!

— С этой мыслью я и лягу спать. Оказывается, чертовски приятно чувствовать себя состоятельным.

— Достаток иногда дурно влияет на характер человека... Спокойной ночи.

— Приятных сновидений. Завтра жду вас в семь вечера у художественного салона.

* * *

Георгий заявился, традиционно гладко выбритый, надушенный, в легком светлом костюме.

— Гога! Недавно звонила Белла. Она прийти не сможет по причине внеочередного собрания.

— Очень жаль, — Георгий сразу же скис. Шумно вздохнув, он повесил пиджак на спинку стула. — Когда

мы откажемся от порочной практики часто заседать..!

— Но будет другой человек — Шахло.

— Шахло! — изумленно воскликнул Георгий, — а ты, генацвале, хитер... Значит сегодня твой вигвам посетит красавица... Так сказал Владимир. Но ты не представляешь, как я рад. И чувствует сердце Георгия Бараташвили, ты предстоящим визитом закабалишь себя. При чем надолго, — торжественным тоном заявил Георгий.

— Фантазер ты, Гога! Знаешь же, я никогда не пользовался успехом у женщин...

— Вай, какая чепуха, — сморщился Георгий. — Если она полюбит — ты для нее будешь Иосифом Прекрасным. В общем, так. Я бегу в гастроном, а ты, пожалуйста, приведи квартиру в порядок. Есть авоська?

— Гога, ну откуда у меня авоськи, сетки...

— Бесхозяйственный разгильдяй, — Георгий хлопнул дверью.

Вечер прошел отлично. И в этом в немалой степени был «повинен» Георгий. Шутки, остроты лились из его уст, как из рога изобилия. И Шахло, робко переступившая порог, отвечала на его шуточки шуткой, что приво-дило Георгия в буйный восторг. Он громко смеялся, аплодировал и смеялся до слез.

Когда друзья немного подустали, я взял гитару, провел мягко пальцами по струнам.

— Только, Азизджан, не надо петь про разлуку, печаль. Что-нибудь, пожалуйста, про веселое настроение. Я прав? — сказал Георгий и посмотрел на Шахло.

— По-моему, да.

Взяв несколько аккордов, я посмотрел на Шахло. Каждая черточка ее лица, глаза стали еще привлека-тельнее. В уголках затаилась мягкая, задумчивая улыбка. Я запел.

Смеясь задиристо и нежно,
Беспечен, дерзок, неучтив,
Локтями действуя прилежно,
Шагал по улице мотив.

Потом мы пили чай с тортом. Больше всех его хва-лил Георгий. И неудивительно — торт к приходу Шах-ло покупал Бараташвили.

...Я проводил Шахло до дому. Она жила за ЦУМом. От метро мы шли пешком.

— Как вам понравился мой друг?

Шахло ответила не сразу:

— Он большой умный ребенок, наделенный природой чувством юмора... Ум и чувство юмора! Просто великолепный союз. И давно вы дружны?

— С детства.

— О, да вам, Азиз, можно позавидовать. Ваша дружба прошла проверку времени, а это совсем не пустяк.

— А у вас нет подруг?

— Таких нет. К сожалению,— в голосе Шахло чувствовалась искренность.

— Нас трое. Ни больше, ни меньше... Может, и вы присоединитесь?

— О-ля-ля, товарищ боксер, не спешите с приглашением... Я сначала должна окрепнуть духом.

— Вы знаете, Шахло, я рискну подождать.

— Месяц или два — не срок. Настоящими друзьями становятся не сразу... Вот я и дома!

— Давайте договоримся сразу — сегодня я никаких приглашений не принимаю. И не смогу сделать исключения даже для вас.

— Какая жалость! Вы меня, признаюсь, сильно огорчили,— Шахло вздохнула,— но я могу надеяться?

— Разрешите подумать. Завтра не могу, в пятницу тоже. Суббота! В субботу у меня свободный вечер.

— Великолепно. Позвольте рассчитывать, что вам не составит труда приехать с визитом.

Впервые в жизни я не шел, а летел. Впервые в жизни мне хотелось петь. Очень хотелось. И, поверное, потому, что я был полностью охвачен, заполнен такой красивой мелодией, которую раньше слышать не доводилось.

Николай Степанович отпил из стакана глоток минеральной воды и вновь поднял глаза на сына.

— Если я правильно понял, Владимир, тебе не нравится, и причем давно, мое отношение к матери.

— Именно так, — Володя стоял, упершись двумя руками в спинку кресла. (Разговор велся в отсутствие Клавдии Ивановны).

— А тебе не кажется, мой дорогой, что ты похож на

того цыпленка, который вздумал поучать своего роителя? — Николай Степанович допил содержимое стакана. — Вот что, сын, давай договоримся раз и навсегда. В этом доме и семье будут жить по тем правилам, которые нравятся мне. Здесь мое слово — закон. И оно не подлежит ни дискуссии, ни обжалованию.

— Но ты же хорошо знаешь, что твои правила на меня не распространяются и я живу по другим законам.

— Разве? — Светлые брови Николая Степановича слегка приподнялись. — А я и не предполагал, что у тебя существует собственная конституция... Коли так, Владимир, нам будет трудно жить вместе и находить общий язык.

По губам Володьки скользнула улыбка.

— Жили мы всегда трудно, отец... А общий язык? Зачем его искать, если точно знаем, что нами он безвозвратно утерян... Однако, вернемся все-таки к началу нашего разговора.

— Владимир, я не люблю повторяться.

— Да, да, я понимаю, отец. Высказавшись о правилах, законах, ты даешь мне информацию к размышлению... Устраивают они тебя — живи, нет — можешь сматывать удочки.

Николай Степанович молчал. Глаза его светились холодом и спокойствием.

— А я не уйду, отец. Я буду с вами. Выгнать же ты меня не сможешь. Побоишься. Разговоров побоишься.

— Перестань молоть чепуху, — Николай Степанович устало вздохнул и принялся разглядывать свои холеные руки.

— Уйду тогда, когда посчитаю нужным... Война за маму продолжится.

— Рожки не обломаешь? Они у тебя еще молочные.

— Черт с ними, рожками... Будет хуже, если они сойдутся у тебя... Пошли, Азиз. Отец привык думать наедине. Тем более, что ему есть о чем поразмыслить.

Выйдя на улицу, мы молча дошли до консерватории. Будто сговорившись, в кафе «Лаззат» выпили по бутылке холодного лимонада, а потом поехали ко мне.

Уже перед тем, как лечь спать, Владимир подсел на мою раскладушку и признался:

— С батюшкой, Азиз, воевать будет непросто. Он

знает, что мама еще любит его... А потом, они люди другого поколения и воспитания. Вот я и думаю... Хватит ли у нее силы перебороть себя?.. А это, как я понимаю, матери будет сделать совсем непросто.

...В субботу вечером я у знакомого подъезда.

— Добрый вечер, Шахло.

— Заходите, Азиз.

Прошел в комнату. Следом появилась Шахло, в легком ситцевом халатике. Она катила маленький столик с бутылкой сухого вина и закуской.

— Какую музыку предпочитает гость?

— Легкую.

— Минутку, — Шахло вынесла магнитофон, — если не возражаете, сначала будет петь мой любимый певец.

Комнату заполнил сильный, красивый голос Владимира Атлантова.

— Послушайте, Шахло! Предлагаю перейти на «ты».

Она улыбнулась и разлила мусаллас по бокалам. Предложил выпить за дружбу. Шахло кивнула, пригубила вино. «И оно ей противопоказано. Хотя сухое вино в небольших дозах полезно, — думал я, — наверняка трудно отказывать себе в крохотных удовольствиях... Мать Владимира страдает диабетом и все равно украдкой ест конфеты, варенье, пирожные. Но ей за пятьдесят, а за что судьба немилостива к тебе?»

Спохватился и принялся рассказывать Шахло о друзьях, детстве, о мальчишках из секции. Немного позже я узнал, что родители Шахло — врачи, полтора года назад уехали работать в Афганистан. Они долго колебались, прежде чем согласиться. Считали дочь маленькой, неприспособленной, хотя Шахло в тот год стала студенткой физико-математического факультета. После долгих уговоров, обещаний, родители уехали и ежемесячно пересылают определенную сумму на ее сберкнижку. Последний раз за деньгами она ходила в январе. Сегодня за окном май.

После зимней сессии Шахло почувствовала недомогание. Она не придавала этому серьезного значения. Но позже стало хуже и ее увезли в больницу. Родителей не стала тревожить, так как была уверена — болезнь пустяковая и ее скоро выпишут. С тех пор лечится. Сейчас она уверена — в больнице ей больше не бывать. Вчера ездила в институт, получила разрешение декана

на сдачу летней сессии. Так что надо основательно готовиться к предстоящим экзаменам.

— Азиз, спой что-нибудь,— неожиданно попросила Шахло,— есть гитара. На ней раньше папа иногда играл.

— Ого, дорогая штучка,— я погладил полированное дерево и провел по струнам,— расстроена!

— Неудивительно. Висит целую вечность.

Я настроил гитару, а потом запел:

Отстали мечты,
Бредут позади меня.
Жизнь, по-прежнему ты
На шаг впереди меня.

* * *

Эркин на тренировку не явился. Спрашиваю у мальчишек:

— Ребята, кто знает, почему отсутствует Эркин?

Наступила тишина. Значит, что-то произошло. Неужели подрался? Или стал инициатором потасовки? У Эркина организаторских способностей не отнять. Может товарищей увлечь... Драка?! Нет, нет. Быть не может. Он мне дал слово.

— Его из школы хотят исключить,— наконец первым признался Сурат,— а за что, мы не знаем.

— Приготовиться к разминке. Я разберусь. Лазиз, давай поменяемся местами. Сегодня разминку будешь проводить ты.

У мальчишки от удивления даже рот приоткрылся, в глазах растерянность.

— У тебя получится. Не тяни, начинай!

По команде Лазиза мы, сделав круг по залу, выбежали из зала на открытый стадион. Заканчивался пятый месяц моей работы с мальчишками.

Что я как тренер успел сделать? Наверно, немного. И все-таки. Окрепла дисциплина в секции, ребята заметно возмужали, стали собраннее. Я уже в какой-то мере знаю каждого воспитанника, его возможности, о родителях, друзьях и увлечениях. Теперь мы сообща разрабатывали план занятий, нашего досуга. У нас в секции появился ответственный дежурный — он избирался на месяц самими же ребятами. Дежурный следил

за внешней формой боксера, раздавал после разминки перчатки, вел дневник посещаемости. Уходя домой, обязан был закрыть зал и вручить ключи вахтеру. Создали совет из пяти человек, куда вошли наиболее авторитетные мальчишки. В функцию совета входило: разбор конфликтных ситуаций, посещение заболевших, ежемесячное подведение итогов работы секции и многое другое. Короче, приучая ребят к самостоятельной работе, я тем самым незаметно сеял семена сплоченности, коллективизма.

Но не думайте, что моя работа шла как по маслу. Повторяю — мальчишки народ славный, но заниматься с ними на одном уровне, без каких-либо срывов, просто невозможно. Среди них есть обидчивые, тщеславные. Есть такие, которые туго соображают или делают вид, что не понимают.

И это еще не все. Почти в каждом живет талантливый озорник. Он сидит, нет, не сидит, а рвется наружу постоянно.

Удивляешься, внутренне улыбаешься их неистощимому запасу в выдумках, но обязательно остаешься на чеку. Поэтому моя работа с ними начинается задолго до разминки и не заканчивается, а лишь прерывается на несколько суток до следующего занятия, чтобы продолжать приучать ребят к неписанным законам спорта. Внушать, доказывать, и как можно убедительнее, что озорство, плохая учеба в школе идут только во вред боксу. Признаюсь, я прикладывал немало усилий, чтобы сделать тренировки интересными и разнообразными. Занимался, работал с мальчишками на равных. И они в пылу занятий не замечали моей хитрости. Я с каждым разом увеличивал нагрузки, реже разрешал кому-то делать перерывы. Во-первых, мальчишки привыкнут работать всерьез, с полной отдачей, во-вторых, быстрее усвоят азы бокса. И, наконец, в-третьих, тренировка с должной нагрузкой требует обязательного отдыха. А раз так, значит, у них меньше останется времени для всевозможных проказ.

...Классный руководитель не стала сама рассказывать о проступке Эркина, все стало ясно в кабинете завуча.

Завучу на вид около сорока. Плотный, в добротном костюме. Встретил меня приветливо. Но когда узнал,

кто я, стал похож на каменную глыбу. Довольно холодно поведал о случившемся. Эркин, каким-то образом проникший на школьный склад, вырезал у четырех противогазов очки и большой кусок бараньего тулупа, лежащего там с незапамятных времен. Якобы, пытались у него узнать причину, но мальчик упорно молчит.

— И вообще, Эркин Захидов отрицательно влияет на товарищей по классу... В его портфеле мы обнаружили ашички!

— А вы в детстве разве не играли в ашички?

— Представьте себе, не играл.

— Как вы собираетесь наказывать Эркина?

— Мы его исключим. ...Школа считается в районе одной из лучших. И не хотелось бы, чтобы о ней пошли ненужные разговоры.

— А что будет с Эркином?

— Пусть думают родители.

— А вы, значит, думать не хотите? А зачем вы вообще работаете в школе?

— Теперь я не удивлен, откуда у Захидова появились дурные склонности,— завуч отвернулся к окну.

...Мы с Эркином сидели в скверике.

— Зачем носишь с собой нож, ашички?

— Мы с Колькой вырезали парусник. А когда мама позвала домой, я положил ножик в портфель. Хотел в школе отдать Кольке, это его ножик... А ашички? Азим подарил... Он живет в соседнем дворе...

— Теперь о противогасах. Для чего вырезал очки?

— А смеяться не будете?

— Нет.

— Прошлым летом разрешил знакомый пацан в его очках нырнуть... Знаете, как здорово! Плынешь под водой и все видишь. Даже рыбок! А камни зеленые, словно бархатные подушечки,— Эркин вдохновился.— Там трава растет! Такая же, как и на земле. Красивая, мягкая. И лягушки встречаются. Только они трусливые. Как увидят человека, сразу удирают. Смешные, лупоглазые.

Откровенный рассказ Эркина многое прояснил, но не менял положение дел и вину с мальчишки не снимал. Надо думать, как помочь мальчишке.

— Эркин, я понимаю, что хорошо иметь очки. Но зачем тебе четыре пары?

Мальчишка шмыгнул носом, признался.

— Я не себе... Хотел, чтобы они были и у Азима, и у Кольки, и у Батыра... Знаете, Азиз Пулатович, они мне не верят, когда рассказываю. Смеются...

— Так, понятно. Ну, а тулуп? Какое он имеет отношение к очкам?!

— Да он весь гнилой, кое-как целый кусок нашел.

— Зачем? На лянгу?

— Нет. Батыру щенка подарили — хороший пес, умный. А мать Батыра вместо подстилки бросила собаке какую-то пыльную тряпку. Вот я и подумал о щенке...

— Ты понимаешь, что испортил школьный инвентарь?

— Понимаю... А противогазы, Азиз Пулатович, были очень грязные. Они в пыли валялись... Я решил, они не нужны...

— Ладно, иди домой.

— Меня накажут, да? Я могу вернуть очки и подстилку...

— Иди, иди.

Я направился в университет к старому знакомому, в прошлом боксеру. Узнав о моей просьбе, замахал руками. Противогазы — забытый инвентарь, но числятся за ним. А случись проверка! Он будет вынужден вложить собственные рублики!

Я ему рассказал об Эркине и о неприятностях, которые ожидают мальчика.

— Только смотри, Азиз, если комиссия нагрянет, придется вернуть. А если нет, — товарищ развел руками, — считай повезло.

— Договорились.

Педсовет состоялся на следующий день в пять вечера. За разрешением присутствовать зашел к директору — высокой, пожилой женщине с усталыми глазами.

Мать Эркина сидела рядом с классным руководителем.

Педсовет открыл завуч. Он еще раз упомянул о коллективе школы, ее авторитете, потом рассказал о происшествии, будто бы потрясшем весь педсовет. Завуч назвал его «вопиющим хулиганством» и обвинил в неправильном воспитании Эркина классного руководителя, родителей, не сумевших в нем увидеть зачатки бездушного, безответственного человека, теперь заслуживающего самого серьезного наказания. Он за исключение Захидова из школы.

Потом выступили другие педагоги и, конечно же, классный руководитель. Она говорила длинно, сумбурно. Часто повторяла, что школа, ее класс — лучшие. И понял я, она защищала не провинившегося ученика, а себя. Она всеми доводами, силами пыталась отвести упреки, обвинения и направить их на мать Эркина. Та молчала. Когда наступила тишина, директор сообщила:

— Товарищи, на нашем педсовете присутствует еще один педагог. Азиз Пулатович Нариев. Он обучает детей боксу. Эркин Захидов занимается у него в секции. Давайте послушаем тренера.

Меня охватило непонятное волнение.

— Извините... Я, наверное, чего-то недопонимаю. Но, по-моему, мы говорим не о том. Нет, нет, звучит правильно. Но к чему слова: «вопиющий», «авторитет», «лучшая в районе», — я провел ладонью по лбу. Он был влажный. — Мы же говорим не о преступнике, а об ученике, сделавшем глупость. Зачем же так жестоко? Ни он, ни его мать этого не заслуживают. Я предлагаю разобраться во всем по-доброму. Если хотите, как поступают взрослые, умные люди. А начинать с наказания, подводить под исключение из школы... Я не согласен. Это непедagogично... Что? Да, да, конечно... Я хочу спросить у собравшихся педагогов: кто знает, почему Захидов решился на подобный шаг?

Седой мужчина в больших роговых очках оторвался от бумаги и спросил у меня:

— А вы знаете? Расскажите, мы слушаем.

— Представьте себе мальчишку, которому однажды посчастливилось увидеть жизнь под водой. О ней он узнал, когда товарищ дал ему свои очки.

— Извините, молодой человек. А причем тогда противогаз? — перебил седой мужчина.

— У Эркина не было очков. Но ему очень хотелось их иметь. Мальчик мечтал летом продолжить свои наблюдения.

— Но он испортил четыре противогаса, — напомнил завуч.

— О том, что увидел, мальчишка с восторгом поведал друзьям! Но ему не поверили. И, чтобы не выглядеть обманщиком, он срезал столько очков, сколько было неверующих.

— Понятно,— седой мужчина прокашлялся,— а как объясните порчу тулупа?

— Для щенка. Ему нужна была подстилка для собаки. И Эркин, увидев полусгнивший тулуп, вырезал из него кусок.

— Захидов нанес школе материальный ущерб,— не сдавался завуч.— Где мы возьмем противогазы?

— Не беспокойтесь, товарищ завуч. Я их принес.

Седой мужчина улыбнулся.

— А тулуп не прихватили?

— Нет. Я поверил Эркину, что тулуп непригодный. А лишать щенка подстилки не решился. Думаю, собака со временем отблагодарит мальчишек за внимание.

— Все равно Захидова надо наказать,— настаивал завуч.

— Согласен! Надо наказать и так, чтобы ему больше в голову не пришло сделать подобную глупость.

Возвращаясь домой, я думал: «Я выиграл сегодня необычный бой». И эта победа мне казалась самой великой, самой значительной из всех.

* * *

— Добрый вечер, Шахло.

— Ты ошибся. Уже давно ночь... Боже мой, четверть второго.

— Прости! Не мог не позвонить.

— Ты же мог зайти. Чем ты сегодня занимался?

— После работы у Георгия был. Мы с ним заехали к его матери, потом Бараташвили уперся: ему, видите ли, захотелось увидеть Беллу... у них роман из трех частей.

— Любопытно! Первый раз слышу.

— Вступительная часть — знакомство. Вторая — он, наверняка, сделает ей предложение. Третья — через месяц могут расписаться. И я считаю это явлением нормальным... Георгий как-то сказал: «Азиз, я женюсь неожиданно!..» Хочу последовать его примеру.

— Кто возражает? За кем остановка?

— За тобой.

— За мной? Ты думаешь, о чем говоришь?

— Я не пьян... Мне хотелось бы... приехать к тебе

и...

— Объясниться в любви?

— Уже признался! Минут сорок назад швейцару одного ресторана.

— Азиз, причем здесь швейцар?

— Рассказал без утайки о чувствах к тебе, и он мне помог приобрести бутылку шампанского.

— Дай мне адрес того швейцара. Хочу подробнее узнать о вашей встрече.

— Не надо. Ни к чему... Я лучше сейчас приеду и расскажу.

— Азиз... Уже поздно. Лучше отдыхай, наставник. У меня сегодня день был тяжелый. Я сдала последний экзамен... С большим трудом вытянула на стипендию. Спокойной ночи.

— Да, конечно... Извини за поздний звонок.

Вышел на балкон и прилег на раскладушку. Черное небо усеяно мириадами ярких звезд. Рядом, словно приклеенная к огромному звездному покрывалу, зависла желтая луна. Станный диск, не вызывавший у меня с детства никаких эмоций... А сейчас, глядя на сияющую медаль, вдруг вспомнил Тамару. Да, она эффектная. Некоторые откровенно восторгались ею, а для меня Тамара была всегда луной. Красивой, но чужой. С Шахло иначе!

...Шахло. Она буквально ворвалась в мою жизнь. Словно порыв весеннего ветра, пропитанного запахами диких трав и цветущих садов. Я испытывал всем существом незнакомое до сегодняшнего дня состояние — легкое, парящее и волнующее. Как победа, как звуки гимна в многотысячном затихшем зале.

Что с тобой, Нариев? Почему с Шахло легко? Почему последнее время ты живешь разьединственным желанием — быть рядом с Шахло, смотреть в ее глаза, похожие на ночное море? И почему это желание не покидает тебя даже во сне?

Подожди, не торопись. Ты вспомни: еще недавно ничто не предвещало беду. Все шло хорошо, даже слишком хорошо, пока не случился приступ у Шахло и она была вынуждена переключиться на строгий режим, предписанный Владимиром. И всему виной ты!.. Господи! Только человек способен за короткое время совершить огромное количество глупостей.

После выхода Шахло из больницы то ли забылся, то ли упустил из виду, но я запомнил о предупреждениях товарища и закрутил, завертел наши дни, будто

рядом находился здоровый человек. И к тому же Шахло строго-настрого запретила мне напоминать о больнице.

Она похорошела и, наверно, потому, что мечтала именно о такой жизни, когда наступивший день до предела насыщен интересными событиями и встречами.

А в глазах Владимира я читал тревогу. Его беспокоила Шахло. Она, по мнению врача, слишком быстро обо всем забыла.

Владимир делал ей знаки выйти на балкон. Там он превращался в строгого медика, что-то выговаривал, отчего Шахло смущенно опускала голову, а на губах появлялась улыбка.

— Старик, сбавь обороты... Мне не нравятся ваши темпы.

И в один из дней его предсказание сбылось... Мы с Шахло возвращались со скромного застолья, устроенного коллегой по спортобществу по случаю выхода его жены из роддома. Прошло оно шумно, весело. Распрощались часов в одиннадцать и поехали трамваем домой. На остановке Шахло неожиданно качнуло. Она прошла метров пятьдесят и, резко остановившись около де-

рева, ухватила за него. У Шахло начали медленно подгибаться колени. Я подхватил ее и, не замечая удивленных взглядов, осуждающих и улыбающихся лиц, быстро понес Шахло домой. Я был почему-то уверен: там, в квартире, ей станет лучше. Она откроет глаза, как только голова ее коснется подушки. И, как ни странно, даже мельком не подумал и не вспомнил о болезни Шахло. Может, более хладнокровный человек, с большей выдержкой мог и соображать. Я же не смог. Зато было другое. Непонятно откуда появившаяся уверенность: Шахло сильно переутомилась. Именно переутомление и ничего другого.

Она открыла глаза в подъезде, на лестничной площадке. Коснулась рукой моего плеча, потрепала и, не слушая моих возражений и протестов, заставила поставить ее на ноги. В квартире я уговорил Шахло прилечь и ринулся вниз к телефонной будке. Чтобы она не слышала, надо сообщить другу о случившемся.

Впервые за годы дружбы Владимир разговаривал холодно и резко. Обозвав меня человеком со сдвинутыми мозгами, повелительным тоном потребовал выложить все в деталях. Когда я замолчал, коротко бросил: «Сейчас приеду».

Бесцеремонно вытолкнув меня на кухню, Володя раскрыл кожаный портфель. Вышел хмурый, сосредоточенный и сквозь зубы произнес:

— Дать бы по твоей бараньей башке.

— Володька, да ты что? — Я никогда не видел друга столь возмущенным.

Владимир нервно дернул плечами, поправил очки, быстро полез в карман за сигаретой. Размяв, бросил ее на подоконник и заговорил — глухо, раздраженно:

— Я тебя предупреждал, просил — отнестись к Шахло с пониманием. Ей нужен покой! Абсолютный! Видишь, чем кончилось?

— Володька, успокойся. Не игнорировал я... И плохого не хотел.

Он посмотрел мне в глаза. Я не знаю, что он там увидел, но Володя вдруг обмяк. Устало вздохнув, сказал:

— Завтра Шахло привези в больницу. Ей нужно сдать кровь на анализ... Короче, старина, произошло то, чего я больше всего боялся. Правда, поздно об этом

говорить, но... Вам не надо было встречаться. Все. До свидания. Не провожай. Иди к Шахло.

...После долгих уговоров Шахло согласилась поехать в больницу. Анализ не выявил каких-либо отклонений. Все оказалось в норме. Однако по возвращении домой я напомнил Шахло о режиме, его необходимости.

— Раз надо — придется подчиниться, — быстро согласилась Шахло.

Удивительно, она не стала возражать. А почему? Ей хочется остаться у меня? Шахло желает, чтобы я был всегда рядом?

— Азиз, — позвала Шахло, — подойди, сядь, пожалуйста, рядом... Знаешь, о чем я сейчас думаю? Мне для выздоровления нужна вера. Надо уметь в самых сложных обстоятельствах не терять веру в лучшее.

— Так-то так, Шахло, но ее одной... — я на мгновение задумался.

— Хочешь сказать — недостаточно. Согласна... — Шахло медленно провела рукой по слегка влажному лбу, — человек, Азиз, не может жить одними надеждами. Его жизнь, по-моему, со временем теряет смысл... Только вера, сила, желания делают нас способными чего-то добиваться, чему-то противостоять... Короче, быть личностью.

Проходили дни. Шахло строго по часам принимала лекарства. Наблюдая за ней, я заметил-таки появившуюся легкую нервозность. Ее ко всему начала раздражать бездеятельность, обстановка покоя и тишины. Свое же положение я сравнивал с Фигаро. С одной стороны — Володя. Его советы, предостережения. После происшедшего их забыть просто невозможно. С другой — Шахло. Со временем я начал склоняться к тому, что именно обстановка располагает ее к мрачным мыслям. Именно по этим причинам стала скованнее ее удаль, огромное желание находиться среди людей.

Как быть? Как и где найти вариант, который устроил бы Владимира и в то же время встряхнул бы Шахло? Причем, такой, чтобы она больше не думала о болезнях, больнице. Его я не находил. Меня это мучило и злило. Я пробовал отвлечь Шахло песнями, смешными эпизодами из жизни боксеров, даже танцевал. Вдруг поможет... Когда же Шахло, устав от «потрясного, полного юмора» выступления, засыпала, уходил на кухню и сквозь зубы выговаривал:

— Давай, Азиз, выплясывай... Ты молодец, здоровенный детина. Тебе незнакомы болезни, уколы, больничная койка. Выходит, повезло! Вот и пляши. Пусть Шахло любит на твои семьдесят килограммов, где не нашлось крохотного уязвимого места, куда могла пристать зараза. Рисуйся, Нариев, под лозунгом «Да здравствует здоровый, счастливый Азиз»... А что Шахло? Она, естественно, так не сможет. Если нет, то какого черта рисуешься, лишний раз подчеркиваешь ее положение?

И где-то далеко в сознании неизвестный настаивал, чтобы я не пел, не терзал сердце Шахло словами любви. Реже упоминал о большой прекрасной жизни. Это, оказывается, больно. Я должен всегда помнить — жизнь Шахло другая.

Что делать? Итак, эксперимент, как и следовало ожидать, закончился полным провалом. Что дальше? Пустота! Десять лет, проведенных на ринге, научили меня многому. Я окреп, познал вкус неудач, трудные дороги, но сейчас... Я растерян, ошеломлен. С подобной ситуацией меня жизнь еще не сталкивала.

В голове сплошная чепуха. Порой хотелось опуститься на колени и попросить прощения у Шахло за то, что недуги обошли меня стороной, или мелькало желание прикинуться больным... Так, за компанию. Нет, нет, глупо и смешно, Азиз!

Понимаю состояние Шахло... Там, за порогом — жизнь. Люди! Разные люди — счастливые, глупые, удачливые.

А Шахло не хватает самого малого, чтобы прочувствовать все, предназначенное природой. Я нервничаю и ничем не могу помочь Шахло! Боже мой, дружище! Я не слеп, вижу! Ты не завидуешь, не осуждаешь. В глазах твоих постоянно светит тепло, которого я ни разу не ощутил во взглядах матери и сестры. Оказывается, дьявольски трудно здоровому человеку находиться постоянно рядом с больным. И вдвойне тяжелее, если это — любимый человек.

...Зазвонил телефон. Друзья в столь поздний час не тревожат. Кто-то перепутал номер?

— Ты еще не спишь?

Стараясь не выдать удивления, спокойно ответил Шахло, что ждал ее звонка. В мембране послышался тихий взглас: «Даже так!» Быстро переключился и

лихорадочно соображаю. Надо как-то объяснить, почему я ждал звонка. Почему? Ага, нашелся! «Забыл пожелать спокойной ночи». Шахло недовольно кашлянула.

— А мне снится... Черт знает что.

Я понял по интонации, что Шахло чем-то расстроена. Но успокаивать ее не стал. Она должна выговориться — верный способ для разрядки.

— Слушай, Азиз, тебя никогда не хоронили во сне? — Шахло неожиданно перешла на шепот.

— Нет.

— Ах, да! Я совсем забыла, что ты редко видишь сны, — в ее голосе не было укора. — Чем занимаешься?

— Сижу и жалею, что я молод... Многого не знаю и не умею.

— Глупенький — всему свое время. Ты еще будешь мудр. Я серьезно, Азиз... Что? Ты пошел? Куда?

— Как куда? Одеваться, а потом ловить машину! Я еду к тебе! И не один, с презентом швейцара.

Шахло рассмеялась.

— Может, без него?

— Не могу, и не имею права. Он наш. Тогда ты меня уговорила — я еду!

— Господи, Нариев! Какой ты еще мальчишка...

Мы сидели друг против друга. Я кивнул на шампанское. Она отрицательно покачала головой и дала глазами понять, чтобы пил яблочный сок. Будь по-твоему!

— Азиз, спой, пожалуйста.

— Поздно же.

— А ты тихонечко, для меня.

Я взял гитару. Шахло сидела в кресле, заметно побледневшая.

— Ты себя плохо чувствуешь?

— Нет-нет, я немного устала, — Шахло опустила голову на спинку кресла.

— Тебе надо лечь.

— Только не сейчас... Знаешь, Азиз, пройти бы через все этапы жизни. Два — детство и юность — уже позади. Теперь, как мне кажется, остались самые главные... Ты только не смейся — я люблю жизнь. Люблю людей здоровых, сильных, не знающих, что такое клиника, болезнь, уколы.

— Не надо об этом, Шахло.

— И совершенно не понимаю тех, кто губит себя спиртным, бездельем, кто живет одним днем. Самые страшные среди них, Азиз, люди, которые жизнь проводят в тюрьмах. Вдумайся, тренер. Человек рождается любить, творить. А вместо этого он совершает зло, лучшие годы проводит за решеткой. Мне никогда не понять, по каким меркам они живут. Странно! Наша, моя, твоя жизнь для вселенной — часы, минуты, может быть, даже секунды. Так почему мы не бережем ее? Почему мы так безалаберны к тому, что нам на время даровано природой?

Шахло поднялась и, сжав виски пальцами, медленно заходила по комнате. Потом, как бы невзначай, нажала кнопку торшера, выключила свет. Остановившись рядом, неожиданно шепотом предложила:

— Я включу магнитофон и скажу тебе что-то... Хорошо?

Щелкнула клавиша, и зазвучала когда-то популярная «Дилайла».

Шахло присела на подлокотник кресла.

— Много-много лет назад я видела мексиканский фильм про любовь. Названия не помню. В памяти сохранился один эпизод. Герой по имени Рамон берет на руки возлюбленную и кружит ее. С тех пор мечтаю о вальсе на руках любимого человека. Мечтаю крепко прижаться к его сильной груди, ощутить музыку, чувство радости.

Осторожно обняв, как маленького ребенка, без усилий поднял Шахло и закружил по комнате.

— Нариев, будь всегда рядом. Хорошо? Не оставляй меня больше одну... Провожая родителей, я в аэропорту предупредила — если полюблю — не стану ждать их приезда... Мне кажется, я слишком долго тебя ждала... Даже в больнице, когда мне было плохо. Теперь... Теперь ты со мной

Я кружил, не слыша музыки. Ее слова, горячее, порывистое дыхание, непонятно как проникавшее в меня, окутали сердце теплым, легким покрывалом. А в голове, в какой-то извилине, постукивало, болезненно напоминая, что однажды всего этого может не быть. Ни музыки, ни вечера... ни Шахло. С каждым движением тревога сковывала мое дыхание, и, наконец, так сильно сдавила грудь, что я остановился. Я стоял, тяжело ды-

ша, крепко держал на руках Шахло... Что за чепуха! Она должна, она будет жить.

...Проснулся я рано — за окном только начало светать. Боясь потревожить спящую Шахло, я долго без движения лежал на спине. Когда в комнате — прошел приблизительно час — стало немного светлее, осторожно перевернулся на левый бок. Шахло, кажется, видела сон. И, по всему, он был хорошим, этот сон, потому что она улыбалась...

* * *

Среди многих площадей города — площадь имени Ленина самая большая и красивая. Когда-то она была крохотной, земляной. Потом здание Совмина — недавно оно передано библиотеке имени Навои — облицевали мраморной крошкой, заасфальтировали площадь. И все равно она не была столь красива, как сейчас.

Шахло любила здесь бывать. Обычно прогулку мы начинали с аллеи, ведущей к Могиле Неизвестного солдата. Голубые, стройные елки, строгий, темный мрамор, неугасимое красно-желтое пламя, а за ним зеленая краска. Склонив голову, Шахло подолгу, не отрываясь, смотрит на Вечный огонь. Я не знал, о чем она думала, только догадывался. В один из вечеров она упомянула о дедушке, погибшем во время войны под Прагой. Несколько лет назад родители ездили в Чехословакию и нашли его фамилию на одной из мраморных плит, установленных на братских могилах.

От Вечного огня наш путь лежал к фонтанам. Прекрасное это зрелище. Вода, выталкиваемая вверх мощными насосами, нависала над землей высокой, сплошной изгородью. Затем белопенные струи, словно обессилев, на мгновение зависали и с шумом, стремительно низвергались вниз. Ударялись о розовый гранит и превращались в переливающуюся всеми цветами радуги пыль. Каждый смело шагал в искрящийся под яркими лучами солнца занавес и на какие-то доли секунды замирал. Глубоко вдыхал прохладный воздух и удовлетворенно поглаживал по вдруг ставшей влажной одежде.

Я не раз ловил себя на мысли, что был бы не прочь окунуться в прохладный туман. Но рядом стояла Шахло, в глазах которой блуждали странные огоньки. Мос

желание мгновенно исчезало. Не знаю, может, я чего-то не понимал, может, мне казалось, но именно здесь, у фонтанов, Шахло становилась другой. Дома со мной, с друзьями, в кино или кафе эта обостренность как бы притуплялась и не бросалась так явно в глаза.

Но здесь! Устремив взгляд на фонтан, она замирала. Шахло была с теми, кто беззаботно и громко смеялся, кто, ни о чем не задумываясь, подставлял руки под тугие струи, кто пытался подойти ближе к скользящей вниз водяной стене. В глазах исчезали странные огоньки, и появлялись яркие, быстро гаснущие языки огромного пламени, которые вновь выдавали происходящую в ее душе борьбу. С кем же она вступала в противоборство? Наверное, думал я, все-таки с несправедливостью, наложившей запрет на то, что дозволено любому здоровому человеку.

Пробежали томительные минуты, и я успевал поймать момент, когда по ее лицу пробегала легкая судорога и глаза Шахло заполнялись мягкой, доброй грустью. Все! Молодец! Ты вновь победила в невидимом поединке... Так распорядилась судьба, что тебе слишком часто приходится вступать в поединок, который ты не имеешь права ни проигрывать, ни сводить к ничьей. Побеждай, Шахло, всегда и, может, однажды произойдет долгожданное — отступят перед тобой все невзгоды. И ты сможешь, к примеру, ощутить удовольствие, испытываемое людьми там, где струи превращаются в серебристую пыль.

Еще недавно я тренировался, готовился к ответственным боям. Я привык переносить тяжелые нагрузки, выдерживать сильные удары, закрывать глаза на осечки, срывы и идти вперед, к победе. Конечно, быть знаменитым, быть на виду — вещь приятная. Но, познакомившись с Шахло, бывая много часов с ней, однажды подумал: вряд ли я, либо кто из моих друзей-боксеров смог бы жить, как она. Жить незаметно, никогда, нигде и ничем не показывать виду, что болезнь постоянно идет по пятам и к тому же заставляет ежедневно проводить несколько схваток, в которых надо было отстаивать всегда только одно — любовь к жизни, к людям. Признаюсь — не смог бы. Потому что мой аккумулятор заметно уступал по мощности аккумулятору Шахло. Странно, но в этой хрупкой, тонкой, словно стебелек гвоздики, девушке скрыта огромная сила.

Располагай я подобной — паверняка давно ходил бы в олимпийских чемпионах.

...Мы снова у фонтанов. И как в прошлый раз, будто загипнотизированная, Шахло не может оторвать взгляда от воды.

— Здорово, правда?.. Это тоже жизнь!

— Ничего особенного,— как можно равнодушнее ответил я, хотя реальность требовала согласиться с мнением Шахло. Она была права, но я специально не поддерживал ее. Мне казалось, если я соглашусь, то еще больше разбережу грусть, как бы подчеркну превосходство обыкновенных, здоровых людей.

Шахло кинула на меня быстрый взгляд.

— Ты сердишься?

— Может быть,— поспешно согласился я, осторожно, но настойчиво увлекая Шахло от фонтанов. Я вел ее к дому, в квартиру, в которой я чувствовал себя увереннее, где лучше и быстрее научился понимать Шахло.

...Эта встреча была неожиданной. Мы с Шахло направились к подземному переходу и у входа столкнулись с сестрой — она месяц назад родила девочку, но уже путешествовала по магазинам. По нашим традициям, родители новорожденного ребенка приглашают домой первых гостей по истечении сорока дней. Насиба резко остановилась, будто натолкнулась на невидимую стену. Бесцеремонно оглядев Шахло с головы до ног, она с желчной улыбкой сказала:

— Вижу, на кого ты променял мать и родственников.

Шахло с любопытством разглядывала незнакомую женщину. Я ей еще не рассказывал о сестре. Да и зачем? Они слишком разные по уму и характеру.

— Ты говоришь не о том,— спокойно сказал я. Мне не хотелось ссориться с сестрой. Рядом была Шахло. И я пытался дать понять Насибе, чтобы она не начинала выяснять отношения, но...

— Не рисуйся перед своей кралеи, Азиз. И не пытайся казаться умнее, чем ты есть на самом деле,— она непонятно зачем хотела унижить меня в глазах Шахло.

— Умный не станет объяснять глупцу, что тот обижен богом,— в тон сестре сказала Шахло.

— Я разгсвариваю, извините, не с вами. И было бы лучше, если...

— Что тебе надо? — резко перебил я сестру.

— Мне — ничего! — Насиба широким жестом поправила прическу, обращая наше внимание на массивные золотые сережки. — Просто хотелось...

— Напрасно, — снова перебил я сестру. — Меня совершенно не волнуют твои желания.

Сардор, стоявший в стороне, откровенно скривил в усмешке тонкие, резко очерченные губы, отчего его ухоженные усы стали похожи на замершую в движении гусеницу. Зятюку перебранка доставляла удовольствие. Я повернулся к Шахло, взял ее за руку и увлек к переходу.

— Азиз, какая кошка пробежала между вами?

— Черная.

— А если серьезно.

— Как тебе сказать, у нас просто различное понимание некоторых вещей, например: «Что такое человек и каким он должен быть».

— Человек прежде всего должен быть порядочным, — задумчиво сказала она, беря меня под руку.

* * *

— Слушай, Азиз, где ты пропадаешь? Звоню целый день с получасовыми интервалами, — взволнованно говорил Георгий по телефону. — Ты видел Беллу? Нет! Тогда поздравь меня... Я решил жениться. Сделал предложение. Час назад!

— А что сказала Белла?

— Завтра даст ответ... Как ты думаешь, она согласится?..

— Так я сейчас пойду и, так уж и быть, уговорю ее, хотя ты этого и не заслуживаешь...

Тетю Цилю и Беллу я застал плачущими.

— Хорошо сделал, что пришел, — тетя Циля села рядом со мной, вытерла слезы, — представляешь, недавно пришла моя дочь и заявила: «Я выхожу замуж!» Я удивилась, конечно, а потом сделала замечание. Хорошие дети так не поступают. Они же должны предупредить родителей заранее, что собираются делать. Моя Белла не захотела поделиться с родной матерью. Семен был умный мужчина, но он всегда делился со мной. А почему? Потому что Сема знал: его жена способна не только понимать, Циля умеет и посоветовать.

— Мам, все получилось так неожиданно, — виновато оправдывалась Белла.

— О, ты слышишь, Азиз! Моя дочь выходит замуж, а я не права, — тетя Циля всплеснула руками, — был бы жив Сема, он сказал бы по-другому. Он сказал бы: «Белла, когда у девушки появляется молодой человек, она сообщает и маме, и папе». А Белла? Она забыла, что у нее есть мать. Или же ты считаешь меня глупой?

— Да нет же, мама.

— Вот видишь, Азиз, она стесняется при тебе сказать, что я глупа. Так у меня хватит ума не обижаться на родную дочь. Она это поймет позже, когда меня не будет. А разве нужно ждать, пока я умру?

— Мама, ну о чем ты говоришь?

— Не мешай нам беседовать. Я говорю дело. Когда человек умирает, все говорят, что он был большой умница, добрый, как слон. Так это говорят о мертвом. Потому что он уже не слышит. Люди начинают вспоминать, как его обижали, оскорбляли, делали больно. А потом громко плачут, потому что им становится стыдно. Разве так нужно относиться к человеку? Конечно, нет! Его надо беречь, пока он живой. Ты согласен, Азиз?

— Да, тетя Циля, вы правы.

— Азиз, а ты мне скажешь, что за парень Георгий? — шепотом спросила быстро тетя Циля, когда за Беллой закрылась дверь.

— Он отличный парень. И мой друг!

— А чем занимается твой друг? Он не лодырь? У него есть специальность?

— Георгий закончил политехнический институт и работает архитектором.

— Что ты говоришь! Так он архитектор! — тетю Цилю озарила радостная улыбка. — Выходит, моей дочери повезло. Ты тоже так думаешь, Азиз? Разве мне не будет приятно сказать о зяте, когда поинтересуются соседи. Очень даже приятно. Я всю жизнь говорила: «Мой Сема — не бездельник. Он большой специалист по радио». А что Белла? Она вся в меня. Она будет хорошая жена.

— Им обоим повезло, тетя Циля, — с улыбкой сказал я.

— Так пусть он придет... Я имею большое желание с

ним познакомиться... Беллочка, Беллочка,— громко позвала тетя Циля дочь.

— Иду. Я только лицо ополосну.

— Слушай, Беллочка. Я могу завтра пойти на базар.

— Зачем, мама? — удивилась Белла, приглаживая влажные волосы.

— Как зачем? А разве ты не пригласишь своего жениха к нам в гости? Я же хочу посмотреть на будущего зятя. Он красив? — тетя Циля вытерла платком краешки губ и уставилась на дочь.

— Он хороший парень, мама... Правда, Азиз?

— Можете не отвечать,— махнула рукой тетя Циля,— выводы буду делать я... Красивое имя — Георгий. Оно так редко встречается у мужчин... Да-а-а! Совсем забыла! Беллочка, мой будущий зять обязательно уговаривает тебя взять его фамилию. Так ты можешь мне сейчас сказать, какая она?

— Бараташвили, мама, и я его люблю.

— Я, конечно, понимаю,— тетя Циля вздохнула и положила руку на голову дочери,— когда приходит любовь, в последнюю очередь думаешь о том, какой национальности твой возлюбленный. Все женщины такие. И Беллочка вовсе не исключение. Все! Я завтра иду на базар. Ты слышишь, Беллочка? Мы накроем такой стол, какой хотел накрыть покойный папа, доченька, на твою свадьбу. Пусть Георгий посмотрит на него и подумает, что будущая теща его будет любить не меньше, чем родная мама.

— Хорошо,— кивнул я.— Я пошел, мне завтра рано вставать. Спокойной ночи!

— Азиз, тебе Георгий звонил? — тихо спросила Белла в коридоре.

— Звонил, конечно. Ему что-нибудь передать? Он так волнуется.

— Да... Скажи, что я его целую и люблю.

— Успели, значит, влюбиться. Вах, какие вы!

— Для этого не надо много времени,— счастливо улыбаясь, призналась Белла и неожиданно обняла меня.

— Что с тобой, соседка?

— Спасибо тебе. Если бы не ты, я бы не встретила Георгия.

Чертыхаясь, купил сестре шелковый халат. Дорогой подарок. Во всяком случае, для меня. Сорока рублей хватило бы спокойно прожить неделю. Теперь придется пояс затянуть потуже.

Будь воля моя, купил бы что-нибудь скромнее — детский конверт или ванночку. Но вчера позвонила мать и дала понять — брату без приличного подарка заявляться к сестре на торжество по случаю рождения ребенка неудобно. Попытался шуткой ее переубедить. Насиба родила красивую девочку. Вот и подыщу что-нибудь для племянницы по своему вкусу. Мать настояла на своем.

Когда я пришел к сестре, за длинным столом заседали многочисленные родственники. Про себя подумал: торжество могло бы обойтись и без меня. И чтобы не подходить к каждому, отделался общим приветствием. Насиба была в другой комнате.

— Сынок, это ты пришел? — услышал за спиной голос матери.

— Здравствуй, мама! Не стал звонить, дверь была открыта.

— Сардор, поухаживай за Азизом. Ты все-таки хозяин, — попросила она зятя.

— Я сам, спасибо.

— Да здравствует — самостоятельность, — хмыкнул Сардор.

Зять был навеселе. Обвел взглядом родственников. Напротив сидит мой дядя Разык. Станный человек, этот дядя. Может наобещать целый воз и через час обо всем забыть. Рядом дядя Рахман, занимающий солидный пост. Я как-то от матери слышал, что он приобрел жене бриллиантов не на одну тысячу. Естественно, удивился. Может ли человек, даже с окладом в триста рублей, при четырех взрослых детях преподносить супруге дорогие подарки? И выходило, он нечист на руку. Но при случае любит говорить о честности и порядочности.

— Можешь поздравить меня с очередным повышением, — лениво пережевывая мясо, сказал Сардор.

— Что-то быстро скачешь.

— Говорят: если повезет, у блохи на лбу может даже слон отдохнуть.

— А ты все еще тренируешь? — вдруг спросил дядя Разык.

— Тренирую,— бодро ответил я.

— Если хорошенько подумать... Впрочем, постой, есть одно любопытное место,— дядя Разык довольно потер руки,— на днях звонил один товарищ и попросил меня подыскать грамотного парня. Завтра же займусь, потерпи несколько дней.

Мысленно улыбнулся: «Он в своем репертуаре». Я смотрел на дядю Разыка, его маленькую, чернявую жену с крошечными, пронзительными, как у крысы, глазами, на родственников, которые хором поддакивали, хотя знали точно: о своем обещании он забудет, как выйдет из дома.

Мать принесла в тарелке жаренные в масле пельмени и поставила передо мной.

— Я не голоден, мама.

— Ты молодец,— на ухо зашептала она,— я Насибе показала подарок — понравился... Кстати, у тебя были деньги или же ты одолжил?

Ответить не успел, подошла Насиба.

— Ты почему так поздно? — недовольно спросила она.

— Подвел общественный транспорт. Затор получился на перекрестке.

— Мог бы ради племянницы пожертвовать рублем.

— Рубль — не такие уж большие деньги,— поддержала Насибу мать.

— Мама, я дорожу любыми деньгами.

— У тебя они уходят на ту кралю?

— Во-первых, она не краля. Во-вторых, тебя абсолютно не должно волновать, куда и на что уходят мои деньги.

— Видите, мама, какой Азиз щепетильный стал.

— У тебя муж намного проще.

— Спасибо за халат.

— Это другой разговор. А я поздравляю с дочкой и продвижением Сардора по службе.

— Завидуешь?

— Ты знаешь, я не завистливый.

— Сиди и радуйся тогда,— вступил в разговор Сардор.

Я осторожно встал из-за стола и прошел в широкую прихожую с большим желанием исчезнуть. Мне было жаль времени, которое все с откровенным удовольствием посвящали единственной процедуре — еде. Стол

зятек накрыл отменный. Здесь всего было в изобилии. И собравшиеся родственники, не торопясь, настойчиво опустошали одно блюдо за другим.

Все это называлось «побыть в гостях». Другой формы приема не существовало. О ней, скорее всего, не думали — традиция. У нас много традиций — хороших, нужных. А вот эта, когда считается строго обязательным накормить гостей до отвала, никогда не нравилась.

Уйти незамеченным не удалось. Меня перехватила мать и завела в другую комнату. На полу, на цветастом паласе, по-восточному поджав ноги, восседала Насиба. Теперь глаза спокойны, только руки выдавали ее истинное состояние. Пальцы мелко дрожали, когда она брала очередной сверток. Дешевые отрезы и другие тряпки Насиба небрежно отбрасывала к краю паласа. А те, что были подороже, складывала горкой у колен.

— Выходит, если бы я вместо халата принес пеленки, распашонки, их ждала участь быть выброшенными, — усмехнувшись, заметил я.

— В моем доме, братишка, ничего не выбрасывается, — невозмутимо ответила Насиба, как-то странно посмотрев. Так на меня смотрели мальчишки во время тренировок, когда недопонимали, что от них требуется. Сестра раздраженно рассмеялась.

— Ты что, действительно такой глупый или им прикидываешься?.. Я тоже хожу в гости. И несу туда, что мне не надо. Только все объемисто, чтобы видели соседи, гости. Знаешь зачем?

Я пожал плечами.

— Чтобы на мои торжества не притащили в подарок какую-нибудь дрянь.

— А если человек не может купить дорогой подарок?

— Мне какое дело?!

«И все-таки странно. Как быстро в сестре произошла метаморфоза. Можно понять людей, выросших в достатке, с детства не нуждавшихся. У таких всего в избытке. Но Насиба... Отец умер, когда сестре шел двенадцатый год. Мама работала ткачихой на текстильном комбинате и не имела возможности баловать дочь дорогими покупками. Сколько я помню, одевалась просто. А ныне? Тряпки, оказывается, могут сделать из человека такое жалкое зависимое существо».

— Слушай, Азиз,— прервала мои мысли Насиба,— ты обратил внимание, что стена голая?

— Ну и что? — не понял я ее вопроса.

— Мы с мамой решили забрать у тебя ковер... На время, конечно,— Насиба улыбнулась. Будто от того, заберет она ковер, который являлся единственным украшением моего скромного жилища, или нет, зависела ее жизнь. Я сжал зубы, чтобы не выругаться.

— Ну, а если я не согласен? У тебя и так все стены в коврах.— В глазах сестры мелькнул испуг. Губы задрожали, и она, машинально пригладив волосы, зашептала.

— Отдай, а? Ты же добрый... Хочешь, я тебе подарю за это рубашку? Даже не одну, а две. Ты слышишь, подарю,— отрывисто говорила Насиба, беспрестанно облизывая дрожащие губы.

Сестра резко выдвинула из-под кровати большой, туго набитый чемодан.

— Постой! Не надо... Согласен. Забирай этот чертов ковер.

* * *

...Шахло ждала у входа в спортобщество. Мальчишки, привыкшие провожать меня до остановки троллейбуса, замерли с полуоткрытыми ртами. Все правильно. Реакция закономерна. Ребята не готовы к «сюрпризу». Мальчишки думали иначе. Они были уверены, что жизнь тренера так же, как и их, вся отдана спорту, боксу, и девочкам в этой жизни делать нечего.

Шахло приблизительно с час сидела в углу зала и наблюдала за тренировкой. Потом она незаметно удалилась, дав мне знаком понять, что подождет во дворе.

— Ну, а как тебе мои пацаны?— спросил я, когда мы пошли домой.

— Добросовестные мальчишки... Да и сама тренировка мне понравилась. Я сразу обратила внимание, что ты ее хорошо продумал. Только не тяжело ли ребятам?

— Нормально. Все рассчитал...

— Ты знаешь, на что я еще обратила внимание... Как бы это сказать... Занимаешься ты с ребятами добросовестно, но в какие-то моменты увлекаешься и забываешь, что ты педагог.

— Интересно. Продолжай. Мне небезразлично твое мнение.

— Ты слишком часто отвлекаешь ребят. Они много времени тратят, чтобы понаблюдать за тобой. Тогда как, по-моему, все должно быть наоборот.

— Наверно, ты права. Я подумаю...

— Еще, Азиз. Строгость — хорошо, она даже необходима. И все же не забывай — вовремя сказанное доброе слово может сделать многое.

— Строгость — это дисциплина, собранность моих ребят.

— Согласна. А доброта должна быть их знаменем. Она была во все времена для человека началом начал... Как в таких случаях спрашивает Гога, я прав?

Мы дошли до парка Гагарина и спустились по крутой лестнице к реке. Шахло присела на низенькую скамейку, сняла босоножки и спрятала ступни в густой траве. Я стоял сбоку, наблюдал, как она, закинув голову, пыталась языком поймать солнечный зайчик.

Шахло... Моя радость и любовь, без которой я не представлял свою жизнь. С ней было связано сейчас все: работа, отдых, будущее.

Шахло... Чем больше я ее узнавал, тем острее, к своему стыду, чувствовал свое неумение видеть, радоваться, восхищаться едва уловимыми переменами в природе, жизни. Для нее не существовало мелочей. Ко всему она относилась серьезно, будто от ее участия зависела судьба всего сущего на земле. Она знала и никогда не забывала о том, что человеку жизнь дается один раз. Он должен пройти по ней с добром, с любовью ко всему, что его окружает. Человек, кто бы он ни был, обязан множить ее красоту для тех, кто придет за ним следом.

Я сознавал: с Шахло становлюсь другим — более мягким и наблюдательным, научился анализировать, сопоставлять. Наблюдая за Шахло, ловил иногда себя на мысли: я завидовал ей. Она умела молча, без громких восклицаний, приветствовать новый день, первые лучи солнца. Она, как балерина, умела одним движением тонких рук выразить свои чувства. К туалетам моя подруга относилась спокойно. Им Шахло старалась уделять как можно меньше времени. Иногда могло показаться, что Шахло оригинальничает, играет влюбленную в жизнь. А она любила ее! Любила самозабвенно, трепетно, откликаясь на любые ее проявления всем сердцем и душой.

Солнечный лучик заплясал на лбу Шахло, потом спустился на нос и замер на верхней губе. Она смешно и быстро высовывала язык, словно пытаясь схватить его губами, и вдруг — я не успел даже моргнуть — Шахло опрокинулась со скамейки.

Я осторожно приподнял ее с земли, прижал, как маленького ребенка, к груди и быстро огляделся в надежде увидеть людей, но аллея была пуста. Опустился на корточки и, черпнув из Анхора воды, смочил Шахло лоб, виски и шею... «Если есть какие-то неземные силы, помогите! Сделайте так, чтобы вода Анхора стала живой. Чтобы она встала счастливой и здоровой».

— Шахло, Шахло, родная, — шептал я, целуя ее влажные щеки, побелевшие губы.

Она вздрогнула, открыла глаза.

— Шахло, тебе плохо? У тебя где-то болит?

— Молчи... Сейчас все пройдет, — шепотом проговорила она и слабо причмокнула губами. Шахло ободряла меня воздушным поцелуем. А меня вдруг обдало холодом. Мелькнула вновь страшная мысль: Шахло может однажды...

* * *

Владимир приехал через полчаса после звонка. На ходу пожав мне руку, подсел к Шахло. Отругал за нарушение режима и потребовал немедленно лечь в больницу.

— Я не хочу... Мне тут хорошо, — сказала она, — вы не верьте Азизу. Он преувеличил мою неловкость... Я ловила солнечный зайчик и упала.

— Шахло, вы взрослый человек, — Владимир укоризненно покачал головой, — уж кому-кому, а мне-то не стоит рассказывать басни. У вас неожиданно закружилась голова и одновременно почувствовали резкий упадок сил... Ведь все же было так?

Шахло улыбнулась глазами и неопределенно пожала плечами. Владимир шумно вздохнул.

— Верьте мне на слово, Шахло, — сказал он, хмуро поглядывая на меня, — приступ может в самое ближайшее время повториться... И, если откровенно, я советую на время забыть Азиза. Он никуда не денется. Вам же необходимо серьезнейшим образом подумать о себе.

— Владимир Николаевич,, Володя, — Шахло прив-

стала с раскладушки и взяла его за руку,— я даю честное слово, с сегодняшнего дня быть самым дисциплинированным человеком на свете. Я это сделаю ради вашего друга... Чтобы он был всегда рядом.

Володя вдруг покраснел и, непонятно зачем сняв очки, начал протирать чистые стекла.

— Я понимаю... Но ваше здоровье меня не на шутку тревожит.

— Только, пожалуйста, не настаивайте, чтобы я снова легла в больницу,— перебила Владимира Шахло,— там мне лучше не будет... Честное слово.

— Теперь, Шахло,— Володя кашлянул в кулак,— я задам вам несколько вопросов, как бы из другой оперы.

Шахло удивленно взглянула на товарища.

— Насколько я понял, вам у Азиза хорошо?.. Даже несмотря на то, что в квартире, как выражается хозяин, самые «боевые условия».

Шахло кивнула.

— И вы отсюда не...

— Пока Азиз меня не выставит.

— Так вот... Понимаете,— Владимир машинально поправил очки,— понимаете... Скоро может возникнуть ситуация, что мне надо будет где-то переночевать.

— Азиз, пожалуйста, дай мою сумку,— попросила Шахло.

Вынув ключи от своей квартиры, она молча протянула их товарищу.

— Спасибо,— Володя, пряча ключи в карман, неизвестно отчего покраснел.

Я проводил товарища до машины.

— Если я не ошибаюсь, Азиз, вы с Шахло... — Володя не договорил и торопливо полез в карман за сигаретами,— так это правда или же мне кажется?

— Ты не ошибся, доктор.

Открыв дверцу, он неожиданно повернулся:

— Скажу откровенно, старина. Поначалу мне казалось, что Шахло — очередное твое увлечение. И что дело до серьезного не дойдет.

— Я, Володька, сказал правду.

— Очень жаль,— Владимир вытащил сигареты,— этого я, откровенно, боялся.

— Ты чего-то не договариваешь.

— Верно... Хочу еще раз напомнить, что наша клиника у некоторых вызывает чувство страха.

— Но у вас лечатся не только безнадежные...

— Согласен... У Шахло, дружище, дела плохи,— Владимир прикурил от зажигалки и сделал несколько глубоких затяжек.

— Ты хочешь сказать,— я ощутил, как по спине побежали мурашки,— она безнадежна?

Володя крепко стиснул мои руки и быстро зашептал:

— Любовь, понимаешь, любовь! Она иногда исцеляет самых безнадежных. Давай, старина, будем надеяться, что она сотворит чудо с Шахло... Любовь для нее сейчас лучшее лекарство.

... Я застал Шахло спящей. Постояв несколько минут у изголовья, прошел на балкон и прилег на узкий топчан, сбитый из трех досок. Голова была тяжелая — результат бессонной ночи.

Вновь вспомнил, как я нес Шахло на руках по безлюдной аллее. Я шел тихо, стараясь не тревожить ее резкими движениями. О чем я думал в те минуты? Хотелось невозможного, почти сказочного. Чтобы передо мной появился добрый волшебник. Я бы попросил его, я бы так его попросил, что он не смог бы мне отказать и вылечил бы мою Шахло.

Шахло открыла глаза...

— Ты почему не спишь? Ты плачешь?

— Нет, что ты... Ты спи.

— Мне приснились, Азиз, яблоки и апельсины. Я откусывала сначала от яблока, а потом от апельсина. Это, оказывается, очень вкусно,— Шахло погладила мою руку и снова заснула.

Спустя несколько минут я бодро шагал по улице спящего города в направлении аэропорта, где ресторан работал и ночью.

Вторично Шахло проснулась под утро. Увидев лежащие на табуретке яблоки и апельсины, она радостно захлопала в ладоши.

— Нариев, это хорошо, что ты не волшебник... Спасибо.

Вдруг Шахло громко рассмеялась. Я удивился: что с ней?

— Азиз, у тебя все получилось по рассказу О'Генри. Помнишь? О боксере, который женился на краси-

вой и капризной женщине... Она захотела ночью персиков.

Я кивнул. Ситуация действительно похожа. Но, милая Шахло, ради тебя и твоего здоровья я мог отправиться к самому черту, если бы в его саду росли плоды жизни.

— Нариев, хочешь я отгадаю, о чем ты думаешь?

— Попробуй.

— В чем я пойду на свадьбу к Георгию!

— Вот это здорово! Ну и Шахло! Прямо в точку попала!

Шахло направилась в ванную. Я, кажется, улыбался. Жизнь все-таки — хорошая штука. И чтобы я делал, если бы она не свела меня с Шахло?

* * *

Свадьба Георгия состоялась в скромном зале кафе «Гульназ». Жених и невеста, взволнованные, красивые, встречали гостей в фойе. Мать Георгия была наверху, в зале. Шахло с тетей Цилей стояли в стороне у колонны. Тетя Цилия как всегда говорила. Ее маленькие ручки, словно бабочки, вспархивали из-под широких рукавов бордового крепдешинового платья и опускались поочередно на плечи собеседницы. Шахло улыбалась, медленно кивала. Она полюбила тетю Цилю в первый же день знакомства.

Совсем недавно, направляясь на очередную тренировку, у подъезда я столкнулся с тетей Цилей. Она взяла меня под руку и быстро заговорила:

Я должна тебе сказать, Азиз, что мне очень нравится твоя девушка! Боже мой! Она изящна, как принцесса. А ты обратил внимание на ее глаза? Я, например, таких еще не видела. У Беллочки глаза тоже красивые. У меня в молодости были не хуже. Мой Сема был от них без ума. Но у Шахло они такие большие, что в них просто можно утонуть.

— Я знаю, тетя Циля.

— И очень хорошо. Когда однажды я посмотрела вам вслед, мне стало радостно. И знаешь отчего? Ты не торопи. Я скажу откровенно. Санобар может гордиться своей невесткой. Так же, как я горжусь женихом моей дочери. Георгий мне напоминает Сему. Он такой же рассудительный, порядочный. И еще я заме-

тила: Георгий любит мою дочь. Нет, он при мне не вздыхает, не пытается ее обнять. Он любит Беллочку как настоящий мужчина. Я тебе скажу, Азиз, по секрету: давно жду свадьбу. Я все приготовила, даже подарок любимому зятю. У меня есть подарок и для Шахло. Что с тобой? Почему ты так удивленно смотришь? Тебе уже давно надо знать тетю Цилю! Если она кого полюбит, ей ничего не жаль.

— Спасибо, тетя Циля.

— Мне, Азиз, очень хочется погулять и на твоей свадьбе. Я буду на ней такая же счастливая, как на Беллочкиной. Потому что ты для меня не чужой человек...

— Спасибо... Большое спасибо.. Вы извините, тетя Циля, я очень тороплюсь. Меня ждут.

— Да, конечно. Тебе надо спешить. Сейчас вся молодежь куда-то спешит,— тетя Циля похлопала ладошкой по моей руке,— беги. Это некрасиво заставлять кого-то ждать.

... Георгий мне поручил необычное: стоять рядом и принимать подарки. Они были разные, эти подарки. Коробки, пакеты, ящички — я их складывал в небольшой закуток под лестницей.

Цветы, музыка, смех. Белла в красивом белом кружевном платье, раскрасневшаяся, без усталости танцевала с Георгием. Порой она мягко отстраняла жениха, подбегала с сияющими глазами и, обняв нас с Шахло, быстро говорила:

— Ребята, правда здорово! Я так счастлива! Шахло. Моя глазастенькая. Ты сегодня так красива.

Или же:

— Друзья! Надо сделать так, чтобы по-настоящему встряхнуть Володьку. Кажется, он заинтересовался мной подружкой.

Я это заметила давно. Володю посадили рядом с высокой, стройной девушкой в очках. Коротко стриженные волосы, смуглолицая — она чем-то была похожа на японку. Друг опешил, когда я пригласил его собеседницу на танец.

Девушка вскинула на меня глаза и встала. Танцуя, я краем глаза наблюдал за Володькой, который подсев к Шахло, о чем-то оживленно с ней беседовал. Иногда он поглядывал на нас. Когда наши взгляды встречались, я строил Володьке гримасы.

— Мой друг вас не заговорил?— решил спросить я у партнерши.

— Напротив, он хороший собеседник.

— Что вы говорите!— я постарался придать голосу столько любопытства, насколько был способен.

Партнерша отодвинулась и внимательно посмотрела на меня. Ее губы слегка приоткрылись. Это была не улыбка, а скорее усмешка, дававшая понять, что мое восклицание неуместно и глупо. Мгновенно стушевался. «А она, оказывается, не проста»,— подумал я и, чтобы не выглядеть идиотом, поспешно извинился. Теперь партнерша улыбнулась. На следующий танец пригласил тетю Цию. Охнув, сначала отчаянно замалахала ручками, но все-таки решилась.

Гости начали кричать «горько». Молодожены долго целовались и снова закружили в танце. Я не удивился, увидев, что Владимир вновь танцует с подружкой Беллы. И хотя ее совершенно не знал, мне очень захотелось, чтобы друг девушке понравился. Во всяком случае, одним глазом наблюдая за ним, я с радостью подмечал — девушка смотрит на Владимира с интересом.

А Георгий никого не видел: кроме Беллы. Только однажды подошел к нам и заявил:

— Друзья мои! Теперь очередь за вами, я так желаю вам счастья!

* * *

Во Дворце бракосочетания нам вручили два бланка. Расположившись за маленьким столиком, начали их заполнять.

— Слушай, Азиз, а как быть с фамилией?— неожиданно спросила Шахло. — Я ничего не имею против твоей фамилии... Но я так привыкла к своей. Ты не обидишься, если...

— Нет, не обижусь,— перебил я Шахло,— разве это что-то меняет? Главное не фамилия.

— А что для тебя главное?— Шахло лукаво сощурила глаза.

— Ты будешь моя законная жена... До самой-самой старости. Пока у нас не выпадут зубы, пока не появятся правнуки.

Шахло слушала, покручивая пальцами шариковую ручку. Вдруг в иссиня черных зрачках вспыхнули, за-

метались тревожные искры... Опять о чем-то подумала? Что вызвало ее беспокойство?

— Да, да, конечно, милый... Я бы очень хотела увидеть правнуков. Это же так здорово,— Шахло вздохнула.

— Они у нас будут.— Я осторожно пожал руку Шахло. Она улыбнулась. А мне почудилось, что услышанное представляется ей несбыточной сказкой, в которой все кончается хорошо.

— Так будет. Я так хочу... И ты этого хочешь.

— А почему бы и нет. Разве человеку запрещено мечтать,— Шахло рассмеялась и, как бы освобождаясь от тяжелой ноши, резко выпрямилась в кресле,— я предлагаю, Азиз, после регистрации перебраться ко мне. Твою квартиру будем наведывать. А как приедут мои родители — переедем к тебе. Согласен? Ты умничка!.. Впрочем, подожди. Забыла. Ключи же у Володи.

Я с удивлением наблюдал за Шахло: сегодня она необычная. Слишком быстро переключается из одного состояния в другое. Интуиция мне подсказывала: Шахло чем-то озабочена и взволнована... Но чем?

Могу поклясться чем угодно, Шахло сейчас выглядит намного лучше. Округлились щеки, здоровее стал цвет лица. И у Шахло в последнее время слишком часто меняется настроение. Может петь и неожиданно лечь спать. Слушать веселую музыку со слезами на глазах. Она, как и раньше, предпочитала сидеть подолгу на балконе и любоваться с высоты четвертого этажа частью стадиона, узкой, утопающей в зелени набережной, бегущей вдоль полноводного Анхора. А когда я был дома, она с ногами забиралась в наше единственное, потертое кресло и просила рассказать, где меня «носили черти». Так что с ней происходит?

— Нариев, ты о чем думаешь?— прервала мои мысли Шахло.

— Постарался представить Шахло прабабушкой. И я уже видел тебя — самую красивую, самую любимую прабабушку на свете.

— Ты умеешь немного фантазировать, но не обманывать.

Шахло решила проводить меня на тренировку. У входа в спортобщество к нам подошла симпатичная

молодая женщина в красивом модном платье. В тон платью — кожаная сумка и туфли на высоком каблуке.

— Если не ошибаюсь, вы Азиз Нариев?

— Точно, я Нариев.

— Юсупова, мой сын Ахмад тренируется у вас.

— Рад познакомиться,— жестом предложил сесть на скамейку, стоявшую под чинарой. Женщина с подозрением оглядела скамейку, но все же села.— Слушаю вас.

— Я в последнее время часто задумываюсь о будущем сына... Вдруг бокс — не его призвание? Хотелось бы знать, есть ли у сына задатки. Есть — хорошо. Нет.— пока не поздно — ему имеет смысл заняться другим видом,— в заключение сказала она.

Я задумчиво смотрел на недавно политое зеленое футбольное поле... Вот оно в чем дело! Вы хотите, чтобы Ахмад в спорте прожил красиво, был знаменит. Как вы, нежно любящая мамаша, ошибаетесь и как плохо знаете спорт. Задатки! Талант! Бездарными люди редко рождаются. А если он хочет чего-то добиться, то к цели пусть идет через упорный, тяжелый труд...

— Извините, ваша пауза затягивается,— прервала мои мысли Юсупова.

Я оторвал взгляд от поля и «столкнулся» с глазами Шахло, ставшими похожими на замерзшие сливы.

— Рано говорить о задатках. Пока Ахмад старается. Он только осваивает азбуку... И не думайте, пожалуйста, о парадных сторонах спорта. Это не главное.

— А тогда что?

— Главное, чтобы он вырос порядочным, сильным и здоровым юношей, который будет человеком волевым, мужественным.

— Все правильно,— не сразу согласилась Юсупова,— но я думаю немного иначе... Ахмад — мой сын, и я хочу, чтобы его жизнь сложилась удачно и красиво.

— Красота человека в здоровье,— вступила в разговор Шахло.

— Это философия людей преклонного возраста,— в голосе Юсуповой чувствовалась ирония,— мы, милая девушка, должны четко знать, чего хотим, к чему стремимся. Я, например, знаю. Теперь хочу того же сыну.

— Он это уже знает,— совершенно спокойно заявила Шахло. В глазах Юсуповой мелькнуло удивление,— вместе со своими друзьями в секции бокса.

— Вы можете дать мне гарантии? — иронию Юсупова основательно пропитало желчью.

Ни одна черточка не дрогнула на лице Шахло. Она по-прежнему оставалась спокойной.

— Ваш сын хочет стать боксером. И наверняка мечтает стать чемпионом... Все очень просто, — сказала Шахло, откинувшись на скамейку и посмотрела на футбольное поле. Губы ее тут же дрогнули, начали растягиваться в улыбку: дворник сидел у кромки зеленого газона, а крохотный мальчуган, взяв его метлу, пытался мести дорожку.

Юсупова резко встала и, распрощавшись, ушла.

— Азиз, постарайся не забывать сегодняшний разговор. И думай... Непросто живется мальчишкам, у которых подобные мамы. А их, к сожалению, много, — Шахло ласково потрепала меня за ухо. — Я подойду через два часа.

* * *

На скамейке у подъезда сидела тетя Циля. Она читала газету.

— Здравствуйте! — громко поздоровались мы.

— Добрый вечер, милые дети... Сегодня немного душно, и я решила выйти на улицу, — тетя Циля осторожно сложила газету, — захотелось узнать о событиях в мире. Я, правда, в политике ничего не понимаю, но зато хорошо знаю, что такое война... Шахло, моя красавица, ты выглядишь намного лучше. И мне кажется, что у тебя что-то произошло. Ты можешь сказать? Или же это секрет?

Шахло присела к тете Циле и, наклонившись, что-то зашептала на ухо. Тетя Циля ласково погладила Шахло по голове.

— Деточка, когда дядя Сема сделал мне предложение, я убежала в сарай и долго плакала. А ты знаешь, почему? Я плакала не от того, что не хотела стать женой Семы. Наоборот, мое сердце радовалось. Я даже испугалась. Да, да. Казалось, сердце не выдержит и лопнет.

— Но свадьба все-таки состоялась?

— Еще бы! Отец под большие проценты взял у соседа деньги и справил свадьбу. Я ее помню по сегодняшний день... Мой Сема — в строгой черной паре. И

весь такой видный, важный,— тетья Циля блаженно закатила глаза,— ах, а какая я была счастливая!

«Этот разговор надолго»,— решил я и направился к остановке. По дороге с Шахло договорились: я провожу ее домой, оттуда — на базар.

Я люблю наши базары. Особенно осенью. Медленно иду мимо гор ароматных дынь, полосатых арбузов. Вдоль рядов аккуратно уложенных иссиня-черных баклажанов, огурцов, помидоров, мимо прилавков, где торгуют специями.

Мои авоськи полны. Довольный покупками, я направился по многолюдному проходу к воротам базара. Пробираясь, окинул взглядом длинную очередь у промтоварного магазина, где стояли преимущественно женщины.

— Азиз, Азиз, постой! Ты куда?— вдруг услышал я голос. Ко мне в яркой шелковой косынке подбежала Насиба. Из-под косынки торчали наспех скрученные косы. Вытирая потный лоб и шею, громко, будто мы только расстались, спросила:

— Ты где ходишь?

— Как где,— я от растерянности опешил,— по базару.

— Ну сколько можно,— Насиба притопнула ногой потянула меня к магазину.

— Подожди, подожди, Насиба? Зачем?— говорил стараясь освободиться из ее цепких рук.

— Как зачем? Надо!.. Ты встанешь впереди меня.

— Куда встать? Ничего не понимаю!

— В очередь! Вот куда. Ты можешь раз набраться терпения?— Насиба остановилась у входа в магазин. Из очереди кто-то одобрительно произнес: «Правильно. Пусть стоит. Ничего не случится». Смотрю на сестру. Каждая черточка ее лица выражала непонятное торжество. Я терялся в догадках: отчего она торжествует? И потом, на кой черт Насиба затащила меня сюда?

Пока я лихорадочно искал ответ, Насиба, хрустнув пальцами — признак сдерживаемой ярости,— громко заголосила:

— Ну, потерпи! Уже скоро... Товарищ продавец,— обратилась она к молодому парню,— имейте в виду, мне на два человека... так что отрежьте один кусок в десять метров.

«Ах, вот оно что? Какая ты дубина! Неужели не мог сразу догадаться...»

— Товарищи! Я не стоял! Мне ничего не надо!

— Выходи, только побыстрей,— зло зашептала сестра, подталкивая меня к выходу.

— А он шутник,— слышался из очереди тот же голос.

Насиба шагала довольной. Не обращая внимания на болтавшуюся у плеча косынку, спутанный клубок кос, пот, сползавший темными полосками по круглым щекам, она развернула бумагу и принялась любоваться рисунком приобретенного атласа. Я мысленно выругался и пошел восвояси. Думаю, сестра даже не заметила, как я ушел.

* * *

Ряды мальчишек поредели: многие разъехались на каникулы. Но тренировки продолжались.

Еще в апреле, когда установилась погода, я договорился с председателем спортобщества, что разминку буду проводить на поле гандболистов. Оно по всем статьям подходило нам. В метрах шестистах от него находилось мое владение, огражденное живой изгородью. Здесь был установлен ринг, на старом турнике висел мешок, на списанных баскетбольных щитах прикреплены груши.

После тренировки, освежившись под душем, ребята окружили меня. Я им обещал рассказать о прославленном боксере Валерии Попенченко, о том, как бывший воспитанник суворовского училища шел к высотам Олимпа. Каким тернистым и нелегким оказался этот путь.

— Талантливый спортсмен, признанный мастер Валерий Попенченко, даже будучи чемпионом восемнадцатых Олимпийских игр и обладателем Кубка Баркера — приз, который присуждается лучшему боксеру-любителю мира, никогда не говорил, что многое умеет на ринге. И если вы, ребята, будете тренироваться с той же настойчивостью, не будете скисать при неудачах, ошибках, обязательно станете признанными мастерами кожаной перчатки.

Посмотрел на мальчишек. Их глаза затуманены. И неудивительно. Каждый мысленно сейчас представляет себя Валерием Попенченко,

— Ну, ребята, теперь по домам.

Но, странное дело, мальчишки не двинулись. Я удивился, спросил в чем дело. Торопливо и сбивчиво заговорил Ахмад. Через несколько минут стало ясно: они мечтают поехать в горы, в Чимган, а родители одних не пускают. Им очень хочется посидеть у костра, испечь в золе картошку, увидеть на рассвете диких козлов. Идея неплохая. Подумав, я предложил: к следующей тренировке получить согласие родителей. Тогда в пятницу можно отправиться в Чимган. С криком «ура» мальчишки сорвались с мест и наперегонки помчались к выходу. Остался лишь Лазиз. Опустив голову, он задумчиво раскачивал сумку. Лазиз собирался о чем-то сказать, но не решался.

— Ты не хочешь ехать в горы?

— Хочу! Очень хочу!

— Так в чем дело?

— Понимаете... Понимаете, Азиз Пулатович...— сбивчиво начал Лазиз.

— Не стесняйся, Лазиз. Говори откровенно и не беспокойся — беседа останется между нами,— я обнял его за плечи.

— Я поехал бы... Но меня отец не пустит... Не разрешит... Он, Азиз Пулатович, злой, дерется и водку пьет,— Лазиз вскинул голову, на его ресницах дрожали слезинки.

— Извини, не знал,— деревянным голосом сказал я, чувствуя, как в груди что-то сжалось. Куда же я смотрел? Почему не увидел затаенной беды в глазах, которые наверняка ждали твоей помощи. Прав, тысячу раз прав Назар Ибрагимович. А Лазиза будто прорвало; пытаюсь быстрее освободиться от непосильного груза, он рассказывал: отец бывает веселым только на улице с товарищами, с гостями, а с домашними — грубый и злой. Особенно, когда выпьет водки. Недавно в маму бросил туфлем. Она плакала. Мама тоже боится его.

Когда мальчик выговорился, я вытер его заплаканные глаза:

— Где твой папа работает?

— На фабрике! Он чинит швейные машины,— равнодушно ответил Лазиз, но спохватившись зашептал: — Вы не ходите к нему. Если он узнает, что я вам обо всем рассказал...

— Мы же договорились: разговор остается между нами. Иди домой.

Я был озадачен. Как быть? С чего начать? Пригрозить лазизовскому папаше? Не выход, скорее самоуправство. Поставить в известность руководство? А где факты? Их нет. Ссылается на Лазиза,— но есть договор... И я сделал глупость, не одну, а сразу две...

У проходной фабрики нас остановил вахтер и посоветовал: «Закажи пропуск, а после прорывайся хоть к самому директору». Пока мы препирались, подошел человек, лицо которого показалось мне знакомым. Это был физрук фабрики. Увидев меня, он радостно воскликнул:

— Да это же Азиз Нариев! Собственной персоной! Милости прошу,— он жестом указал в сторону административного корпуса, а вахтеру с обидой сказал:

— В гости знаменитый спортсмен пришел, нехорошо его у входа мариновать.

— А где это видно? Может, для тебя знаменитый, а по мне документ — главное,— ворчливо заметил вахтер и скрылся в будке.

— Мне хотелось встретиться с механиком Салиевым.

— Нет ничего проще,— методист повел в конец коридора. Мы не прошли и десятка метров, как он воскликнул:

— О, легок на помине.

К нам приближался симпатичный молодой мужчина в синем халате.

Отцу Лазиза около тридцати пяти. Шикарный чуб, высокий, гладкий лоб, прямой нос. А глаза его не понравились — красивые, но холодные, надменные.

Широко улыбнувшись, он бесцеремонно окинул взглядом Шахло.

Представившись, я спросил, где бы мы могли поговорить. Физрук предложил свой кабинет.

Шахло прошла первой, затем — мы с Салиевым. Я осмотрелся. Стены комнаты увешаны плакатами, призывавшими сдавать нормы ГТО. На стеллаже разложены почетные грамоты, вымпелы, два хрустальных кубка.

— Ваш сын занимается у меня в секции.

— Да, да. Я помню. Мой сын что-то такое говорил,— с видом уставшего человека произнес отец Ла-

виза и закивал в мою сторону — мол, очень приятно.

«Ах, вот оно что! Ты еще и рисуешься!» По дороге на фабрику я настроил себя на встречу с человеком иного плана и поведения. А тут! Как выразился методист, само воплощение мягкости, шелковистости... Назар Ибрагимович как-то сказал, что двуличные люди — это, в сущности, трусливые типы. Они изображают себя сильными только перед слабыми. Может, есть смысл попробовать? Ведь другого оружия у меня нет.

— Товарищ Салиев, у меня есть сведения, что вы в семье ведете себя не должным образом.

— Разве? — его брови изумлению приподнялись, — а я и не знал.

— Ваш образ жизни плохо влияет на здоровье и психику Лазиза. Я вас хочу предупредить, если это будет продолжаться, вынужден буду принимать другие меры, — заявил я.

Механик усмехнулся, встал и, не попрощавшись, молча вышел.

По дороге домой Шахло разделала меня, как любит выражаться Владимир, под орех.

— Ты сейчас выглядел петухом, — резко отчитывала меня Шахло, — сильным, здоровым, но глупым петухом. Господи! Какой ты еще мальчишка! Разве так поступают, Нариев?! Услышал, не подумал и рванулся... Мне кажется, вы еще встретитесь. А причиной будет снова Лазиз. И тогда, милый Нариев, не пори горячку. Взвесь все, как ты это делал перед встречей с противником. И учти, главное оружие с Салиевым — умное слово, факты.

— Шахло, дружище, — оправдывался я, — проигран первый раунд, но предстоят еще...

...Дома уговорил ее прилечь. Отказавшись от чая, она попросила флакон с пилюлями. Это было неожиданно: Шахло впервые по собственной инициативе пила лекарство.

— Шахло!

— Да, милый.

— Ты извини меня. Я совсем не хотел.

* * *

На ужин Шахло жарила колбасу, я готовил салат из помидоров. Час назад мы встретили Георгия и Беллу. Сначала долго отчитывали друг друга за редкие встре-

чи. Позже договорились: в воскресенье вечером соби-
раемся у нас. Гога обещал заехать за Володькой.

... В дверь постучали.

— Открыто, входите,— крикнул я, ставя чашку с салатом на стол.

Появились мать с Насибой.

— Здравствуйте, мама, садитесь,— я пододвинул ей табуретку.

Насиба, загадочно улыбаясь, стояла посередине комнаты и осматривала обстановку. «Черт с тобой, восхищаясь»,— подумал я и позвал Шахло. Она вошла с невозмутимым видом. Спокойной она могла показаться матери, видевшей ее впервые, но я угадал ее настроение по тому, как поздоровалась, села к столу, положила руки на скатерть.

Насиба даже не повернула головы. Сестра изучала ковер, будто видела его впервые.

— Мама, ты говорила, что он...— Насиба специально сделала паузу, чтобы привлечь к себе внимание.

— Персидский, доченька... Его покупали до войны,— ровным голосом ответила мать, не отрывая взгляда от Шахло. Она слышала о ней от Насибы.

Меня же такие смотрины не устраивали, и вот по какой причине. Внутренний голос мне подсказывал, что сестрица просто не уйдет, прежде испортит настроение. Мне — не беда. Я свыкся с мыслью, что Насибу уже не переделать. Волновался за Шахло. Сумеет ли она не реагировать на колкости сестры? Не придется ли прибегать к помощи лекарства? К сожалению, Шахло в последнее время увеличила дозу пилюль.

Не стал ждать предложения снять ковер. Подставил табуретку, скинул петли с гвоздей и, скатав, вынес ковер в коридор.

— Смотри, какой шустрый,— ехидно заметила Насиба,— а тебе не жалко?

— Нет! Отдаю без сожаления.

— Щедрый, выходит, у меня братец, мама,— Насиба недобро хмыкнула.

Если я правильно понял, сестра злилась на меня потому, что вряд ли была способна сделать подобное. Братъ — другое дело. А если еще задарма!

— Ты же берешь не навсегда... Мы его вернем,— тихо сказала мама, зачем-то обводя взглядом стенку, где недавно висел ковер.

Я опустил голову. Мама пыталась оправдать себя и Насибу. А меня это уже не волновало. Я думал о другом. Когда и почему оборвалась та невидимая нить, долгие годы связывающая нас с матерью? Сколько мне тогда было? Четыре, а, может быть, пять. С той поры для меня не существовало человека дороже матери. Я ее оберегал, как мог.

Мне исполнилось шестнадцать, когда отец скончался от сердечного приступа. Мама замкнулась. Перестала ходить в гости и домой никого не приглашала. Вечера коротала с Насибой. Я был занят школой, тренировками, соревнованиями. Не знаю почему, но тот год оказался насыщенным. Домой приходил поздно, усталый. Ужинал наскоро, чтобы мама не заметила синяков и ссадин. Утром — все сначала. Эта занятость в какой-то мере отдалила меня от матери и сестры.

Проходили годы. И с ними ошутимее становилась перемена в матери. В ней появилась какая-то сдержанность, которая сковывала меня, мои мысли и откровения.

— Как тебе... Вам живется?— мама перевела взгляд на Шахло.

— Спасибо. Пока все хорошо,— не глядя на мать, ответила Шахло. Она смотрела на Насибу: сестра красила губы. Услышав слова Шахло, она воскликнула:

— Ну, еще бы! Почему им плохо жить! У них все есть!

— Вы правы. У нас все есть,— губы Шахло дрогнули.

— Ну-ну,— пропела Насиба,— мама, нам пора.

— Да, да, доченька, мы засиделись,— она торопливо пригладила волосы,— ну, сынок, до свидания. А за ковер спасибо. Выручил свою племянницу.

— Каким образом, милый Нариев, люди превращаются в мещан, рвачей,— с болью в голосе спросила Шахло, когда я отнес ковер до такси, ждавшего у подъезда, и вернулся обратно.

— Мне тоже хотелось бы это знать. Хотя еще недавно она была совсем другим человеком.

— Странно все-таки... Одна кровь, но какие вы разные,— задумчиво говорила Шахло.

— Бывает, оказывается, и такое.

— Ты не обижайся, Азиз. Подобное случается не

чисто... но ты для них чужой — Шахло, прижала руки к груди и воскликнула, — они не любят тебя!

— Подожди, Шахло, — я обнял ее за плечи, — успокойся. Ответь лучше на другой вопрос... Ты меня любишь?

Шахло прижалась ко мне.

— Конечно! Я люблю тебя, Нариев.

— Вот и хорошо. С тобой я самый богатый человек на земле.

* * *

Утром позвонил Георгий и ошарашил известием: Николая Степановича назначили заместителем министра.

— Гога, тебе не приснилось?

— Послушай, кацо, архитектор Бараташвили не видит снов с тех пор, как стал женатым человеком, — смеясь, признался Георгий. — Теперь, Азизджан, серьезно... Меня не волнует назначение Катеринича старшего. Я беспокоюсь за младшего.

— У Володьки опять был конфликт с отцом?

— Позавчера! Ты знаешь, я снова имел удовольствие послушать этого, с позволения сказать «Цицерона». Очень, кацо, он талантливый болтун... Будь моя воля, я не доверил бы ему место референта в том же министерстве. Разве я, кацо, не прав?

— Я, Гога, с тобой согласен.

— Пора, Азизджан, давно пора таких, как он, отсылать к чертовой бабушке. Нужны другие руководители. Не болтуны, а знающие свое дело специалисты. Азизджан, дорогой, постарайся заехать к Володьке!..

...Владимир поразил меня необычайно мрачным видом.

— Что с тобой, дружище?

Владимир молчал. Его голубые глаза были устремлены поверх огромного больничного корпуса. Вдруг он пятерней стянул очки и принялся лихорадочно протирать стекла. Закончив нехитрую процедуру, поочередно посмотрел на каждое стекло в отдельности и убедившись, что на них нет пятен, водрузил очки на место.

— Госпитализировал маму... Сильный сердечный

приступ... Последствия повышения в должности отца... Мать не успела погладить костюм, вот он и устроил ей скандальчик... Меня-то дома не было.

Я молчал. После непродолжительной паузы Володька снова заговорил.

— Я поставлю мать на ноги... В самое ближайшее время. Она еще поживет пару десятков лет,

Я обнял друга.

— Раз ты сказал, так и будет.

Володя кивнул, плотно сжатые губы его обмякли, голубые глаза прояснились.

— Как себя чувствует Шахло?

— Говорит, хорошо.

— А ты ей не верь... У Шахло сильный дух, огромная жажда жизни. Береги ее. Она чудесная девушка! И любит тебя, оболтуса,— Володя рассмеялся.— Азиз, к тебе просьба. Мама спит. Проснется часа через два. Мы успеем съездить ко мне домой.

— Зачем, если не секрет?

— Нужно собрать кое-какие вещи,— Владимир усмехнулся.— Час пробил, Азиз.

— А как Клавдия Ивановна?

— Маму я przygotowую... за время лечения попробую уговорить,— Володя передернул плечами.— Нам вдвоем жилось бы лучше.

Через четверть часа мы были у Володьки дома. Николай Степанович, увидев нас, принялся рассказывать о том, как прошло представление в аппарате министерства. Володька буркнул что-то невнятное и скрылся в своей комнате.

Я смотрел на моложавое лицо Николая Степановича и размышлял. Вернее, старался представить своего отца живым. Неужели и он... Нет, нет. Отец слишком любил нас, мать. Он жил семьей, работой и, конечно, друзьями — сильными, правильными людьми.

Из комнаты с чемоданом в руках вышел Владимир.

— Я готов,— спокойно сказал он.

— Готов? К чему?— Николай Степанович повернулся в сторону сына.

— Я ухожу.

— «Ухожу!» К кому? Зачем? Ты можешь выражаться яснее?— Николай Степанович нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Решено, отец... Нам лучше разъехаться...—

твердо заявил Владимир,— живи своими правилами, законами.

Николай Степанович побледнел, легкое замешательство промелькнуло в его лице.

— Пошли, Азиз!

— Владимир, остановись!— голос Николая Степановича прозвучал повелительно.— Я прошу тебя,— Николай Степанович встал и, выпятив широкую грудь, сложил на ней руки,— зачем нужна эта комедия? Мы могли обо всем...

— Прощения мне не надо... Я перед тобой ни в чем не виноват.

— Ты знаешь, у меня хватит сил, чтобы вырвать тебя из сердца.

Владимир грустно улыбнулся.

— Ты собираешься меня вырвать? Из чего? Из сердца?! Ты бы подумал, есть оно у тебя вообще... Ты не нашел в сердце места для матери, для человека, отдавшего тебе все. А что сын? Слово. Звук. Извини,

скажу правду. Напоследок. Ты в моей жизни был ничем. Ничем и остался. Я уверен, когда люди тебя раскусят, будет плохо...

В такси Володя вынул ключи от квартиры Шахло:
— Вот они и пригодились.

* * *

— Я взяла билеты в театр, на балет «Анна Каренина».

— Ну и отлично! Я с удовольствием!

Шахло внимательно посмотрела в глаза: она хотела удостовериться в моей искренности. Я вытаращил глаза и быстро заморгал. Мол, гляди и убеждайся, дальше откровеннее быть некуда.

«Анна Каренина» — балет хороший, но лучше бы мы на него не ходили. Шахло вышла из театра взволнованной. Она до дома не обмолвилась ни единым словечком. Я попытался заговорить, узнать, что ей больше всего понравилось в спектакле, она коротко отвечала «все» и продолжала молчать.

Решив, что надоел Шахло вопросами, я принялся собирать вещи. Свернул тренировочный костюм, в узкий отдел портфеля сунул носки, мыло, зубную пасту с щеткой и махровое полотенце.

Шахло сидела с таким видом, будто ее абсолютно не волновала предстоящая мне поездка.

— Нариев, ты когда-нибудь терял сознание? — неожиданно спросила Шахло.

Я удивился. Вопрос не вязался с нашим настроением. И все-таки ответил:

— Было однажды. Лет пять назад. Нарвался на встречный удар и — нокаут.

— Какое было ощущение?

— Мне показалось, будто рухнула крыша спортивного дворца... Зачем тебе это, Шахло? — я закрыл застегжки портфеля и положил его у двери.

— Ты знаешь, мне иногда кажется, — задумчиво сказала она, — если я еще раз потеряю сознание, то уже никогда не очнусь.

— Не думай об этом.

— Не буду, — Шахло вздохнула, — но эта мысль не покидает меня с утра...

Я сделал вид занятого своими мыслями человека,

хотя был полон желания обнять Шахло и сказать: «Перестань, забудь». Нужно было чем-то заполнить паузу в прервавшейся беседе.

— Шахло... Ты чего молчишь?

— Да так.

— Не думай о плохом, родная.

— Почему ты решил, что я думаю о плохом?

— Ты хочешь после отъезда забрать заявление из загса.

— С чего ты взял? Ах, да. Интуиция! На сей раз она тебя подвела.

Я рассмеялся.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Это была мама. И по тому, как она шумно дышала, я почувствовал неладное. Мама долго говорила о несправедливости, какими жестокими и неблагодарными бывают люди. Потом перешла к главному. Насибиного мужа арестовали. Мало того, недавно приезжали люди из милиции и переписали имеющиеся в квартире вещи.

— Азиз, ты меня слышишь?— громко завывала в трубку и Насиба,— они... Они сказали: все конфискуют. Понимаешь, все, даже твой ковер.

— А что случилось?

— Не знаю. Я не вмешиваюсь в дела Сардора.

— Он на чем-то попался?

— Может быть... Но меня сейчас это не волнует... Как же я теперь? Ведь все заберут и ничего не оставят.

Трубку снова взяла мать.

— Азиз, ты можешь завтра приехать? Нет? Почему? Уезжаешь!? Я тебя не узнаю, сынок... У сестры несчастье, большая беда.

— Я все равно Насибе не смогу помочь.

— Неужели ты такой бессердечный?

— Вы ошибаетесь, мама, здесь дело не во мне.

— А в ком?

— В вашей дочери... Постарайтесь объяснить, что бы она сделала вывод из случившегося. До свидания!

Шахло сидела на раскладушке и покусывала воротничок халата.

* * *

Как и следовало ожидать, Лазиз не пришел в пятницу на сбор. Ну, что ж, товарищ Салиев, вызов принимаю. И обещаю: война будет продолжаться до тех

пор, пока вы не сложите оружие. Проверив экипировку, мы направились к автобусной станции. Через час большой, мягкий «Икарус» мчал нас к пункту назначения.

Утром следующего дня пошли к подножию Большого Чимгана. Впечатлений у мальчишек было много.

Вечером разожгли огромный костер, вдосталь поели печеной картошки. Жалко, диких козлов увидеть так и не пришлось.

Возвращались с отличным настроением. Представил, как мальчишки заявятся домой, как начнут рассказывать об увиденном родителям. А меня ждет Шахло, к тому же сегодня вечером должны прийти Георгий с Беллой. Но все получилось иначе. Дома на столе обнаружил записку: Шахло увезли в больницу.

* * *

Володя появился неожиданно. Посмотрел на меня с легким прищуром, словно видел впервые. Привычно придавив дужку очков к переносице, он решительно направился к дверям больничного корпуса. Мне, ошеломленному и растерянному, не оставалось ничего другого, как последовать за товарищем.

Он даже не повернул головы, когда я подошел и остановился за его спиной. Володя вздохнул, пожал худыми, покатыми плечами. Товарищ всегда начинал вздыхать, поправлять очки и пожимать плечами, если не решался заговорить о чем-то важном, серьезном.

— Ты долго раскачиваешься, старина. Переходи в атаку,— сказал я хрипло, облизывая пересохшие губы.

— У тебя есть время?

— Не задавай глупых вопросов.

— Тогда жди... Через час-полтора выйду.

Спустившись по лестнице, я побрел по знакомой аллее, вдоль тополей, к пустой скамейке. Сел. Странно, но только сейчас обнаружил, что аллея упирается в крохотный, чисто выбеленный дом. На фоне густой, ярко-изумрудной зелени он был похож на полотно киноэкрана, на котором вдруг начали вырисовываться знакомые лица — мать, Насиба, Николай Степанович, Белла. Мать почему-то не смотрела мне в глаза. И я не мог понять: то ли она чего-то не одобряла, то ли сочувствовала. На губах Насибы застыла усмешка.

Николай Степанович стоял в позе монумента. Белла плакала.

Аллею пересекла машина «скорой помощи». Я откинул голову, закрыл глаза. Вновь замелькали обрывистые виденья: Шахло в музее, театре, среди друзей, на берегу Анхора, у фонтана, дремлющая на раскладушке. Господи, сколько же событий произошло за короткий отрезок времени! Нагрузка была ощутимой даже для здорового человека. И я задавал себе вопросы: как бы я себя повел, если мы с Шахло вдруг поменялись местами? Смог бы я закрыть глаза на многие запреты, не обращать на них внимания и жить? Нет, не существовать, а жить насыщенно, интересно? Не знаю.

Я открыл глаза и посмотрел на бледно-голубое небо, на причудливые клочки медленно плывущих облачков. Появления Владимира я не увидел, а скорее почувствовал — ощутил спиной, затылком. Непонятная сила заставила вскочить на ноги и понесла по аллее к гранитным ступенькам, где, засунув руки в карманы стоял мой друг.

— Ну что?

— Ей сделали переливание крови.

— Это поможет? — я смотрел на Володьку и не узнавал его. Глаза, как мне показалось, из голубых превратились в серые, нос заострился, резче обозначились морщинки на переносице. — Переливание поможет?

— Будем надеяться.

— А ты, дружище, скажи... И не бойся правды... Я, я прошу тебя...

— Шагай, Азиз, домой. Приходи завтра... Я буду сегодня рядом с Шахло... Когда она откроет глаза, я ей скажу, что она значит в твоей жизни, в твоей любви.

Впервые в жизни я обманул друга и не пошел домой. Вновь вернулся к скамейке и начал ждать. Я ждал утра.

ГУЛИСТАН МОИ

П о в е с т ь

В шесть тридцать утра электропоезд на Гулистан отошел от безлюдного вокзала. Провожающих не было, если не считать двух старух, которые, переваливаясь на негнущихся ногах, пробежали несколько метров рядом с вагоном, а потом замерли на краю платформы.

Моя соседка им в ответ тихо качала головой. Тонкие ноздри прямого носа, полноватые губы подергивались от волнения. Женщина вздохнула и сняла козынку.

Напротив меня, нахохлившись, сидел старик с кустистыми бровями, почти прикрывавшими его зеленовато-серые глаза. На коленях он держал большую и, судя по многочисленным банкам, тяжелую авоську.

— Папа, да положите ее на полку,— сказала женщина, откидываясь на спинку высокого кресла.

— Ничего, ничего. Я подержу. А то вдруг соскользнут,— ответил старик.

— Можно и на сиденья. Кресла мягкие,— вмешался я в разговор.

Старик недовольно повел бровями и настороженно осмотрел меня с ног до головы. Весь вид его говорил: «А ты чего вмешиваешься? Обойдемся и без твоего совета».

«Смотри какой, с характером»,— подумал я.

Женщина, казалось, задремала. Я изредка поглядывал из-под дымчатых стекол на попутчиков и жалел, что не захватил с собой какой-нибудь журнал. Вообще я не люблю в поездах читать: от качки быстро утомляются глаза. Поэтому всегда стараюсь познакомиться с соседями и за разговорами скоротать время. Сегодня явно не повезло. Я посмотрел на часы. М-да! Многовато еще осталось. Женщина вдруг открыла глаза.

— Меня что-то знобит,— зябко поеживаясь, призналась она.

— Хотите чаю?— предложил я.

Старик снова повел бровями и, как мне показалось, спрятал ехидную улыбку в усы. Я открыл портфель и вытащил термос. Старик крикнул, положил тяжелую авоську на свободное сиденье и потер жилистыми руками по коленкам.

— Зеленый чай, черный?— поинтересовался он.— Хорошо! Когда мы жили в Ташкенте, пили только черный. А теперь все больше — зеленый. На первых порах непривычно было. Сейчас уже не ощущается разница. Привыкли... Человек устроен так: ко всему привыкает.

Старик пил с удовольствием. Перед тем, как шумно отхлебнуть, он указательным пальцем расправлял усы и громко почмокивал.

— Значит, раньше вы жили в Ташкенте? А теперь где?— спросил я у старика.

Тот, не отрываясь от пластмассового стаканчика, нивнул и как бы между прочим сказал:

— Зови меня, сынок, Фролом Андреевичем.

— Мы уже десять лет живем в Гулистане,— ответила женщина,— почти старожилы. Меня зовут Халима Садыковна.

— Все из-за внуков,— вытирая ладонью край стаканчика, неожиданно заговорил Фрол Андреевич.— Заявились однажды домой и огорошили: мол, едем по путевкам комсомола в Голодную степь. Мы пока охали, Володька с Фархадом вещички свои собрали и — на вокзал.

А еще через четверть часа, когда опустел термос с чаем, старик рассказал, как спустя месяц они с Халимой надумали провести внучат. Приехали в эту самую Голодную степь. Одни палатки, а вокруг пересохшая земля да желтые кусты. Да-а! Правы внуки! Степь, словно кобылка необъезженная, требовала уздечки и сильной руки. А вечером собрались в палатке. Поговорили. Ребята отступать и не думали: когда человек идет в бой с желанием победить, его не остановят никакие преграды.

Оставшийся путь до Гулистана мы проехали молча. На вокзале распрощались: мои попутчики отправились домой, а я дальше — в колхоз. К вечеру я управился с делами и, сидя на маленькой скамейке у правления,

ждал председателя колхоза, обещавшего подбросить до города. Он вышел в сопровождении молодого широкоплечего мужчины.

— Знакомьтесь, мой агроном Владимир Федорович Корнилов,— представил его председатель.

— Вы на поезде приехали? А я вот своих не смог встретить. Мать с дедом сегодня тоже должны были приехать из Ташкента,— вступил в разговор агроном.

— Как поживает Халима Садыковна, Владимир Федорович?— спросил председатель.

— Спасибо. Пока на здоровье не жалуется,— ответил он на чистейшем узбекском языке.

— Талантливая женщина! Лучшая в городе мастерица. Она недавно сшила дочери очень красивое платье.

— Ваша мать и дед доехали благополучно,— вмешался я.

— А вам откуда это известно?— удивившись, агроном повернулся в мою сторону.

— Мы ехали в одном вагоне.

— Вам к гостинице?— поинтересовался председатель.

— Знаете, не надо никаких гостиниц,— решительно заявил Корнилов.— Давайте к нам. Тем более, вы уже знакомы с мамой и дедом.

— Соглашайтесь, Шавкат. Владимир Федорович дело предлагает. Их семья на весь Гулистан гостеприимством славится,— председатель свернул вправо.

... Мы вчетвером сидели в просторной столовой и смотрели телевизор. Из Москвы транслировали передачу «От всей души». Когда она закончилась, мы продолжали чаепитие. Через полчаса Владимир встал и, сославшись на трудный день, ушел спать.

— Фархад, наверное, не придет сегодня,— первым нарушил молчание Фрол Андреевич.

— Видно, задержался,— Халима Садыковна вздохнула,— значит не может... Ах, как было бы хорошо, будь их отцы рядом!

Фрол Андреевич насутился.

— Не одна ты на земле, Халимушка, у которой душа по сей день болит.

Глаза Халимы Садыковны наполнились слезами.

Фрол Андреевич кашлянул в кулак и заговорил.

— Оно, стало быть, верно, Халимушка. Боль наша

непроходящая. Но ты, милая, только подумай,— у тебя хорошие, любящие дети... Всем на зависть. Вспомни, как много лет назад мы с тобой сидели в яблоневом садике. И ты мечтала о внуках. А что нынче? У тебя их уже два! Больше и больше. Ей-ей, будет! Вот только Володька маленько оклемается. Очень мне хочется поглядеть на его детей.

— Вы простите нас, Шавкат,— вытирая слезы, сказала она,— это пережитое напоминает о себе.

— Я понимаю, Халима Садыковна... Мне кажется, что жизнь у вас сложилась непросто. Извините, я тут попытался кое в чем разобраться, но ничего не получилось.

— В чем именно?

— Вот я думал: почему у вас на четверых три фамилии?

— Разве три?— удивилась Халима Садыковна.— А ведь и правда! Странно. Я почему-то никогда на это не обращала внимания.

— Я — Вовк, Фархад — Ибрагимов, Володя — Корнилов,— вполголоса перечислял Фрол Андреевич, загибая пальцы правой руки.

— Вы правы, разобраться постороннему человеку трудно... А получилось так потому...

Рассказ Халимы Садыковны

Смена закончилась. Швеи быстро сдали готовую продукцию и направились к проходной. Вахтер Хасаната, глухо постукивая деревянной ногой об пол, стоял у входа и, хмурясь, следил за нескончаемым потоком женщин. Старик не смотрел в развернутые картонные удостоверения, потому что знал всех в лицо. Когда-то веселые, с озорным блеском глаза, теперь угрюмые от усталости и бессонных ночей.

Октябрь выдался холодным. Днем часто шли дожди, которые к вечеру переходили в мокрый снег. Еще до войны купленные резиновые боты текли. Да и пальто не грело. Халима прошла от фабрики до дома только половину пути, но успела замерзнуть так, что зубы безостановочно выбивали мелкую, частую дробь. Она почему-то вспомнила тот день, когда с будущим мужем взволнованно шагала в ЗАГС. Тогда тоже шел дождь, только не такой колючий и холодный.

Когда их сыну пошел второй год, Эргаш ушел на фронт. Первое письмо пришло через два месяца. Муж писал, что пока их часть находится в тылу, но скоро, по-видимому, отправят на фронт и их. Второе было датировано апрелем. В нем впервые Эргаш рассказал о новом друге Федоре Корнилове, оказавшемся почти земляком — чимкентским. Да, да, Халима хорошо помнит, как, прочитав эти строки, она улыбалась. Потом письма стали приходить чаще. В последнем муж писал: «Пожалуйста, не удивляйся, дорогая. Очень скоро к тебе приедет жена моего друга Федора с сыном. Мы как-то с ним подумали: ты одна, Тася — тоже одна. Может, вдвоем вам будет легче и веселее. Она твоя ровесница. Очень хотелось бы, чтобы вы подружились!»

* * *

Потом бойкая почтальонша Сабри вручила ей открытку. Эргаш с Федором получили назначение.

Халима открыла калитку, быстро прошла через небольшой яблоневый сад в дом. Сбросила боты, зажгла керосиновую лампу, переделалась и, накинув на голову сухой платок, вышла во двор. Подойдя к низенькому, с многочисленными трещинами глиняному дувалу, из которого каждую весну выползали маленькие, серенькие ящерицы, она громко позвала соседку:

— Тетя Хайри, тетя Хайри!

На крыльце показалась пожилая, полная женщина в старенькой, залатанной телогрейке. Увидев Халиму, она прижала палец к губам.

— Тише, доченька, тише! Фархад только уснул... Не беспокойся, я его покормила.

— Может, домой перенесем?

— Зачем? Не надо. Какая разница, где ребенок будет спать? А я и тебе оставила супу.

— Ах, тетушка, который день вы меня кормите...

— Ладно, перестань считаться. Много ли нам надо со стариком.

Халима растопила чугунную печку и поставила на нее ведро с водой. Принесла из чулана таз, протерла с него тряпкой пыль и присела. Опустила руку в ведро: вода еще холодная. Печка недовольно потрескивала сырыми дровами. «Долго ждать», — подумала она, зябко поеживаясь. Глаза начали слипаться. Ах,

если бы можно было лечь, положить голову на тряпичный мяч сына и заснуть! Заснуть не тревожным, а глубоким, спокойным сном. Чтобы не мучили кошмары, чтобы не просыпаться в холодном поту и, дрожа всем телом, не спрашивать себя: когда все это кончится? Неужели не будет конца проклятой войне? А завтра работа. И снова начальник цеха Каримов начнет слащавым шепотком уговаривать Халиму зайти к нему домой.

...Халима сквозь дремоту слышала — где-то далеко-далеко остановилась машина, хлопнули дверцы — и испуганно вскочила от сильного стука в калитку.

— Кто там?

— Открывай, хозяйка! Принимай гостей! — услышала она незнакомый голос. Скинула крючок. У порога стояла невысокая, худенькая девушка с ребенком на руках, а за ней — мужчина с чемоданом, видимо, шофер.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Я — Тася.

...Халима слышала, как на соседней кровати, ровно дыша, спала Тася. Рядом, надув розовые губки, ее сын — спокойный, улыбчивый мальчик. Фархад — озорник, любит покапризничать, да и задира порядочный. А Тася? Они уже сдружились. Халима улыбнулась, вспомнив, как вчера утром Тася, провожая ее на работу, сказала с обидой в голосе:

— Может, ты все-таки поговоришь обо мне на фабрике? Я работать хочу. Вот только Володя...

— Вечером поговорим с тетушкой Хайри. Я пошла, а то опоздаю.

После работы Халима с Тасей зашли к соседке. Тетушка Хайри вздохнула и, погладив рукой по пшеничным волосам ребенка, сказала:

— Оставляйте — где один, там и второй не обуза.

Утром Халима с Тасей быстро шли на фабрику. Смелый мастер с близорукими усталыми глазами, после короткого колебания предложила:

— Вот сама и возьми ее к себе в ученицы. Она так быстрее освоит работу.

Халима прикрыла глаза. Вчера вечером произошли два волнующих события. Приезжал дядя из Ферганы. К их большой радости он привез муки, риса, сухофруктов, банку перетопленного бараньего жира.

— Вот и хорошо. Теперь у тебя, племянница, есть

подруга. Скучать не придется... А мне пора, да, пора,— посидев с час, встал дядя из-за маленького стола.— Дела.

Не успели Халима с Тасей прибрать посуду, как услышали звонкий голос Сабри.

— Халима, Халима!— кричала она с улицы.— Тебе письмо от мужа!

Дрожащими руками развернув треугольник, Халима начала читать вслух. Тася, прижавшись к ней, слушала, затаив дыхание.

«Есть в роте человек, который по возрасту годится нам в отцы — это старшина Вовк. Хороший человек. Сам он из Тагила, одинок. Вот и подумали мы уговорить его после войны переехать в Ташкент».

— Так до победы они всю роту переманят сюда,— рассмеялась Тася.

«Нет такого дня, чтобы мы с Федором не вспомнили о вас, о сыновьях,— продолжала читать Халима.— Потерпите, родные, уже осталось немного. Живите дружно. До скорой встречи, пишите нам чаще. Крепко целуем всех — Эргаш, Федор.

Недавно приезжал фотокорреспондент. Мы уговорили снять нас. Посмотрите, что получилось».

Халима с Тасей со слезами на глазах смотрели на маленькую фотографию, на которой, обнявшись, стояли два самых дорогих человека на свете. Потом письмо прочитала каждая в отдельности и только перед тем, как ложиться спать, Халима бережно положила его в резной деревянный ящичек, куда складывались все фронтовые весточки.

* * *

Дни стали короче. Погода часто портилась, шли дожди. До ноябрьских праздников осталось десять дней. Подруги продали сухофрукты, привезенные дядей. Часть денег истратили на уголь, теперь надо было решить, куда и на что использовать остальные. После долгих прикидок договорились купить две пары бот, мальчишкам теплые пальто и шапки. В воскресенье утром подруги бродили по базару. Чего здесь только не было! Они с грустью смотрели на лакированные модельные туфельки, красивые комбинации, шерстяные кофты и платки. Повздыхали, пошли дальше.

Мальчишки встретили матерей у калитки. Заполучив обновки, малыши устроили веселую возню. Женщины наблюдали, как дети радовались, а потом застеснявшись, убежали во двор.

— Халима, Халима,— позвала с улицы Сабри,— выходи, тебе письмо!

Халима с удивлением смотрела на грубый треугольник с незнакомым, корявым почерком. Странно, почему его прислал чужой человек? Сердце забилося глухо и тревожно. Распечатала. Посмотрела на побелевшую Тасю и стала читать.

«Пишет вам старшина Вовк. Вы уж простите меня, не мастак я красиво буквы выводить. Долго собирался вам весточку подать, да не держали пальцы карандаш. Весть-то черная, не хотел делать больно сердцам вашим молодым».

Тася тихо вскрикнула, прижала тонкие руки к груди.

«Погибли мои сыночки в один день, в один час»,— письмо выпало из рук Халимы.

* * *

Она открыла глаза и увидела неясные контуры людей. В комнате сильно пахло лекарствами. «Когда же я успела очутиться на кровати?»— Халима повернулась. На нее внимательно смотрели серые, прищуренные глаза. Доктор? Да, но как он здесь очутился? Халима скользнула взглядом по его коротким пепельным волосам, большим ушам с отвисшими мочками, крохотной бородке.

— Где Тася, дети?— приподняла она голову.

— Видите ли, какое дело,— доктор прошелся по комнате,— я не знаю, кем вам приходится эта Тася...

— Сестра она, моя сестра,— быстро проговорила Халима.

— Сестра... У нее очень слабенькое сердце, нужна госпитализация.

— Как, вы увезете Тасю?!— Халима испуганно прижала руки к лицу.

— Только без паники. Поверьте, это необходимо. А детей ваших забрала соседка.

...Халима шагала из угла в угол маленькой приемной. Наконец, появился лечащий врач.

— Это вы Ибрагимова? Здравствуй! Давайте присядем,— предложила она.— Вы пришли узнать о состоянии Корниловой? Что я могу сказать? Плохо ей, сильно ослабла. Питание ей бы улучшить...

Халима молча слушала доктора.

— Бульону бы ей, яиц, хлеба...

— И Тася поднимется?

— Конечно. Она ведь за два с половиной месяца похудела на шесть килограммов. А это для слабенького здоровья чересчур много.

Халима, накинув на плечи белый халат, прошла в палату. В руках у нее был сверток с продуктами. Вчера она продала последнюю ценность в доме — серебряный браслет, доставшийся ей от матери. В углу она увидела лежащую Тасю, очень бледную, сильно похудевшую.

— Здравствуй, Тасенька,— поцеловала ее Халима.

— Здравствуй,— тихо сказала Тася и заплакала.

— Ну, что ты? Что ты? Тебе нельзя расстраиваться.

— Да я так, на радостях... Все думали — умру, а видишь, живучая оказалась. Как дети, что дома? Рассказывай... Да, что хотела сказать. Лежала тут и решила — дай сестре напишу. Узнаю, живы ли, здоровы? Может, откликнутся.

— Мне на днях на фабрике премию дали,— улыбаясь начала Халима.— Володя научился узбекские песни петь, да так, Тасенька, хорошо! Это все тетушка Хайри. Помнишь, она предупреждала, что Вовка только по виду будет русским, а во всем остальном — узбек.

— Это не беда,— Тасины глаза были полны тепла.

— А тебе большой привет от всех девчат, низкий поклон передала начальница смены... Ну, что, родная, доктора говорят? Долго ли ты еще здесь лежать будешь? — поинтересовалась Халима, поглаживая худенькую руку Таси.

— Говорят, еще дней двадцать.

— Вот и хорошо, а то я уже не могу одна справляться с этими двумя разбойниками.

— Как я, Халимочка, соскучилась по ним!

— Ты только выздоравливай поскорей.

Осенью неожиданно пришло письмо. Тася смущенно мяла конверт и сбивчиво говорила:

— Вот, Халимочка, сестра старшая откликнулась... Пишет, что живет в поселке... Мое-то письмо на куйбышевский адрес ей соседи переслали. Советует приехать... Ума не приложу, что написать ей, а?

Халима промолчала, вышла во двор и начала разжигать самовар. С улицы доносился громкий крик ребят, игравших в футбол. «Неужели уедет?— с болью в сердце думала она. Огонь, словно дикий зверь, завывал в самоваре, а Халима вдруг взялась подметать и без того чистый двор. Она вспомнила слова дяди, когда однажды предложила ему переехать в Ташкент:

— Человек, племянница, странно создан. Он может жить где угодно и помногу лет. Пусть тот край будет самым лучшим уголком в мире, а его родная земля — самой худшей. И все равно человек никогда не забудет ее. Будет всегда помнить, думать о ней. А при малейшей возможности с радостью уедет на родину. Вот ты родилась в Ташкенте. Жила, правда, несколько лет в Фергане. Скажи, сможешь ли ты навсегда уехать в наш город? Видишь, нет... Вот и я не могу.

Халима тяжело вздохнула и, бросив веник, зашла в дом. Обняла Тасю за плечи:

— Когда ты решила ехать?

— Да я и не собираюсь...

— Тася!..

— Да нет же, Халимочка! Куда я от тебя?

— Тася, ну-ка, посмотри мне в глаза.

— Могу и посмотреть. А что?

— Вот и хорошо. Вижу, хочешь...

— Прости меня,— неожиданно со слезами обняла Тася Халиму,— соскучилась больно по родине... Хочется на могилу родителей сходить... Но я вернусь! Обязательно вернусь! Только гляну на всех — и обратно.

— Не обманывай себя, Тася,— Халима присела на стул,— ты там останешься... навсегда.

Вовка с Фархадом, узнав о разлуке, ходили невесты, реже стали бегать с друзьями по махалле, все больше проводили время вдвоем.

Вот и сегодня они сидели молча, спиной друг к другу. Затем Вовка лег на устланную листьями землю и, надвинув на лоб тюбетейку, сказал:

— А нам скоро в школу идти...

— Может, останешься?

— Мама не разрешит.

— Слушай, Фархад!— Вовка вскочил на колени и выпалил:— Давай побратаемся!

— Как это?— Фархад от удивления приоткрыл рот.

— Бахрам говорил — кровью. Булавка есть?

Фархад, не задумываясь, быстро умчался.

— Вот,— запыхавшись, протянул он булавку.

— Давай,— Вовка, зажав острие, ткнул в палец. На месте укола тут же появился алый бугорок крови.

— Теперь ты...

...Тася не уехала. В тот день, когда собрались на вокзал за билетами, она неожиданно почувствовала себя плохо. Прилегла на кровать и позвала Халиму:

— Халимочка, сядь-ка рядом... Оборвалось у меня что-то внутри. Без боли оборвалось.

— Подожди, подожди... Я за доктором...

— Не надо,— Тася мягко удержала Халиму за руку.— Не жалец я, видно. Не перебивай,— она улыбнулась слабо.

— А ну тебя, болтаешь, сама не знаешь что! Я побежала.

Когда Тасю увозила карета скорой помощи, она знаком попросила Халиму нагнуться:

— Прощай, родная. За Вовку я спокойна. Поцелуй меня.

Под утро Таси не стало.

* * *

Дверь тихо скрипнула. В комнату осторожно шагнула тетушка Хайри. Халима быстро вытерла заплаканные глаза.

— Ты чем-то расстроена, доченька?

— Пустяки, нервы.

— Не надо меня обманывать, по пустякам не плачут,— тетушка Хайри строго посмотрела на Халиму.

— Одна я, понимаете, одна... Устала... И по Володе скучаю очень. Как увезла его после похорон Тасиина сестра, как будто что-то вырвала из груди...

— Ну зачем же, доченька! Вовсе не одна. Аллах тебе дал хорошего, красивого сына. А что может быть в нашей жизни прекрасней, чем дети?

Во дворе хлопнула калитка, и через минуту в комнату постучала Сабри:

— Здравствуйте! Вот, тебе,— протянула она Халиме конверт.

— От кого бы это?— Халима накинула платок.

По штемпелю определила — письмо из Куйбышева. Вскрыла конверт и начала читать:

«Здравствуйте, Халима! Вам пишет Тасина сестра Валентина. Извините за долгое молчание — работы сейчас столько, что и придя домой об отдыхе только мечтаешь. Сегодня выбрала время, и то спасибо дождю. Льет как из ведра. И по этой причине сидим бригадой в правлении. Тут и решилась написать. У нас в семье все хорошо, если не считать Владимира. Вы не пугайтесь, он здоров, даже немного вытянулся. Меня другое волнует: не принимает он нас сердцем. Замкнутый какой-то стал, неразговорчивый. Я забыла, когда он в последний раз смеялся. А по ночам мальчик во сне зовет Тасю, вас, Фархада. Сажу рядом с ним и плачу. Халимочка, родная! Мне больно признаться, а еще больнее видеть, как Володя тоскует. А разве я этого хотела?.. Как быть? Жду скорого ответа. Валентина».

Халима плакала, Володя не забыл ее! Он все помнит! Он зовет ее по ночам. Что, что делать? Ах, какая она недогадливая! Ей надо собираться. Сейчас она побежит на фабрику и уговорит начальника дать отпуск. И поедет за сыном. Она привезет Володю. И тогда...— Халима прижала письмо к груди и радостно засмеялась. Тетушка Хайри вытирала слезы широким рукавом.

* * *

Надо было возвращаться в Ташкент, но я колебался. Не хотелось уезжать из Гулистана, не узнав от Фрола Андреевича о том, как он очутился в этой семье.

... Старика я застал в саду.

— Видишь, сынок, какая тут щедрая земля,— кивнул на отяжелевшие от плодов ветки.— Выходит, ждала она человека. Правда, буйствовала поначалу. Шут-

ка ли, нагрянула людей не одна тыща, да еще машины! А как поняла, что к чему — успокоилась, доверилась... — Фрол Андреевич неторопливо шел со мной рядом. — Это, сынок, еще не все. Здесь и леса вырастут. Без них человеку нельзя. Леса — наша гордость, богатство... Да... Я тебе вот что скажу. Побродил я за свои восемь десятков лет вдосталь. Европу прошагал, был в Монголии, у финнов пришлось чуток погостить, но таких лесов, какие есть в России, нигде не встречал. Уж поверь мне на слово. Или не веришь?

— Да нет, что вы! — успокоил я старика.

— И здесь зашумит лес. Встанет он, как быллинный богатырь, как сын земли, который сбережет материнский покой от нещадного солнца и буйного ветра. Ты когда-нибудь гулял в настоящем лесу?

— Не приходилось.

— Н-да. Стало быть, не повезло... Как зайдешь, сынок, в лес — пьянеешь. Воздух в нем ароматный, густой, словно хлеб из печи... Слушай дальше, — Фрол Андреевич сел на маленькую деревянную скамеечку и, закурив, продолжил, — пройдет еще с десятков лет и эта земля станет краше. Да. Посмотришь на нее, к примеру, из окошка самолета — будто свадебная скатерть, будто дева красная. Реки атласными лентами переваются у нее в венке, озера-блюдца — серьгами заблестят. Поля хлопковые, сады — словно сказочные ковры-самолеты. Вот как будет. И никак по-другому...

Мы долго молча курили.

— Если не секрет, Фрол Андреевич, почему Владимир не женится? — спросил я.

— А какой тут секрет? — старик поплевал на окурок и вдавил его в землю каблуком сапога, — был он, сынок, уже раз женат. Хорошая была Клара — душевная, ласковая. Да померла полтора года назад. И Володька с того дня все никак не может в себя прийти. Мы с дочерью и так и сяк — не получается. И решили выждать. На время надеемся. Время-то, ох, какой доктор! Любые раны залечивает.

— Фрол Андреевич! Можно еще один вопрос, самый последний?

Старик кивнул и вновь полез в карман за сигаретами.

— Расскажите, пожалуйста, как вы очутились в Ташкенте.

— Ишь ты,— Фрол Андреевич рассмеялся,— далече хватил... Как тебе, сынок, сказать? В Ташкент я приехал давно, тридцать лет уже прошло. А ты чего сник? Никак мой ответ не по душе пришелся?

— Извините, мне хотелось бы знать подробнее.

— Вот оно что,— старик облизал кончик сигареты,— даже не знаю, с чего начать.

— А вы начните с того момента, когда познакомились с родителями, вернее, с отцами Фархада и Владимира,— предложил я.

— Длинная, сынок, это история,— Фрол Андреевич внимательно посмотрел на меня и вздохнул. Молчал старик долго, задумчиво глядя в глубь сада, и вдруг заговорил.

Рассказ Фрола Андреевича

Старшина Вовк прохаживался вдоль строя только что прибывшего в роту пополнения. Их двадцать. Еще очень молодых, не нюхавших по-настоящему пороха и не имевших никакого представления о буднях войны. Что им, еще почти детям, уготовила судьба? Сбережет ли она этих парней на радость матерям, любимым девушкам?

Вовк поднял голову. В новеньких гимнастерках, кирзовых сапогах, в форсисто надвинутых на самые брови пилотках, солдаты внимательно следили за пожилым старшиной. В такт тяжелой походке на его груди звенели медали. Видно, давно он ходил в этом звании, потому что погоны были сильно потерты, а бордовые шелковые полоски побурели и стали одного цвета с опаленным зноем лицом Вовка. Наконец, старшина остановился. Снова внимательно оглядел каждого в отдельности и, потеряв большой, узловатой рукой небритые щеки, глухо сказал:

— Ну, что? С приездом... Разговор мой короткий. С сегодняшнего дня, значит, вы являетесь боевыми единицами нашей роты. Сейчас располагайтесь, отдохните с дороги, пообедайте, а вечером будем знакомиться с каждым согласно алфавиту.

Но обещанное знакомство не состоялось. Вечером солдаты были подняты и уже через несколько минут взвод за взводом уходили по разбухшей от дождей дороге в черную, сырую ночь.

Немецкая армия, прижатая к Рижскому заливу и Балтийскому морю, оказывала яростное сопротивление. Во второй половине октября вдруг наступило затишье. Был получен приказ закрепиться на своих позициях. Солдаты облегченно вздохнули — долгожданный отдых.

Шел мелкий, холодный дождь. Старшина лежал на грубых нарах крохотной землянки и зябко кутался в порывшую шинель. Не любил он осень за сырость и дожди. От этой погоды сплошная тоска на душе. Благо затишье. Иначе мокли бы солдаты в окопах, проклиная фашистов, войну. Осенью, как казалось старшине, воевать намного сложнее, чем весной или летом. Солдат быстрее устает. Вовк вздохнул. Верно, что устает. Только двое бодрствуют. И на то имеется причина. Он долго наблюдал, как при свете коптилки Эргаш стриг своего товарища.

— Ибрагимов, а Ибрагимов!

— Слушаю, товарищ старшина.

— Так ты говоришь, что у вас в Ташкенте сейчас жарко?

— Точно. Хорошо в моем городе — тепло. А сколько фруктов — дыни, арбузы, гранаты! Виноград, пожалуйста, любого сорта, вкуса и цвета! Отличное время года! Мать знала, когда меня рожать.

— Выходит, ты октябрьский.

— Выходит... Я, товарищ старшина, почти ровесник своей республики.

— Ну, — удивился Вовк. — И сколько же тебе стукнет?

— Двадцать пять, товарищ старшина.

— Смотри, как получается, а я почему-то думал, что тебе больше. Или от седины кажешься старше?

— Это от войны, товарищ старшина, — глухо сказал Федор.

— Верно, верно, она, проклятая, виновата, — согласился Вовк и тут же перевел разговор на другую тему.

— А что пишет жена, Ибрагимов? Как она там с Корниличихой?

— Нормально живут, как все.

— Нелегко им сейчас...

Старшина посмотрел на каждого в отдельности и

насунил. Он с некоторых пор стал ловить себя на том, что после каждого боя первым делом искал друзей и облегченно вздыхал, когда видел их уцелевшими. А привязанность к этим двум солдатам у Вовка появилась как-то незаметно. И не потому, что они воевали смело, умеючи. На них можно было положиться, доверить важное поручение. Дело было в другом. Скорее, в теплом, почти братском отношении не только друг к другу, но и ко всем товарищам. Эта братская теплота не только роднила солдат, она служила каким-то невидимым раствором, скрепляющим крепко душу и сердца бойцов...

— Слушайте, сынки,— снова заговорил он,— вот кончится война, чем заниматься будете, как жить?

Эргаш подсел к старшине.

— Первое, что я сделаю, это постараюсь вас уговорить поехать с нами в Ташкент.

— Зачем?

— Во-первых, потому, что мы с Фёдором знаем, что у вас никого нет. Во-вторых, климат Ташкента вам больше подойдет. И, наконец, главное. Мой отец погиб от рук басмачей. Я его не помню. У Феди отца беяки расстреляли. Так вот вы бы и заменили их нам. А мы, честное слово, были бы хорошими сыновьями. Как думаешь, Корнилов?

— Дело сказал, друже... умное,— закуривая, пробасил Федор.

В землянку вбежал посыльный:

— Товарищ старшина! К командиру!

...Наступление началось в пять утра после мощной артиллерийской подготовки. Черное небо еще только начинало слегка светлеть, когда солдаты увидели три ярко-красные ракеты — сигнал атаки. И не успели они еще потухнуть, как дружное «ура», словно гигантская волна, покатилося вперед, на скрытые в дыму вражеские позиции.

Солдаты, опустив головы, шли тяжело. Они медленно обходили воронки, разбитые от прямого попадания дзоты, горевшие сваи и немецкие танки. На плечах, на сбитых наспех носилках, лежал тяжело раненный в грудь и руку старшина.

— Не пишите пока о беде с ребятами. Я сам же-нам сообщу...— слабым голосом говорил Вовк.

— Все, братцы, мягко говоря, немцам капут полнейший пришел! Выходит, что посеяли, то и пожали, сволочи.

— А ежели по-нашему, по-солдатски, то мягкость не получается — язык не поворачивается, окромя как...

— Т-с-с, нельзя, Лукич.

— Это почему нельзя? Слова матерного испугался?

— Да нет! Сестры ходят, услышат.

Вовк приподнял голову, посмотрел на говорящих.

— Фрол Андреевич, — позвал его плотный, рябватый Лукич, — подсаживайся к нам — все будет веселей.

— Об чем разговор?

— Да что там, разговор тряпичный, обо всем помаленьку.

— Время, значит, коротаете...

— Тебе легче — выписываешься, — с нескрываемой завистью сказал Николай.

— Давно пора, хлопцы. Ведь я без малого полгода провалялся.

— Ннда-а, многовато... Главный доктор говорил — тебя кое-как эвакуировали с того света. И будто ты, по неопытности, самым серьезным образом там на довольствие вставал. Доктор тебя уговорил, мол, не торопись, старшина, познать вкус райской кухни. Вот как бывает, — Лукич улыбнулся, показывая крупные зубы, повернулся неловко и однул. Лицо его побелело, а на лбу выступили крупные капли пота: Лукич был ранен в бедро разрывной пулей.

— Домой, в Тагил. На фронт нельзя по причине тяжелого ранения.

— Радуйся, отец! Домой, к семье! — улыбнулся розовощекий Никифор. — Рыбалка, охота...

— Вольная жизнь, сплошная красота, — задумчиво согласился Вовк.

В палату вбежала медсестра. Бойко повела вздернутым носиком и, смутившись от четырех пар глаз, выпалила:

— Фрол Андреевич! К главврачу за документами!

— Беги, беги, Андреич, а то доктора — народ ненадежный — враз могут причину найти, чтоб не пускать.

Закинув сморщенный вещмешок на плечо, Вовк быстро зашагал по шоссе, вдоль разрушенных домов, полусторевших магазинов, засыпанных канав. Он видел мужчин, женщин, детей, которые восстанавливали трамвайные линии, штопали улицы от многочисленных больших и маленьких воронок, расчищали поредевшие парки, скверы.

Старшина вышел за черту города и, оглядевшись, направился к видневшемуся вдали лесу. Идти было тяжело. Вокруг лежал грязно-серый снег. Дорога, разбухшая от колес телег, машин, черной волнистой лентой исчезала в лесу. Грязь прилипала к подошве сапог тяжелыми пластами. Часто дыша, солдат прислонился к дереву, вынул из кармана платок, вытер потное лицо и, проклиная дорогу, пошел дальше. На опушке он снова внимательно осмотрелся.

— Вот здесь стояли артиллеристы,— вслух вспоминал Вовк,— а мы были западнее. Правильно... Вот и наши окопы. Отсюда пошли в атаку...

И вдруг на небольшой возвышенности старшина увидел широкую, наспех сбитую из неровных жердей ограду, а на ней несколько ровных бугорков. Снова глухо забилося сердце. Он снял с головы старую шапку и, прочитав на табличках знакомые фамилии, медленно опустился на колени: «...Здравствуйте, сынки... Вот пришел к вам перед дорогой дальней проститься... Спасибо за вашу любовь ко мне, за то, что называли меня при жизни своим отцом... А поэтому знайте мою клятву отцовскую: хранить я вас буду до конца жизни в сердце моем! Прощайте, сынки, прощайте...»

Вовк низко опустил голову. Слабый ветер осторожно и ласково трепал его редкие, седые волосы.

...Фрол Андреевич прыгнул с высокой подножки вагона и зашагал через безлюдный вокзал в город. Улицы были пустыни. Изредка встречались тощие, бродячие собаки. Дома выглядели безжизненными, угрюмыми коробками. В редких окнах горел свет, да и тот был каким-то тусклым, неприветливым. Даже дым над домами, раньше валивший из труб густым облаком, теперь кос-как выползал из черных отверстий и,

бессильный взлететь, стался по крышам, цепляясь за серую черепицу.

Под сапогами чавкал мокрый, грязный снег. Вздыхнул старшина. Сжал зубы, и забегал тугие желваки под давно небритыми щеками. «Видно у беды крылья велики, коль смогли нарушить жизнь даже здесь,— думал Вовк.— Переменился город».

А ведь как было здорово до войны! Многолюдно, шумно, весело. Почти на каждой улице перекликались озорные гармонии. А народ был какой голосистый! Уж если начнут петь, то на весь Тагил!.. Убила война в людях радость.

Фрол Андреевич свернул в переулок, остановился у знакомой калитки. Замка не было. Пригнув голову, чтобы не задеть за косяк, шагнул во двор. В двух окошках горел свет. Странно! Откуда бы ему взяться? Вовк хорошо помнил, что, уходя на фронт, он плотно закрыл окна, на дверях повесил замок, а ключи вручил соседке Агриппине... Может быть, все это время она тут жила?.. Да нет, у Агриппины свой дом.

Фрол Андреевич вытер сапоги о металлическую планку, вбитую у порога, и несколько раз сильно стукнул кулаком в дверь. Прошло несколько минут, пока он услышал тихий, старческий голос:

— Кто там?

— Свои...

Дверь открылась. На пороге стоял маленький, худенький старик в длинной до колен белой рубашке.

— Тебе, мил человек, кого надобно?— спросил он.

— Никого... Я к себе домой пришел,— сказал Фрол Андреевич и шагнул в маленькую переднюю.

— Так это ты, Фрол?

— Так точно.

— Эх-х-х, етицкая сила! А я сразу не догадался,— старик поежился,— так ты, Фрол, раздевайся и айда в комнату. Здесь очень сыро.

Фрол Андреевич скинул шинель, по привычке одернул гимнастерку. На груди звякнули медали. Незнакомец крикнул и начал торопливо оглаживать на себе рубашку.

Вовк вдруг заволновался. Он осторожно потянул на себя массивную ручку двери и тут же почувствовал, как потянуло теплом. А вот запах был уже чужой. Шагнул в комнату, осмотрелся. Все оставалось на спо-

из местах. Только маленький буфет теперь стоял не у окна, а в углу. Рядом с ним появилась высокая этажерка, плотно заставленная книгами. Над этажеркой — портрет молодого человека с черной бородой.

— Да ты не стой, мил человек, садись. Поди, домой издалече добирался, устал. А я мигом к столу соберу, поужинаем. Вот только обуюсь да брюки натяну,— засуетился старик. Он долго стучал посудой, кого-то вполголоса ругал, а потом появился и сам, неся на большом фанерном листе несколько деревянных тарелок с соленой капустой, огурцами. Из буфета достал графин, наполненный до половины, кусок сала, хлеб.

Старик осторожно разлил содержимое графина по стаканам, нарезал сало, хлеб и, пододвинув соленья ближе к Фролу Андреевичу, сказал:

— Стало быть, за приезд. С благополучным возвращением!

— Можно и за это,— согласился Вовк. Ему начинал нравиться этот старик.

Выпили. Его сосед долго тряс реденькой, козлиной бородкой, шумно нюхал горбушку.

— Ну, мил человек, теперь давай знакомиться,— предложил старик и первым представился:— Егор Архипович Шевелев, так сказать, почтальон в отставке. Но ты зови меня Архипычем — так проще и короче. Приехал я сюда вместе с сыном. Его перевели работать на тутошний завод. А в дом твой нас вселили по причине временного отсутствия хозяина. Сын, стало быть, долго не хотел, упирался — мол, как без согласия въезжать. Некрасиво это. Но Мишка, Агриппинин муж, сказал: Фрол Андреевич не из тех людей. Вот и вся история. Сын, Мишка, редко домой приходит. А меня скука заела... На работу не берут, мол, возраст велик, да и здоровья особого нет. Да-а-а... Ты, Фрол Андреевич, давай наперед договоримся, не обижай меня,— раскуривая трубку, сказал Архипыч,— еда поставлена не для красоты. Там в сенях еще борщ греется... Эх-х-х, етицкая сила, а про борщ-то забыли! Поди, песь выкипел,— спохватился вдруг Архипыч и, смешно подпрыгивая на кривоватых ногах, побежал в сени.

А Фрол Андреевич неожиданно загрустил. Как ни странно, у него не было ощущения, что он в родном доме. И хотя все здесь до боли знакомо, старшина не

почувствовал почему-то ни в одной вещи родного, близкого. Даже печь, которую он закладывал вместе с товарищем Терентием Захаровым, смотрела на него отчужденно черным оком. «Неужто за годы войны я отвык от дома?— думал старшина, внимательно рассматривая нехитрые узоры стоящего перед ним графина.— Странно как-то получается. Столько лет мечтал, а теперь, когда приехал, сердце его не принимает. Не бывает же так...»

Фрол Андреевич встал из-за стола, медленно прошелся по комнате. На душе его было беспокойно. Какая-то сила тянула его из дома, не давала возможности расслабиться, почувствовать уют, тепло родного очага...

Появился Архипыч. Он принес две алюминиевые чашки, до краев наполненные борщом.

— Садись, Фрол Андреевич, давай похлебаем горяченького,— сказал Архипыч,— а ты налей себе еще стаканчик, не повредит с дороги-то. А в этот — стоп. Мне, мил человек, хватит.

Борщ ели долго. Шумно дули на алюминиевые ложки, изредка вытирая пятерней вспотевшие лбы и шеи.

— До войны ты, Фрол Андреевич, кем работал?— любопытствовал старик.

— Столяром.

— Вот и я так подумал, когда вселился в твой дом... Только, извини на прямом слове, что-то я здесь бабьей руки не почувствовал.

— Один я жил.

— А-а! Тогда, конечно... Я свою схоронил перед войной. Н-да, умерла, сердечная... Большой души человек была. Умирала на моих руках и все переживала, как я один останусь, кто обо мне побеспокоится. Сын тогда жил далеко от дома.— Архипыч зашмыгал носом, полез в карман за платком.— А тут война. Сколько бед, сколько страданий!

— Сейчас редко кому хорошо,— Фрол Андреевич отодвинул от себя миску и полез в карман за кисетом...— Война, будь она трижды проклята, ничего не щадит.

— Что верно, мил человек, то верно,— старик задумчиво пожевал губами и громко вздохнул.

Маленькие часики вдруг заскрежетали, и из крохотного окошка выглянула грубо вырезанная из дерева

птица — закуковала. Архипыч встал, плотно закрыл дверь, накинув на петлю массивный крючок.

— Ну, хозяин, давай укладываться спать. Время уже позднее, а подниматься рано надо. Разбери свою кровать... Поди, скучал по ней.

— Было такое,— Фрол Андреевич медленно качнул головой,— а тебе зачем подниматься с утра? Дело какое?

— Понимаешь, Фрол Андреевич, не могу я целыми днями на печи лежать. Тяжелая это работа, ей-ей, тяжелая. Вот и нашел я отдушину при городской больнице.

— Да ну!— удивился Фрол Андреевич.

— Нашел, мил человек,— Архипыч довольно засмеялся,— у них там с поваром туго. Короче, народу в больнице много, а готовить почти некому. Вот я и хожу каждое утро туда. Сготовлю первое, второе, получу «добро» дежурного врача и айда домой.

— Так ты же, Архипыч, почтальон в отставке...

— До переезда в Тагил ходил в почтальонах. Н-да-а... А поварскому делу был обучен в гражданскую. Специальные курсы прошел. Вот и пригодилось.

— А жалованье какое положили?

— Да никакого! Я так, на общественных началах. Сын приносит деньги, паек, хватает... Вот дела, каждый вечер залазь, а поутру соскакивай,— крихтел на печке Архипыч.

— А что же кровать пустует?

— Не могу, пробовал. В кровати такого простора нет. Да и уж больно мягкая она, а на печи спится очень, да,— Архипыч чихнул.

Пошел дождь. Он яростно стучал по крыше, окнам, словно просясь домой.

— Ты знаешь, Фрол Андреевич, что я заметил в тебе,— снова заговорил Архипыч.

— Что?

— Радости в тебе маловато! Н-да-а, маловато! Будто приехал в чужой дом. Что-то, солдат, тебя гложет, покоя не дает. Иль я ошибся?

— А черт его знает...— Фрол Андреевич вздохнул.

— Ты где воевал-то? Видать путей-дорог много пришлось пройти — медалей вон сколько!

— Принимось... А знаешь, Архипыч, было у меня на

фронте два сына,— глухо заговорил Фрол Андреевич,— хорошие, сердечные ребята.

— Да ну!— тут же отозвался старик с печи.

И Вовк начал рассказывать Архипычу об Эргаше, Федоре. О том, как он с ними познакомился, сколько пришлось пережить вместе.

— Они мне за день до боя говорят: «Старшина, отцы наши погибли. Мы их не помним. А война сроднила нас с тобой. Вот будь нам отцом. Я сначала, чего греха таить, растерялся — не ждал такого поворота. После пришел в себя, хотел их обнять, сказать доброе слово, да не смог, к командиру вызвали... И погибли Эргаш с Федором на следующий день. Жестокый был бой...

— Ты, Фрол Андреевич, упомянул сначала об их уговоре каком-то...

— Верно, был уговор. После победы всем посхать в Ташкент и жить единой семьей.

— Стало быть, у них жены были?

— Были, Архипыч. И детишки есть. Это Эргаш настоял, чтобы жена Федора переехала из Чимкента в Ташкент.

— Много слышал о тех краях. Говорят, Фрол Андреевич, очень красиво там, прямо словами нет возможности описать. Как его, царя этого звали? Эх-ха, стара стала головушка, подводит... Да! Тимур, хромым он был. Так знаешь, он такие дворцы понастроил, до сих пор, говорят, стоят! Только как называется тот город запямятовал. Значит, говоришь, отцом назвали?

— Назвали, Архипыч.

— Значит ребята хотели жить одной семьей? И ты б поехал, коль не погибли они?

— А то как же!

— Не их же вина, что сложили сынки свои головы под немецкими пулями-снарядами. А коли жизнь свою ребята отдали за победу, стало быть, ты до последнего дня должен оставаться для них отцом... Ты извини меня на прямом слове и обиду не таи. Мое сердце говорит, что поступил ты неверно.

— Чего же я сделал-то не так?— Фрол Андреевич взволнованно приподнялся.

— А ты не забидишься?

— Да что там! Говори!

— Не в Тагил, Фрол Андреевич, ты должен был

схитить, и в Ташкент. Сыновья погибли за Родину-мать, зато внуки остались. Ты за них теперь ответчик. Помочь им надо на ноги встать. И когда они вырастут, разумом окрепнут, расскажи им о делах отцов, о смерти их героической... А ты, выходит, того... Бросил внуков на произвол судьбы...

— Скажешь тоже, бросил! Я, может, это... духом не набрался,— обиделся Фрол Андреевич.

— Нет уж, ты постой, мил человек, не дрыгайся жеребчиком,— Архипыч приподнялся,— или я не правду говорю? Все как есть сущая правда! Ребята с тобой не в детскую игру играли. Полюбили тебя сильно, коли отцом назвали. И с этим из жизни ушли. А чем ты ответил?

Фрол Андреевич сел на кровать и крепко сжал кулаки. Только сейчас он понял, почему дом показался ему чужим. Только сейчас почувствовал, куда тянет его неведомая сила. Прав старик, тысячу раз прав...

— Я говорю, солдат, как могу, как понимаю,— спокойно продолжал Архипыч,— а ты сейчас поостынь да подумай.

* * *

Поезд, громко лязгнув буферами, замер у перрона. Фрол Андреевич подхватил два тяжелых чемодана, перевязанных для подстраховки поперек толстыми веревками, медленно пошел за толпой. Это были чемоданы Архипыча. Фрол Андреевич вспомнил, как старик долго и тщательно их упаковывал.

— Гляди, Фрол, и запоминай,— говорил Архипыч, кружа вокруг расставленных на полу банок,— сюда я складываю мед, соленья, сушеные грибы, варенье. Так что с этим чемоданом будь осторожней. Довези уж все в целостности и сохранности. Мальчишки народ известный: любят сладкое. Стало быть, будет тебе чем их побаловать. А в этот, разумею, нужно сложить гостинцы для невесток.

За день до сборов Фрол Андреевич достал из маленького буфетного ящичка все свои сбережения. И вместе с Архипычем направились на базар. Купили два больших шерстяных платка, отрезы на платья, мешок муки. Уже дома Архипыч из-под кровати выдви-

нул большой сундук и вытащил шелковые, атласные покрывала с вышитыми в середине драконами.

— Японские, етицкая сила! Еще до войны во Владивостоке куплены. Меня жена тогда еще пилила: на кой деньги перевел! А видишь — теперь на дело пойдут...

...Фрол Андреевич вышел на привокзальную площадь, огляделся. По обе стороны тянулись крохотные деревянные лотки. За ними стояло несколько телег с огромными колесами. Возле них прохаживались мужчины в ярких, цветастых халатах. Головы их были обмотаны почему-то тряпкой, один конец которой свисал к плечу. Старшина подошел, поздоровался. Люди приветливо закивали.

— Вот, значит, приехал, товарищи, а города вашего не знаю, — опустив чемоданы на землю, признался Вовк, — уж вы, пожалуйста, помогите мне.

— Твоя что ищет? — спросил высокий худой старик.

— Улицу. Улицу найти надо, — Фрол Андреевич полез в нагрудный карман за паспортом, где лежал заветный листок с адресом.

— Имя улица есть?

— Ну, а как же. Вот, пожалуйста, Чемпиона. Номер дома 21.

— Есть, есть такой улица. Это Кашгар-махалля, — сказал старик.

— Садись, солдат, мой арба, — предложил грузный мужчина в черном сатиновом халате.

— Может, машину какую? — Фролу Андреевичу не терпелось скорее добраться.

— Машина ёк, — развел руками мужчина.

— Да бог с ней, с машиной, поехали.

По дороге Фрол Андреевич разговорился с попутчиком. Он узнал, что зовут его Хайдар и живет тот в Бешкайрагаче. Хайдар, оказывается, целую неделю приезжает на вокзал в надежде встретить сына, пятнадцать дней назад приславшего письмо, где сообщил о демобилизации.

— Ничего, Хайдар, раз сын известил, значит обязательно встретишь, — успокоил его Вовк. — Только терпения наберись.

— Моя терпит.

У широкого металлического моста Хайдар остановился арбу.

— Твоя иди эта улица,— Хайдар показал концом киута на узенький переулок, вдоль которого теснились маленькие глиняные кибитки.

— Спасибо, Хайдар! Сколько я тебе должен?— спросил Фрол Андреевич, вынимая деньги.

Хайдар улыбнулся:

— Друг ест, деньги не падо.

— Ах, вот оно как! Ну, ты, того, на меня не обижайся. Я с тутошними правилами не знаком. Спасибо еще раз.

Фрол Андреевич поднял чемоданы и направился в переулок. Чуть дальше он стал пошире и разделился на два. Один уходил влево, другой — прямо. Куда идти? Вовк попытался найти таблички с их названиями, но безрезультатно. Народу нет. Постояв несколько минут, решил. Постучал в маленькую резную дверь. Открыл ее белобородый старик.

— Здравствуйте! Извините меня, я ищу улицу Чемпион.

Старик внимательно посмотрел на Вовка и качнул утвердительно головой. Он вывел его на мощеную улицу и сказал:

— Чемпион. Прямо иди.

— Пять, семь, девять,— вслух считал Фрол Андреевич номера домов. И чем ближе он подходил к заветной цифре, тем больше в душе росло волнение. Ему вдруг показалось, что он хорошо знает эту улицу, стоявшие вдоль нее маленькие домики с крохотными окошками. И лица редких прохожих тоже казались удивительно знакомыми.

«Да неужто чудакom ты, Фрол, становишься на старости лет,— улыбался собственным мыслям старшина.— И откуда ты взял, что тебе здесь все знакомо? Может, мерещится? Никогда с тобой такого не было. А вот и...» Фрол Андреевич остановился в нескольких метрах от маленькой калитки, на которой темно-синей масляной краской была выведена цифра 21. Сердце его забилось радостно, гулко. Старшина поставил чемоданы на землю и вытер вспотевший лоб. Посмотрел вверх и на мгновение зажмурился от яркого солнца. Хороший выдался день. Солнце светит совсем не по зимнему. А небо-то, господи, какое голубое! Он полез

за кисетом, но рука замерла в кармане — надо запомнить этот день и утро. Сегодня среда, первое марта.

Фрол Андреевич подошел ближе к калитке и сквозь щель заглянул во двор. Он увидел мальчика в бараньей шапке, великоватом ватном пальто, очень похожего на Эргаша.

— Вну... вну-у-чек,— попытался позвать Фрол Андреевич мальчика, но не смог. Горло перехватило, стало трудно дышать. Он расстегнул ворот гимнастерки и сел на чемодан. Вынул кисет, непослушными пальцами свернул большую козью ножку и несколько раз жадно затянулся. Волнение немного улеглось. Старшина встал и только было собрался поднять чемодан, как калитка открылась и он увидел молодую красивую женщину.

«Халима»,— догадался Фрол Андреевич. Он снял шапку, спрятал ее за спину и неожиданно чужим, глухим голосом медленно заговорил:

— Значит, я Вовк... Старшина... Из Тагила приехал, доченька, к тебе... к внукам. Насовсем.

Фрол Андреевич видел, как дрогнули в улыбке губы Халимы, как повлажнели ее большие, черные глаза.

— Не смог по-другому... Стало быть, извини за неожиданность... Не до писем было. Торопился я очень... Здравствуй!

Сырдарья — Гулистан, 1978 год.

СТРАННАЯ ГОСТЬЯ

Р а с с к а з

День клонился к вечеру. Ярко-оранжевый солнечный диск опускался за подернутый дымкой горизонт. В аэропорту многолюдно. — Умарджан прошелся вдоль кресел, где расположились в ожидании полета уставшие от духоты и суеты пассажиры. Смахнув с виска капельку пота, повернулся к широкому окну и некоторое время смотрел на летное поле. Там стояли несколько «Илов». У ближнего беспалым жуком застыл бензовоз. По всему, серебристого гиганта готовили к вылету...

Вчера, когда Умарджан дописывал очерк, в помер, его неожиданно вызвал главный редактор и сообщил, что завтра в Ташкент прилетает госпожа Джимми Форстер — супруга состоятельного человека, владельца крупной телевизионной компании.

— У вас есть опыт работы с иностранными журналистами, — редактор, устало качнув головой, сделал небольшую паузу. — Я понимаю. Госпожа Форстер не имеет отношения ни к журналистике, ни к телевидению. Она едет сюда с не совсем понятным желанием — проехаться по Ферганской долине.

— С переводчиком?

— Нет, одна.. Она сносно владеет русским.

— И я...

— Да, да. Будете сопровождать ее в поездке... Оформляйте командировку. У меня все. Вопросы есть? Хорошо! Желаю успехов.

...Серебристый красавец круто развернулся и замер. Тут же в распахнутую дверцу мягко ткнулся обрубленным носом трап. Показались пассажиры — одни суетливые, другие — спокойные. Вот на трап шагнула пожилая женщина. «Она, — догадался Умарджан, — гос-

пожа Форстер». Бледно-голубое платье, косынка, из-под которой выбивались седые завитки. В мутновато-синих глазах настороженность и любопытство.

Умарджан представился. Иностранка довольно холодно кивнула:

— Форстер. Джимми Форстер. Отшен приятно.

В машине она закурила и молчала до самой гостиницы. Только во время оформления документов госпожа Форстер поинтересовалась:

— Вы иметь на вечер программ?

— Прогулка по городу... Завтра утром вылетаем в Фергану. Сегодня вы можете посетить театр, парки...

— Но, но,— энергично перебила она Умарджана.— Надо немного гулять... Немного смотреть Ташкент. Э-э-э, не модерн Ташкент, э-э-э...

— Вас интересует старогородская часть?

— О! Да, да! Отшен,— закивала госпожа Форстер.

После ужина, состоявшего из кусочка вареной говядины и стакана простокваши, гостя старательно вытерла морщинистые губы, затем взглядом дала понять Умарджану о своей готовности отправиться на экскурсию. Тяжело встала и направилась к выходу.

У медресе Кукельдаш госпожа Форстер, полускрыв глаза, замерла и взволнованно зашептала. Умарджан сначала решил, что женщина молится, но по отдельным словам он понял, что иностранка кого-то от души благодарила. Только кого? И еще ему показалось, что с ее уст слетают и узбекские слова... Умарджан отошел.

Госпожа Форстер выглядела лет на семьдесят. Резкие, глубокие морщины на лбу, под глазами синеватые мешки. Заметная сутулость, раскачивающаяся походка свидетельствовали, что длительный перелет не прошел для нее бесследно. Особой симпатии у Умарджана гостя не вызвала. Держалась она, на первый взгляд, просто, но в глазах, губах, даже в сеточке морщин у рта затаилась откровенная настороженность.

От базара госпожа Форстер осталась в восторге. Пройдя мимо фруктовых и овощных рядов, она вновь направилась в сторону Чорсу и предложила пройтись по улице Навои. Гостя остановилась у театральной афиши и громко по слогам прочитала «Но-ди-ра». Когда до иностранки дошел смысл прочитанного, она постаралась не выдать своего удивления. А очутившись на аллее поэтов, госпожа Форстер застыла в изумле-

нии, увидев изваяние Нодиры, и, молитвенно сложив руки на груди, она вновь что-то зашептала. Умарджан готов был поклясться — иностранка читала стихи. Читала она их так, как принято на Востоке, — мягко, напевно, в такт покачивая седыми завитками.

В холле гостиницы они попрощались. Пройдя в номер, госпожа Форстер скинула тесноватые туфли и без сил опустилась в кресло. Ноги, отвыкшие от длительных прогулок, побаливали. Где-то минут через десять-пятнадцать, когда боль начала притупляться, она решила принять ванну, но вдруг... Ее слух уловил чей-то тихий голос. Голос шел из маленького приемника, висевшего у изголовья кровати. Повернула ручку и успела услышать две последние фразы диктора радио: «слова Увайси». Комната наполнилась грустной мелодией. Певица красивым грудным голосом пела... такие знакомые строки. Только сейчас, переложенные на музыку, они, словно льющаяся из медного кувшина прозрачная струйка, бередили душу.

* * *

В назначенный час госпожа Форстер вышла из гостиницы. По ее виду Умарджан сразу определил — иностранка не выспалась. И он был недалек от истины...

Сначала госпоже Форстер не давали покоя грохочущие трамваи, а когда их время вышло, сна как не бывало. Она лежала с закрытыми глазами на похрустывающей простыне и вспоминала вечер перед отъездом...

Супруг в глубоком кресле сосредоточенно смотрел по телевизору экстренный выпуск новостей. Дочь Эрна задумчиво прохаживалась по просторной гостиной и искоса недовольно поглядывала на мать. Она все еще надеялась, что неожиданное желание матери поехать в какой-то там Узбекистан было не совсем удачной шуткой. Ведь в начале года на семейном совете единогласно было решено: лето Форстеры проводят на Багамских островах. А что случилось сейчас? Мать никогда не меняла однажды принятого решения.

Госпожа Форстер из-под полуопущенных век наблюдала за зятем. Он спокоен и занят своими мыслями. Ему наплевать, куда направляется теща. Он думает

только о своей газете, завтра впервые выходящей двухсоттысячным тиражом. Госпожа Форстер вздохнула: Генри никогда ей не нравился. Он напоминал одну из мраморных статуй, купленных супругом лет двадцать назад на каком-то аукционе. Но она не могла не оценить практичности зятя и его умения держать нос по ветру. Три года назад Генри при помощи тестя рискнул приобрести какую-то газетенку «без явных признаков жизни». Сначала, публикуя неизвестно откуда раздобытые сплетни, затем, критикуя политику главы государства, Генри укрепил ее авторитет и теперь...

— Мама, твое решение подлежит дискуссии? — решила наконец Эрна.

— Лучше не надо, — госпожа Форстер повернулась к дочери.

— Но лететь в такую даль! Из-за каких-то...

— Я уверена, у меня хватит духа на поездку, — перебила она Эрну.

— Но ты... Полгода назад дала согласие...

— Эрна! — господин Форстер по-юношески легко поднялся из кресла и, подойдя к дочери, ласково потрепал ее по плечу. — Мама мечтает об этой поездке с того дня, как начала обучать тебя персидскому и турецкому языкам.

Иран, Турция... Госпожа Форстер мысленно перенеслась в Стамбул, в тихую, пропахшую кофе и табаком улочку, где находилась школа, в которой она преподавала английский. Господи! Как она тогда была молода, красива! А сколько поклонников! Но предпочтение отдала Чарли Форстеру, симпатичному советнику посла. Именно он, Чарли, сумел заинтересовать супругу изучением языков. Она хорошо помнит вояжи в Тегеран. О, это были удивительные поездки! Жена советника подружилась там с симпатичными людьми, поразившими ее вниманием и гостеприимством. В последний свой визит взяла с собой трехлетнюю Эрну. Ее представили господину Сефейли, большому знатоку Востока. Два вечера, проведенные в обществе седовласого, интеллигентного ученого, поразили госпожу Форстер. Он познакомил ее с другим Востоком — богатым историей, именами, культурой. Неторопливые рассказы собеседника породили в ней такой страстный интерес, что, возвратившись домой, дала себе слово изучить не только историю, но и языки этих народов.

Правда, были и неприятные сведения. Господин Сефейли авторитетно заверил, что революцией, происшедшей в России, большевики перевернули все вверх дном. Они, по его словам, совершенно забыли о великих мужах, некогда изумивших мир своими открытиями и поэтическими строками.

— Уверен, уважаемая госпожа Форстер, сегодня потомки великих Ибн Сины, Навои, Бабура, Улугбека не знают имен предков... Молю аллаха, чтобы он не допустил подобного на моей земле,— господин Сефейли погладил по головке Эрну и продолжил.— Мне как ученому, бесконечно жаль гениальные творения, находящиеся в Туркестане. Они для большевиков не представляли и не будут представлять никакой ценности.

... Через полгода началась война. Госпожа Форстер из сообщений газет, радио знала о событиях, происходящих в России и о том, сколь тяжело приходится русским. Как-то получила письмо от Сефейли. Немецкие войска он сравнивал со священным ручьем Кавсар, а Гитлера с божеством зороастрийской религии Муштари.

Весной сорок второго Сефейли скончался. Госпожа Форстер всплакнула и с двойной энергией взялась за изучение языков. Незаметно протекали дни, недели, месяцы, но интерес к Востоку не утихал. Она уже читала в подлинниках Фирдоуси, Навои, Бабура и Гулхани. И чем больше она узнавала, тем острее ощущала растущее и крепнущее желание посетить землю, породившую необыкновенно талантливых людей. Это не было капризом. Желание побывать на их родине возникло давно — еще в Стамбуле, незадолго до окончания войны. Ее мужа, наконец, отозвали, и семья Форстеров поселилась на материке. Вновь оно возникло после выезда из Турции и крепло день ото дня, хотя госпожа Форстер хорошо помнила последнюю беседу с Сефейли. Но чувство страха перед большевиками со временем стало притупляться. Его заменило любопытство.

Однажды, побывав на просмотре документального фильма, она обратила внимание на несколько эпизодов: музейные экспонаты эвакуировали так же бережно, как и промышленное оборудование. И еще: немцы на подступах к Ленинграду, а советские ученые соби-

раются в большой нетопленный зал, чтобы отметить пятистолетие Алишера Навои. Было над чем задуматься..

Впервые с искусством далекой загадочной Страны Советов госпожа Форстер познакомилась в конце пятидесятых годов. Она тогда преподавала восточные языки в университете. Знакомство состоялось в концертном зале, где выступала балетная и вокальная труппа Большого театра. Концерт был великолепный. Она, не стесняясь, громко кричала «браво» балерине, выступавшей в партии Джульетты, от души хлопала певцу, исполнявшему арию Отелло.

По дороге домой супруг с улыбкой заметил:

— Дорогая, я сегодня вновь увидел юную, очаровательную Джимми.

А недавно состоялась еще одна встреча, далеко от дома, в Индии. Господину Форстеру по делам необходимо было вылететь в Бомбей. Жене не пришлось долго уговаривать супруга, и Чарли взял ее с собой. В Бомбее случилось чудо. Она увидела красочную афишу, приглашавшую на концерт узбекского танцевального ансамбля. И название у ансамбля красивое — «Бахор».

О, это были незабываемые часы. Госпожа Форстер сидела в ложе сжавшись. С ней происходило что-то непонятное. Как только объявили первый номер и раздались первые аккорды музыки, сердце вдруг замерло, по спине и ногам пронесся покалывающий морозец. Она разумом и душой поняла, что видит и слышит то, к чему, оказывается, ее влекло всю жизнь. Госпожа Форстер восхищалась не только богатыми, красочными костюмами, мастерством и красотой танцовщиц, их плавными, грациозными движениями. Она пыталась читать танец, хотя в нем не все было ясно. Но главное было понятно — в каждом взмахе рук, повороте головы читалось их желание сказать всем: «Мы любим и чтим культуру своего народа. Сегодня вы видите лишь отдельные штрихи грандиозного, многоцветного полотна, которое создавалось нашим народом на протяжении многих веков».

Больше она не колебалась. Госпожа Форстер решила — едет!

Прежде чем сообщить Чарли о своем решении, несколько вечеров просидела со справочником. Не удовлетворившись скудными строчками, госпожа Форстер

искала с полки заветные томики. В одном была карта, датированная 1865 годом.

Еще раз взглядом прошла по карте. В небольшом, неровно очерченном круге — Ташкент. В нем два базара — Чорсу и Регистан, мавзолей Шейх-ат-Таура, медресе Кукельдаш. Интересно, через какие ворота повезут в город? Из Самаркандских ворот дорога уходит на Чиназ. Но ей туда не надо. Значит, через Кокандские! Да, да, верно. Вот та черная ниточка, ведущая к заветному месту.

И все же, как ни сильна госпожа Форстер духом, в день отъезда маленький, холодный комочек страха подкатил к горлу. В голове закружили неожиданные опасения, предположения. И сейчас, за несколько часов до вылета, госпожа Форстер почему-то усомнилась в правильности своих выводов на концерте ансамбля «Бахор». Видимо, восторг затмил разум. Там, в далеком Узбекистане, тоже, видимо, научились выгодно преподносить себя.

Госпожа Форстер села в самолет в самом дурном расположении духа. И даже на какое-то время пожалела о своем отказе поехать с семьей на острова. Там, на Багамах, восхитительно — фешенебельные гостиницы, море, песчаные пляжи.

... Госпожа Форстер перевернулась на спину. Несколько часов, прожитых на узбекской земле, ей кое о чем сказали.

Не осталось следа от въездных ворот в Ташкент. Прекрасные проспекты, скверы, ухоженное, хорошо сохращенное медресе. А театральная афиша? Аллея поэтов? Они ее удивили больше, чем базар, мраморная машина, цирка, фонтаны. Выходит, она напрасно нервничала, терзала себя ненужными предположениями. Все оказалось иначе. И таким, каким госпожа Форстер не могла представить даже в моменты, когда, задумавшись, улетала далеко-далеко в сказочно красивое. Тут ничего не забыто. Спектакль о Нодире, ее изваяние, великих поэтов, улица и театр, носящие имя бессмертного Навои... И все же, засыпая, мелькнула настораживающая мысль: «А может, это всего-навсего реклама? Может, тут тоже научились создавать видимость? Все-таки столица!»

Фергана. Маленький аэропорт. Зато какое веселое,

яркое солнце. Прищурившись, госпожа Форстер, неожиданно для себя взяла Умарджана под руку и бодро зашагала к небольшому зданию. В гостиничном номере она пробыла ровно столько, сколько требуется спешащей женщине. Наскоро попудрив влажный лоб, она почти сбежала на первый этаж.

Через час приехали в Маргилап — симпатичный, многолюдный и зеленый город, сохранивший строения далекого времени. Красивая, загорелая молодежь! Белобородые старики в традиционных халатах.

Боже! Как здесь чудесно! Госпоже Форстер было известно, что Маргилап — небольшое, скромное селение, ставшее при Бабуре одним из крупнейших в долине. Город был славен ткачами, поражавшими купцов многих государств мира шелковыми тканями.

Не чувствуя усталости и жары, госпожа Форстер долго любовалась развалинами средневековой крепости Урдатаги, каменными мечетями, а потом направилась к памятнику Увайси. Подошла и замерла. Губы ее дрогнули, сжав слегка дрожащие пальцы, она впиалась глазами в статую гордо стоящей поэтессы.

— Ассалам алейкум, мудрая Джахон. Я приехала к тебе за много тысяч миль, чтобы склонить свою седую голову, — зашептала госпожа Форстер, не отрывая взгляда от памятника, — и сказать: твои стихи и мечты — со мной. Они живут в сердце неувядаемой розой. Ее красота, пьянящий запах, словно преданный возлюбленный, сопровождают меня не один десяток лет... Ты слышишь меня, Джахон? Вспомни, пожалуйста, свои строки:

Спасибо, милые слова. Пускай вы слышимы едва.
Но животворен ваш ручей, и я жива — душа горит.

Взор госпожи Форстер вдруг затуманился... Говорят, будто бы однажды вечером ко дворцу кокандского правителя Умархана подошла, пожилая, судя по походке, женщина. Она попыталась уговорить стражника, чтобы он пропустил ее в сад послушать состязание в поэтическом искусстве, но тот, грозно нахмурившись, погнал старуху от ворот. Убедившись, что пройти не удастся, женщина попросила стражника передать через посыльного свиток. Не прошло и получаса, как ворота распахнулись и один из придворных поэтов,

уважительно склонив голову перед скромно стоящей женщиной, жестом пригласил ее во дворец. А когда они очутились в полукруге сидящих на сури людей, придворный поэт громко сказал:

— Мы только что услышали изумительные строки. И, если не ошибаюсь, их автором является талантливая поэтесса из Маргилана Джахан Увайси.— Затем, повернувшись к женщине, спросил:— Угадал ли я автора стихов?

Собравшиеся, якобы, заплодировали, когда незнакомка откинула с лица сетку чадры и перед ними предстала красавица. А потом? Увайси, прочитав несколько своих газелей, приняла участие в традиционной мушоире. Поздно ночью ее отвели на половину женщин, представили супруге правителя. Так началась дружба Увайси с женой Умархана, не менее талантливой поэтессой Нодирой...

Госпожа Форстер обошла вокруг памятника. Увидев низенькую скамейку, присела и задумалась. Незаметно исчезли голоса, шум проезжающих машин. Все вокруг потонуло в тумане. И взору госпожи Форстер вновь открылась маленькая, полутемная лавка букиниста — худенького, подслеповатого и плохо выбритого турка. Там приобрела она заветные томики и благодаря им смогла мысленно представить дворец хана, сад, где читали свои произведения известные на Востоке поэты Гулхани, Махмур и Фазли.

Первый том был прочитан залпом. С содержанием второго хорошо оформленного томика знакомилась по вечерам, уединившись в комнате. Это были необычные часы. Порой, прикрыв книгу, задумчиво откидывалась на спинку кресла. В эти минуты ей вспоминались годы из жизни в турецком городе, встречи с Чарли, поездки в Тегеран. Она приходила в содроганье от тех условий и законов, по которым жили турчанки. В Тегеране они оказались еще жестче.

Со временем она свыклась с тем, что женщина на Востоке — безмолвное, беззащитное существо, не имеющее никаких прав, за исключением одного — угождать во всем мужу и рожать детей. И однажды, познав страх предстоящего, проживает с ним жизнь, а потом уносит его навсегда с собой в могилу.

При беседе с Сефейли она сказала:

— На Востоке много прекрасных традиций и обы-

чаев. Но меня удивляет другое. Восток, подаривший миру столько гениальных умов и сумевший, как никто другой, воспеть красоту женщины, до сих пор не видит в ней человека.

Ученый ответил коротко и жестко:

— На то воля аллаха...

... Открытая перед ней книга поведала: на Востоке были другие женщины — гордые, образованные, талантливые. Даже стояли во главе своего ханства. Нодира, Махзуна, Зебуниса, Дильшод! С трепетом листая страницы, она узнавала удивительные факты, никак не вяжущиеся с обычаями восточных народов. Нодира после смерти мужа Умархана управляет государством, Увайси расходится с мужем и переезжает в Коканд, гордая и смелая красавица Махзуна заставляет склонить головы многих поэтов-мужчин перед ее талантом.

И в том, что кину я ислам и вдруг надену крест —
Нет преступлений, нет греха, нет скверны... Я люблю!

Госпожа Форстер взволнованно ходила по комнате. Поэтессы начисто опровергали философию Сефейли.

Приняв душ, госпожа Форстер вновь раскрыла томик. Где-то через час вдруг ощутила солоноватый привкус. Она плакала, не замечая слез, беззвучно капавших на толстый халат. Господи, как трагичны их судьбы... И чем внимательнее она вчитывалась в стихи, тем острее представало их бытие. В лиричных, сердечных строках сфокусирован удел женщин Востока, живущих в темноте, бесправии, как в плоде гранатового дерева, где каждое зернышко, находясь под толстой кожурой, просилось к свету, желало, словно искусно обработанный ювелиром рубиновый камень, однажды украсить и восхитить чью-то жизнь. Дальше читать не смогла. Ей понадобилось несколько дней, чтобы успокоиться и снова уединиться.

Госпожа Форстер невидящим взором уставилась в окно. Она пребывала в странном состоянии.

... Вздохнув, потянулась за апельсином, но, очистив наполовину, отложила в сторону. Состояние странности не проходило. Более того, бередило душу. Нет, она не была слепо влюблена в Восток. И не все поэты ей нравились. Знание персидского и тюркского языков позволили госпоже Форстер из десятков звучащих имен

отобрать некоторые, чьи произведения по силе художественного изображения и философской глубине не уступали Гомеру и Данте. Она отдавала предпочтение тем, в чьих строках раскрывалась жизнь народа, эпоха, мысли и чаяния передовых людей того времени. И все же многое оставалось загадочным, таинственным.

— Госпожа Форстер, мы должны ехать, — рядом неожиданно прозвучал знакомый голос. Она вздрогнула, улыбнулась Умарджану и направилась к машине.

— Хотите побывать на свадьбе?

Госпожа Форстер замедлила шаг, не скрывая своего удивления.

— Я встретил товарища — мы с ним учились в университете — он приглашает на свадьбу сестренки. Хотите?

— О-о! Отшен! Если это, э-э-э...

— Удобно! Даже очень! — рассмеялся Умарджан. — На нас обидятся, если мы не пойдем.

— Потшему? — не переставала удивляться госпожа Форстер.

— Мы любим, радуемся гостям... Тем более на свадьбах.

— Но я, но я не имеет приглашение.

— Не обязательно. По нашим обычаям, любой человек, любой национальности порадует хозяина свадьбы своим поздравлением, и вдвойне — если примет в ней участие.

— Кароший обычай, — призналась госпожа Форстер.

* * *

Гостью усадили за стол. Придя в восторг от обилия расставленных яств, она спросила у Умарджана:

— Свадьбу делать богатый человек?

— Да как вам сказать... Хозяин дома — водитель автобуса.

— Вы хотел сказать — хозяин автобус?

— Нет, нет. Автобусы государственные. А он простой водитель. Шофер.

— О-о-о! — воскликнула госпожа Форстер, мгновенно задумываясь над очередным вопросом: «Сколько зарабатывает шофер, сумевший сервировать столы на

добрых две сотни человек?» Но спросить не решилась... Чарли нельзя назвать бедным, скрягой, но, наверняка, и он не рискнул бы сделать подобный гисет. Форстеры на свадьбу Эрны пригласили тридцать человек.

С улицы раздались трубные звуки. В сопровождении национального оркестра во двор, с большой группой молодых людей, зашли молодожены. Свадьба началась.

Бокал прохладного шампанского придал госпоже Форстер смелости. Она начала внимательно изучать лица собравшихся. О господи! За соседним столом сидела девушка в атласном платье, очень похожая на Увайси. Подальше от нее чинно восседал седобородый мужчина. Где она его видела? Где? Ах, да! Он же копия Ибн Сины! А еще она встретила глазами с Бабуrom, Нодирой, и еще...

Госпожа Форстер поспешно полезла в сумку за платком.

— Вы хотите выйти?—спросил Умарджан.

— Но, но... Мне карашо,—она улыбкой поблагодарила Умарджана за внимание. С гостьей произошла метаморфоза — госпожа Форстер заметно помолодела. Морщинки почти разгладились, менее заметны мешки под глазами, а сами глаза! Будто кто-то сорвал с них мутноватую ткань, и сейчас они светились радостью и счастьем, как у молодой девушки.

Госпожа Форстер любовалась танцовщицей, кружившей по широкому двору под аккомпанемент певца. Она читала танец. И он подтвердил мысль, однажды пришедшую в далекой Индии, на концерте ансамбля «Бахор».

В происходящем торжестве, как показалось госпоже Форстер, чего-то не хватало. А чего? Песни, краски, блюда — всего в избытке. Тосты с пожеланиями счастья сменялись один другим. Друзья преподнесли в подарок молодоженам сделанный собственными руками автобус с пассажирами — крошечными куклами. Танцевали матери жениха и невесты.

На какое-то мгновение наступила тишина. И по двору, словно теплый осенний ветерок, полилась тихая, захватывающая дух мелодия. Полноватый мужчина замер с микрофоном в руках. Госпожа Форстер, угадав, что долгожданная минута настала, замер-

ла в ожидании... Прекрасно поставленный голос доно-
сил до ее слуха газели Навои, всколыхнувшие ее душу.

Лицо твое — месяц на небе, а небо — твой конь голубой,
В короне жемчужины — звезды с предутренней синевой.
Твой конь проскакал. И подкову, на темя ступившую мне,
Как будто бы для извиненья, я краской покрыл золотой.

Декламировал мужчина, покачиваясь в такт музы-
ке. Госпожа Форстер невольно скользнула взглядом
по лицам сидящих — пожилых и молодых — и не уви-
дела равнодушных. Строки великого поэта находили
не только отклик, понимание, но и восхищение. Чувст-
вовалось — стихи Навои хорошо знакомы, любимы, а
сегодня есть повод еще раз вспомнить творения гени-
ального предка.

Навои познал разлуку. Благодарность вознеся,
Знайте — был у вас, о люди, любящий и верный друг.

* * *

Госпожа Форстер много шутила, громко от души
смеялась, без робости, не стесняясь произношения, за-
говаривала на улице с прохожими, стариками в чай-
хане, молодежью. Отказалась есть в ресторане. После
поездки в Коканд она теперь предпочитала кушать на
базарах, рядом с пылающим тандыром, в дыму жарив-
шегося мяса.

Госпожа Форстер ощутила, как с нее свалилась не-
видимая тяжелая ноша. Она почувствовала необычную
легкость, спина выпрямилась, дыхание стало ритмич-
ным, в походке появилась упругость. Госпоже Форстер
казалось, что за время поездки она помолодела вдвое.
И тому причиной посещения Маргилана, Коканда, а
затем Андижана, где она имела возможность позна-
комиться с местами, неразрывно связанными с имена-
ми поэтесс.

И еще: стоило завести речь о Нодире, Увайси, Мах-
туне и других поэтессах, в глазах собеседников вспы-
хивали горделивые искорки, в голосе звучала глубокая
благодарность за их деянья... Встречи, откровенные
бесхитростные беседы бесповоротно убедили госпожу
Форстер, что люди, поставившие памятники, сохранив-

шие медресе и минареты, сделали и делают это не ради рекламы. Каждый, кто бы он ни был, глубоко в сердце чтит и помнит о своих талантливых предках.

Сомнения навсегда покинули госпожу Форстер. На смену пришла нежданная, но радостная легкость, придавшая силы и огромное желание оставшиеся дни в Узбекистане пожить просто и раскованно. Здесь можно быть откровенной. Без всякой опаски. А потому признается Умарджану: она — чудачка. Правда, кое-кто на родине считает ее выживающей из ума старухой. Пусты!

Старосты! Госпожа Форстер вздохнула. Она считала старость самым нелепым периодом в жизни человека. Поэтому старается не думать о ней и живет в основном воспоминаниями о пройденном, увиденном. И стоит того, чтобы о нем поведать Умарджану. Ну хотя бы взять такой эпизод. Купив у букиниста те заветные томики, она, наверняка, провела одни из самых лучших вечеров в своей жизни, и именно тогда в ее сердце запали семена желания однажды посетить родину поэтесс.

Да, она понимает — все это история и сейчас в мире много прекрасных уголков. Одни созданы природой, другие гением человека. Чудес на земле предостаточно. Но существует и другое, не менее прекрасное. Имя ему — влюбленность. Не легкая, красивая, как сон. А сильная, глубокая, прочно вросшая корнями в душу. Она назовет имена далеких, но близких к сердцу любимых поэтесс, одаренных женщин Востока, начиная с Нодиры. Их творчество, трагичность судеб заставили ее сначала изумиться, потом испытать к ним большое чувство.

Дома знакомые, да и не только знакомые, порой посмеиваются над ней. Это их дело. Но она везде и всегда говорила правду — она едет выразить свою любовь и признательность. Зачем? Благодаря их вдохновенным строкам, она прожила удивительную жизнь, которую можно сравнить с аккуратно разрезанным яблоком. Одна половина — семья, дети. Другая — красивые, трепетные чувства к талантливым женщинам, чьи биографии, стихи с ней не один десяток лет.

Госпожа Форстер подошла к окну, шире раздвинула портьеры. Строго, красиво стоит узорчатая мраморная коробка музея. В нем, как рассказал Умарджан,

все связано с именем вождя большевиков... России. Революция. Ленин. Эти три слова одно время часто мелькали на страницах газет и журналов. Для одних они были интересными, другие же, услышав, равнодушно пожимали плечами. Им все равно. Подумаешь, революция. Благодарите господ, что она произошла в России, а не у нас. Были и другие. Похожие на Сефейли. Толком ничего не знавшие, но судившие о большевиках, их делах с таким видом, будто только приехали из России. Позже выявилась еще одна довольно многочисленная группа людей. Шумная, озлобленная, старавшаяся вылить на большевиков как можно больше грязи.

Слышала, читала госпожа Форстер о России много, но поскольку мнения, мысли и рассуждения их авторов были противоречивы, она не торопилась делать выводы. И как ни странно, если где-либо заходил разговор о Советах, она обязательно вспоминала однажды увиденный документальный фильм, концерты.

И вот она в этой стране, среди большевиков, которые, как утверждал Сефейли, перевернули все вверх дном и совершенно забыли о великих своих предках. По губам госпожи Форстер скользнула усмешка. Бедный Сефейли, как он глубоко ошибался. Впрочем, стоит пожалеть не только его, но многих других, выдающих себя за специалистов по «русскому вопросу». Если сейчас сравнить их речи с увиденным, то получится классическая абракадабра. Правильно про таких людей восточная пословица говорит: «Птицы над ним смеются».

Теперь, вернувшись домой, для тех, кто еще не знает, она не без удовольствия признается, что побывала в России, в одном из чудесных его уголков, имя которому Узбекистан. За чашкой кофе или на вечерней прогулке госпожа Форстер расскажет им об увиденном. А впечатлений, ох, как много. Встречи, переезды, новые знакомства, свадьба, чудесные восточные блюда и лакомства. И заключит она свое повествование дружеским советом — не слушать болтунов. Госпожа Форстер посетила лишь одну из республик. Но и этого оказалось достаточным, чтобы увидеть, убедиться и заявить: здесь живут люди, достойные уважения и восхищения.

Госпожа Форстер посмотрела на часы. До встречи

оставалось десять минут. Заказав шампанского с шоколадом, прошла к дальнему столику. Вытащила из сумки пачку сигарет. Умарджан, отыскав ее глазами, направился к столику.

Подняв бокал, госпожа Форстер на чистом узбекском языке сказала:

— Мне не хочется сегодня, Умарджан, употреблять слова «прощай», «до свидания»... И все же, когда обстоятельства заставляют тебя с кем-то расставаться, то невольно оказываешься во власти доброй грусти. Не удивляйтесь, мое сердце сейчас в ее власти. Поэтому с грустью я благодарю вас за все. И хочу выпить знаете за что? Чтобы человек жил долго, счастливо. С любовью...

НАЧАЛО

Р а с с к а з

Спустившись к реке, Талат разделся и осторожно погрузил руки в изумрудную воду. Голова закружилась от аромата мяты, густо росшей на берегу, воды, отдающей едва уловимым запахом рыбы. В маленькой тихой заводи раздувала светлые пузыри большая пучеглазая лягушка. Она выражала свое недовольство появлением человека, нарушившего ее покой.

Он перевернулся на спину и долго смотрел в голубое небо, на причудливые клочки плывущих ватных облаков, с криком носящихся стрижей. «Свобода! Вот это все называется свобода. Да, долго же я не мог познать ее вкуса». Вдруг он обратил внимание, как два муравья волокли за передние лапы третьего. Тот упирался, пытался вырваться, но его держали крепко.

На открытой, залитой солнцем крохотной поляне — муравейник, откуда нескончаемым потоком, неровной черной ленточкой выползали и тут же исчезали в траве его обитатели. Муравьи со своим, наверняка провинившимся товарищем добрались до входа и быстро замотали головками. Движение сначала на мгновение нарушилось, затем замерло. Из отверстия показался здоровенный муравей. Он приподнялся на задние лапки — как будто прислушивался — после чего решительно направился в сторону, к лысому бугорку. Приволокли туда и провинившегося. Тот, здоровенный, долго и быстро вертел лапками, потом, подскочив к виноватому, отсек ему челюстями голову.

У Талата от удивления приоткрылся рот. «Вот тебе и раз. Что же он натворил, если так запросто лишился жизни? Быстро как, раз-два — и нет головы...»

... Дежурный — большеголовый, плотный, не спеша подошел к массивной двери, потоптался у порога и, выбросив окурок в металлическую урну, толкнул тяжелую дверь. Сделал несколько шагов, остановился, широко расставив короткие, сильные ноги. Цепко окинул взглядом сидящих — полный порядок. И четко, басовито произнес:

— Насыров — к замполиту.

Сосед по койке, слегка заикаясь, проговорил:

— Талат, з-з-най наших, пришел и твой з-звонок.

— Сплюнь, Жорка, через плечо.

... Талат стоял на привокзальной площади. Несмотря на ранний час, было многолюдно. Он с радостно бьющимся сердцем смотрел на новые здания, очередь глазастых троллейбусов, на поток разноцветных машин. Ему хотелось громко, во всю силу легких, крикнуть: «Посмотрите, это же я, Талат. Я вернулся в родной Ташкент, домой... Я свободный человек».

— Молодой человек, — вдруг он услышал сзади голос.

Талат повернулся — перед ним стоял пожилой милиционер.

— Здесь стоять нельзя, опасно. Машин видишь сколько. Так что, пожалуйста, перейди на тротуар.

Талат медленно шел по городу и удивлялся. Незнакомые улицы, дома. Вместо старого музея искусств теперь стоит новый, светло-изумрудный куб. Здорово! Здание суворовского училища исчезло — теперь на его месте жилой квартал. А что это за красочная мозаика? Школа? Вот отгрохали махину. Ну и дела. Гастроном «Украина» — ново. А площадь у театра почти не изменилась. Вот только выросла мраморная красавица — многоэтажная башня с часами. Хорошо. Ох, как хорошо! Странно, а куда же делась моя школа? Она стояла вот тут — вместо скверика. Талат растерянно замер, стараясь восстановить в памяти ее местонахождение, но не смог. Он не нашел следа кинотеатров «Искра», «Молодая гвардия» и, обойдя вокруг великолепного музея Ленина, присел отдохнуть на скамейку.

Талат вздохнул — вот тебе, дружок, сюрприз. Ему, родившемуся и выросшему в этом городе, теперь не

узнать Ташкента. Даже исчез переулок по улице Братской, тот злополучный дом, который его дружки основательно подчистили и попались при распродаже тряпья на толкучке... Очень глупо он тогда влип.

Талат встал и зашагал к трамвайной остановке.

Вот он — маленький, узенький, родной переулок. А вот и их калитка. Она по-прежнему некрашена, верхняя петля все так же еле держится. Талат осторожно потянул калитку на себя и заглянул во двор. Все оставалось без изменения — и старая деревянная кровать, и летняя кухня, и маленький сарайчик. Только деревья вытянулись, стали гуще. Урюк уже отцвел. Его нежно-розовые лепестки тонким ярким ковром лежали на земле. А у водопровода — сердце встрепенулось, забилось учащенно, радостно — его мать.

Талат снял кепку, взволнованно помял и, сунув ее в карман, тихо позвал:

— Мама... мам.

Сын видел, как она резко приподнялась, ахнула, покачнулась.

Талат слушал мать. Она, вздыхая и покашливая, подробно рассказывала о переменах, происшедших в семье. Отец по-прежнему работает заготовителем и сейчас находится в Ахангаране, а вот старший брат Марат с женой и детьми уехал в Наманган.

— Третий год, сынок, мы с отцом вдвоем. Тяжело без детей, — тетушка Санобар выплеснула остатки остывшего чая из пиалы сына и налила свежий, — одна я целыми днями... А ты, Талатджан... теперь как дальше собираешься жить?.. Работать будешь, или...

— Работать, мама, обязательно работать... Все, со старым покончено, буду жить и трудиться честно.

— Давно пора, — тетушка Санобар осторожно разглядывала сына. Изменился. Морщинки появились. Со всем взрослым стал мужчиной. Эх, сынок, если бы ты только знал, сколько я слез по тебе пролила, сколько провела бессонных ночей. Из восьмерых детей только мы с Маратом выжили. И ты, самый последний, любимый, принес нам с отцом столько горя. Может быть, теперь ты поумнел. Понял, что такое жизнь?!

Тетушка Санобар отхлебнула чай.

— Куда же, Талатджан, надумал пойти работать?

— Я, мама, там последние два года работал каменщиком. Вот и пойду на стройку.

— Хорошо... Да, сынок, а ты знаешь, наш сосед Ахмад-усто теперь бригадир. Соседи говорят, большие многоэтажные дома строит. Может, с ним поговорить? Пригласим его на плов, а за разговором и посоветуемся.

...Ахмад-усто, крепкий, жилистый, с маленькими веселыми глазами, долго тряс Талату руку, хлопал по плечу и быстро говорил:

— Значит все... Значит вернулся... Молодец.

После плова пили чай. Талат перевернул пиялушку вверх дном и закурил.

— Усто, у меня разряд каменщика. Посоветуйте, пожалуйста, куда мне обратиться, чтобы работать по специальности?

Сосед ответил не сразу. Сначала допил чай, разгладил короткие усы, затем поинтересовался:

— А что ты еще умеешь делать?

— Малярничать, штукатурить, укладывать кафель.

— Хорошо... Хорошо... Откровенно говоря, Талатджан, такой работник и нам нужен... Сделаем вот как: я завтра поговорю о тебе с начальством и, если получу добро, возьму к себе в бригаду... Как?

— Спасибо, усто.

— Ладно, ладно, зайду завтра вечером... Ну, будьте здоровы. Соседушка, спасибо за отличный плов.

* * *

Талат поплевал на окурок, вдавил его пяткой в землю и усмехнулся.

Перед выходом замполит говорил о работе, любви, семье. А ведь тот не знал, что любовь у Талата уже была. Если бы замполит видел Малику! Красавицу Малику. Последний раз Талат встретился с нею на суде, в зале. Их тогда разделял высокий деревянный барьер. В ее глазах Талат прочитал смятение, страх и... удивление. Она до последнего дня не знала, что дружит с вором. Поверила словам Талата — он представился студентом транспортного института. Уже когда судья прочитал приговор, уже когда повели из зала суда, Талат, с отчаянием утопающего, судорожно ныривающего за глотком воздуха, резко обернулся. Наткнулся на большие, заплаканные глаза Малики и по ее взгляду понял — она прощалась с ним навсегда...

Талат глубоко вздохнул и, резко оттолкнувшись от берега, бросился в речку. Вода была холодная. Он ухватился за длинную, бурую корягу и вскинул голову. Высоко-высоко три, словно игрушечных, самолета медленно приближались к золотистому диску солнца. За ними через все небо тянулся длинный, чистый шлейф. Почувствовав холод, Талат выбрался на берег, осторожно прилег на теплую траву и прикрыл глаза. Вдруг он услышал в кустах тихую возню и приглушенный детский голос.

— Я же тебе говорил, Зуфар, не бойся. Будет настоящее дело, без промашки, а ты? Еще друг называется... Подвел меня... Чуть не сгорело все... Но ничего, я один обошелся. Теперь есть на что гульнуть... А народу на ярмарке тьма — к прилавку не подступишься, кое-как протиснулся. Смотри, какую кофту я увел... На ней вот ценник болтается — сорок пять рубчиков. Загоним и заживем.

Талат осторожно пошел на голос.

— Народу, Камил, было много. Испугался: думал попадемся.

— Черта с два... Я мог бы еще парочку таких кофт увести. В следующий раз нацелимся на женский костюм. Он знаешь сколько стоит — сто двадцать. О, это будет сумма — можно пошиковать.

— Ох и везучий ты, Камил...

— Со мной, Зуфар, не пропадешь. Только запомни, если еще раз скинешь — отколочу. Понял?

Под ногой Талата хрустнула ветка, и тут же из кустов показались испуганные лица. Мальчишки бросились врассыпную. Он бежал за тем, у которого из-под локтя болтался малиновый рукав украденной кофты. Мальчишка оказался быстрым, юрким, и Талату не сразу удалось схватить юнца за руку.

— Замри, пацан, лучше давай поговорим по-хорошему, — часто дыша, Талат силой усадил Камилу. — Я Талат, сын тетушки Санобар... Недавно вернулся из тюрьмы.

— Ну и что?

— А ничего... Я хочу сказать, что сидел вот за это дело. За воровство... Ты чей сын?

Мальчишка громко сопел и пытался вырваться.

— Не дрыгайся, если не хочешь схлопотать по шее. Так чей же ты сын? Молчишь. Ну, ну, — Талат крепко

взял его за руку.— Пойдем, соберем людей, узнают они в чем дело, и тогда пеняй на себя.

— Отпусти, скажу... Мой отец Ахмад-усто.

— Дела-а-а. А ты подумал, если усто или кто-то и махалле узнают о твоих делах? Нет, значит. Отец тебе башку свернет не задумываясь... И позор какой. Сын Ахмада-уста, уважаемого человека — вор.

— Продашь, да?

— Слушай меня внимательно. Бросай, дурак, это дело, пока не поздно. Хорошим оно не кончится. Все равно однажды тебя захмутают. Ей-ей захмутают. Поверь мне, я на своей шкуре испытал, что такое воровство, дармовые денежки, тюрьма. А там, паренек, несладко. Будешь башкой биться об стенку, когда все поймешь, да поздно...

Камил, почувствовав, как ослабла рука Талата, резко дернулся, вскочил на ноги и бросился бежать, но споткнулся и со всего размаха упал на землю.

— Эй, калекой так мальчишку сделаешь,— на бугре стоял маленький, сухонький Ахрар-ата — председатель махалли.— Смотри, он же весь в крови. Неужели тюрьма тебя сделала таким бессердечным?

Камил встал. Из носа капала кровь, глаз заплыл.

— Справился... Сильный,— плакал мальчик.

— Пошли, сынок, пошли. Не поумнел он,— уводя мальчика, говорил Ахрар-ата.

* * *

Вечером в калитку постучали. Во двор вошли лейтенант милиции, за ним Ахмад-усто, бледный, с недобрым блеском в глазах. Они прошли к деревянной кровати, сели.

Тетушка Санобар испуганно замерла на веранде.

— Каримов, участковый, — представился лейтенант.— Вы Талат Насыров?

— Я.

— Вы знаете, что я должен...

— Знаю...

Тетушка Санобар, качая головой, беззвучно плакала.

Талат вновь медленно вышагивал по цементному полу, изредка останавливаясь у маленького окна. Скоро начнется следствие, опять суд. Не быть Талату каменщиком. Не суждено, значит.

Дверь неожиданно открылась, вошел Каримов. Он присел на табурет, задумчиво посмотрел на Талата.

— Насыров, я пытался узнать у сына Ахмада-усто, за что вы его избили, но он молчит.

— Во-первых, я его не избивал, хотя стоило, а во-вторых, он не скажет.

— Почему?— удивился участковый.

— Грешок на душе имеет.

— Мне тоже кажется, будто здесь что-то не так... Ну, рассказывай, Талат Насыров.

— Скажу, лейтенант, только не торопи. Скажу, что мальчишку перекраивать надо. Иначе...— Талат прислонился к стене,— будет плохо ему. Не сейчас, а потом, как и мне... Я тоже воровать начал с детства. Начал с мелочей, потом вошел во вкус. Как и следовало ожидать, попался, но отделался лишь годом. Потом снова завертелась пластинка — привык, оказывается, сильно к дармовым деньгам. В январе нацелился на одно очень крупное дельце, да сорвалось. При этом сильно ногу подвернул. Неделью хожу, вторую, а нога не проходит. Деньги кончились, мучительно стало. Что делать? Затосковал от безделья. Однажды дружки предложили: «Завтра идем на дело пустячное. На атанде пестоншь, и точка». Согласился, подежурил. Получил свое — и в сторону. Да ненадолго. Поймали нас. Так вот и пришлось пять лет повышением квалификации заниматься, да заодно кое о чем думать. К чему я это рассказываю, лейтенант? Понял я, только сейчас понял, что сам себе многое в жизни перечеркнул. А что я видел за свои двадцать семь? Ничего, кроме страха, пьянок и тюрьмы. И вот сегодня слышу, как Камил хвалится — мол, кофту дорогую увел, деньги пойдут легкие. Тут у меня перед глазами в минуту вся моя жизнь промелькнула... Не захотел я, чтобы он с клеймом вора прожил жизнь. Чтобы потом его, как и меня, жгла досада, боль за невозвратное.

... Когда Талат вышел из отделения, он увидел стоящего на тротуаре Ахмада-усто. Мастер медленно подошел к нему, взяв его за руку, сказал:

— Спасибо, сынок... извини, что плохо подумал. Иди отдыхай. Завтра нам на работу... Я утром зайду за тобой.

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

Р а с с к а з

В Москву я приехал в июне 1957 года. Долго не раздумывая сел в такси и попросил голубоглазого водителя отвезти меня на Таганку. Туда, где... Вновь хотелось увидеть длинный одноэтажный дом, огромный пустырь, служивший нам стадионом, высокий бугор. С него мы — это Костя Голованов, Борис Захаров, Ленька Силин, Димка Рошин и я скатывались на самодельных санках, пересекали, громко смеясь, широкую улицу и упирались в гранитный парапет Москвы-реки.

А санки сделал нам Сергей Иванович — маленький, сухонький старичок. На свете, как нам казалось, не существовало дела, которого Сергей Иванович не знал. Он чинил водопроводные краны, утюги, примусы, керосинки, двери, стенные часы, дымоходы, латал галоши и валенки, делал отличные зажигалки.

Денег старик с соседей не брал. Забирал домой ту или иную вещь и приносил ее в «справном» виде. Кто-то его просто благодарил, кто-то силой заставлял взять кулечек картошки, свеклы, сушеной воблы. А моя мать иногда угощала старика сушеными фруктами, присылаемыми бабушкой из Ташкента. Я знал от мамы о существовании бабушки, но ни разу еще ее не видел.

Таганские мальчишки уважали Сергея Ивановича и побаивались. Особенно нам нравились вечера, когда Сергей Иванович приглашал нас в свою крохотную комнатку, казавшуюся музеем. На столе аккуратно лежали необычные по форме и размерам молоточки, щипчики, отвертки. В металлических банках — всевозможные винтики, гайки, скобки. В брезентовом патронташе — ножи, плоскогубцы, пакля, куски смолы, капи-

фоль, клей. Что было еще в комнате? Узкая металлическая кровать, застеленная жестким шерстяным одеялом. У изголовья — самодельная рама. В ней, под стеклом, множество фотографий: Сергей Иванович с женой, родственники, друзья. В центре рамы фотография двоих сыновей — оба они воевали, и оба — где-то на Западном фронте.

Мы усаживались на кровать, а старик на красивый стул с гнутой спинкой из красного дерева. Говорили: до войны Сергей Иванович нашел его валяющимся около ящика с мусором, и, поскольку стул был поломан «со всей беспощадностью», он отремонтировал его и принес в качестве единственного украшения квартиры.

Заговаривал старик неожиданно и чаще всего, естественно, о положении на фронте.

— Стало быть, мальцы, бежит германец к своей берлоге... Он к этому делу давненько приучен. Германец во все времена от нас то по заду, то по морде. Мда-а-а! Значит, кто к чему приучен. Кто бить, а кто получать, — в глазах старика загорались довольные огоньки. Кашлянув в почти детский кулачок, он открывал металлическую коробочку с махоркой. Мастерски скручивал изящную козью ножку и закуривал. — В чем, стало быть, российский человек имеет недостаток? Его, значит, долго тормозить надо. Да и потом без спешки коней закладывает. А все почему? Не верим, сомневаемся, что сосед взаправду обнаглел... Ну, а когда запряжет, тут ты, кто бы ни был, не серчай. Я этого германца изучил еще с империалистической. Вояка справный — живет, воюет, в атаку ходит по часам. Он может осилить любого, но меня — ни в какую. Почему? Если взял, к примеру, я ружье, так ему придется меня трижды убивать. Но землю бросить — раз, дух вышибить — два, самолично убедиться, что нету во мне жизни — три. Мда-а! И никак по-другому.

Покурив, старик ставил чай. Заваркой служили сушеные листья вишни или смородины. Спиртного Сергей Иванович не употреблял. Но однажды, в конце февраля сорок пятого, мы увидели его пьяным. Он был настолько пьян, что с большим трудом держался на ногах. Сильно шатаясь, он дошел до центра большого двора и вдруг, взметнув вверх сжатые кулаки, выкрикнул единственное слово: «Погибли».

Мы стояли в стороне, боясь подойти. Из подъезда вышла Костина мать тетя Клава. Узнавали мы ее безошибочно даже в темноте, потому что она была самая полная и высокая среди женщин нашего дома. Увидев старика, тетя Клава тут же положила сумку на единственную скамейку во дворе и, подняв его, как маленького ребенка на руки, унесла.

Болеет Сергей Иванович долго — за ним ухаживали женщины, матери моих товарищей. Он впервые вышел во двор, когда весна была в самом разгаре. Покачиваясь, Сергей Иванович осторожно прошел к скамейке и долго сидел, греясь в лучах апрельского солнца. Мы, пацаны, жалели старика. Ведь у него в течение недели погибли на фронте два сына, и теперь, по словам тети Клавды, Сергей Иванович остался один одинешенек.

Выйдя из такси, я долго не мог сориентироваться. Таганка стала неузнаваемой — новой, нарядной.

Я долго бродил по Таганке. Исчезла возвышенность, дом снесен. На его месте поставили многоэтажный, с лифтом. Когда-то огромный двор превратился в симпатичный скверик. Все стало другим. Исчезло навсегда то, что сердце и память хранили годами. Хранили бережно, как самую дорогую реликвию... Милая, дорогая Таганка! Я приехал за три тысячи километров, чтобы вновь встретиться с тобой. Ты стала другой — молодой и красивой, но вчерашнюю я люблю тебя больше. Строгую, печальную, в военной форме. Разве я могу забыть, как ты провожала таганчан на фронт, а затем вместе с нашими матерями, сестрами ждала наших отцов, старших братьев. Вместе со всеми ты оплакивала солдат, которым не суждено было вернуться в родной дом...

Уверен, что те, кто взялся за оружие и пошел защищать Родину от врага, любили тебя не меньше, чем своих матерей, жен и детей. И они не дрогнули, не пожалели жизней, чтобы и ты сегодня была именно такой — красивой, в изумрудном наряде и, конечно, счастливой... Может быть, ты вспомнишь меня? Я жил вот здесь, на месте многоэтажного. Помнишь март сорок пятого?..

На улицах еще лежал снег. Визжа и улюлюкая, мчимся мы вниз с высокого бугра. И редкие прохожие с улыбкой провожают нас взглядом. Самому старшему

му — Коське Голованову тогда исполнилось семь, и мы ему очень завидовали, потому что он первым среди нас должен идти осенью в школу. Коськина мать, тетя Клава, работала поваром. Раз в неделю в любую погоду Коська выстраивал нас по росту, а затем серьезно и коротко командовал: «За мной!»

Замыкал строй Борька, хотя по росту он должен был идти вслед за Коськой. А замыкающим Борька стал вот по какой причине. Когда тетя Клава угощала нас чем-нибудь вкусненьким — сморщенным яблоком, сахаром, вареной свеклой — у него хватало воли прятать лакомство в карман и съедать его позже, на виду у всех. Мы долго терпели. Но однажды первым эту пытку не выдержал я.

Борька с ухмылкой перекатывал в руке крохотное яблоко. Бросился я на него, сбил с ног. Катались мы по снегу долго и, когда полностью обессилев, встали на ноги, то выяснилось, что яблоко куда-то исчезло. Усталости как ни бывало. На четвереньках мы оползали, тщательно перерыли несколько десятков метров площадки, но... Борис громко заревел, слезы обиды выступили и у меня на глазах. Коська стоял в стороне и никак не реагировал. Он только как-то странно поглядывал на нас и дыханием отогревал покрасневшие от холода пальцы. Потом он медленно подошел к Борису и молча уставился на него. Борька, ей-ей, растерялся! Вытаращился, быстро заморгал. А Коська неожиданно так дал ему, что Борька кулем повалился в снег.

— Будешь еще дразниться, отколочу по-настоящему, — пообещал Коська Борьке и ушел домой.

Мы были уверены, что Коська больше не возьмет его с собой. Так думал и сам Борька. Но мы ошиблись. Когда настал день очередного похода и когда Коська подал команду, Борька, прикусив нижнюю губу, отошел в сторону. Но Костя повернулся в его сторону и сказал:

— Становись последним... Свое место займешь, когда пацаны простят.

И мы шли. Подходили к большому серому зданию, в подвале которого находилась столовая. Мы, конечно, всем сердцем завидовали тете Клаве, потому что она имела возможность каждый день дышать таким

прекрасным воздухом — столовая пропахла кислой капустой, жареной в масле мукой и еще чем-то.

У входа в столовую всегда сидел старик — неулыбчивый и неразговорчивый. А Коська — отчаянная все-таки голова — без страха подходил к нему, что-то говорил и надолго исчезал. Мы стояли в стороне. Молча. Да и о чем говорить, когда рот полон голодной слюны. Есть в эти минуты хотелось до головокружения. Вдруг — наши сердца одновременно вздрагивали и начинали стучать с такой силой, что на глаза навалилась темнота — из дверей медленно выплывала тети Клава, раскрасневшаяся, в белом халате.

В столовую мы проходили тихо, почти на цыпочках. Рассаживались осторожно за большой стол и замирали в ожидании главного — из-за перегородки появлялась с металлическим подносом в руках тети Клава. А на нем! Просто дух захватывало: вареная картошка, комки немого остывшей овсяной или пшеничной каши. И... мы никого больше не слышали и не видели.

Никто из нас еще не знал, что такое быть по-настоящему сытым. Чувство голода не покидало нас и во сне. Чаще всего спилась столовая тети Клавы, либо что-то сказочное. Димка, например, плавал по морю на корабле, сделанном из хлеба. Ленька сгружал и продавал в магазине хлеб.

... Хоть война подходила к концу, однако она никак не повлияла на наш распорядок дня. Вставали мы по-прежнему затемно вместе с родителями. Наскоро что-то перехватывали, провожали матерей на работу и, возвратившись, начинали прикидывать, с чего лучше начать.

Первым делом я бежал на кухню, набирал ведро воды, ставил его вплотную к печке, чтобы к тому времени, пока наведу порядок в комнате, она хоть немного потеплела. Наведя порядок, вымыв тщательно полы, посуду, я осторожно открывал грубоватую шкатулку, в которой сохранилась наша самая большая ценность — хлебные карточки. Прятал их глубоко в карман и бежал к соседке тете Нюре. Она инвалид. Мама говорила, что беда тети Нюры не в протезной ноге, а в болезни, называвшейся сахарным диабетом. Тети Нюра мне нравилась. Всегда спокойная, ласковая, она

иногда говорила непонятно. Например: «У вас, детей войны, добрые сердца. На вас можно будет положиться всегда и везде». Или «Вы будете, хоть вас и мало, сильным, смелым поколением».

Пора идти за хлебом. Стучусь в двери Коськи, Борьки, Димки. Они уже готовы. У каждого в руках вместительные брезентовые сумки.

Выстояв длинную очередь, бегом возвращались домой. Я вручал тете Нюре полученный за нее ржаной ломтик с обязательным крохотным довесом, затем спешил к себе. Садился за стол, осторожно вынимал хлеб и долго смотрел на него влюбленными глазами. Я знал от мамы, тети Клавы, что на свете существуют более вкусные вещи — пирожное, шоколад, мармелад. И я, конечно, верил им, но в то же время меня одолевало сомнение — разве может быть еще что-то вкуснее хлеба.

Надо было обладать огромной силой воли, чтобы, испытывая нестерпимое желание есть, любоваться хлебом, нюхать, а потом отрезать от буханки ровно столько, сколько положено тебе. Ел медленно, смакуя. Сначала мякушку, затем корочку.

...О дне Победы мы узнали от Сергея Ивановича.

Мы со всей страстью гоняли по двору дырявый резиновый мяч, когда нас окликнул Сергей Иванович. Подбежали к нему, и наши рты невольно приоткрылись. Старик преобразился. Стал вдруг каким-то помолодевшим. Глаза блестят, щеки аккуратно выбриты, борода подстрижена, рубаха новая, сапоги начищены.

— Стало быть, мальцы, конец войне. Германец бумагу подписал. Сдался, проклятый. По всем статьям,— на глаза Сергея Ивановича навернулись слезы,— пришел, мои милые, победный день. Настал-таки этот час... Слава тебе, матушка Россия. Нет на свете силы и врага такого, чтобы поставил тебя, родимую, и твоих сыновей на колени.

— Ура-а-а! Победа-а-а!— первым закричал Димка. Вслед за ним закричали и мы.

...Необычно рано с работы прибежала мама. Радостная, взволнованная, в руках у нее был большой сверток. Никогда я ее не видел такой красивой и счастливой. К маме на работу, оказывается, приходил отец, приехавший в Москву из армии на несколько часов. Он уехал обратно, обещав скоро вернуться,

Из репродуктора лилась маршевая музыка. Мама кружила по комнате, прижимая к груди большую буханку белого хлеба. А я сидел за столом и ел, чередуя галеты с колбасой, хлеб со сгущенным молоком. Однако ел с оглядкой, зная, что съесть за раз все не годится. Надо не забывать о завтрашнем дне... Несколько минут спустя я мчался со свертками, предназначенными Сергею Ивановичу, тетям Нюре и Клаве.

Тетя Клава будто ждала моего прихода. Она усадила нас с Коськой за стол, налила в кружки чай и... Сердце мое сжалось, в горле застрял крик отчаянья. Она каждому в кружку бросила по такому большому куску сахара, что его бы, даже не экономя, нам, пацанам, хватило дня на три. Я отхлебнул, и вдруг учуял незнакомый доселе вкусный запах. На кухне, оказывается, жарилась картошка с мясом.

Впервые в жизни я сыт. Странное, удивительное состояние. Я чувствую, как меня окутывает очень приятная, теплая дремота. Голубые Коськины глаза тоже затуманились, на впалых щеках появился слабенький румянец. Мы поглядываем друг на друга и улыбаемся.

А праздник приближается. Он стучится в двери, окна и приглашает выйти во дворы, на улицы, площади. И не беда, что ты сегодня не можешь надеть новые туфли, платье. Сегодня можно петь, танцевать в любом наряде, потому что день необычный, долгожданный. Ты помнишь, милая Таганка, тот день? В какие-то часы ты вдруг выпрямилась, помолодела. А по улицам шли тысячи людей — уставших, немного огрубевших, но счастливых. И среди них были наши мамы, соседи. Даже тетя Нюра, придерживая рукой неудобный протез, стояла рядом с Сергеем Ивановичем и смотрела широко раскрытыми глазами на поющих, танцующих под гитару и гармошку людей.

А когда в ночное небо столицы стремительно пошло бесчисленное количество разноцветных ракет, когда таганчане радостно взметнули над головой платки и шапки, мне показалось, милая Таганка, в эти для всех счастливые минуты ты с любовью и признательностью вспомнила тех, кого провожала в бой, кто был сейчас далеко, но сумел сдержать клятву, уничтожил лютого врага и вновь принес счастье, мир в каждый дом, в каждую семью.

Ты вспомнила меня, Таганка?

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУННЫЙ СВЕТ В ЖИВОЙ ВОДЕ. Повесть.	3
ГУЛИСТАН МОЙ. Повесть.	87
СТРАННАЯ ГОСТЬЯ. Рассказ.	114
НАЧАЛО. Рассказ.	130
ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО. Рассказ.	137

Мухамедов Сухроб Юсупович

ЛУННЫЙ СВЕТ В ЖИВОЙ ВОДЕ

Повести и рассказы

Рецензент — член СП СССР К. Волков

Редактор И. Баранова

Худ. редактор И. Рахматуллаев

Художник Ф. Шакиров

Техн. редактор У. Ким

Корректор

ИБ № 1907

Сдано в набор 16.06.86 г. Подписано в печать 8.10.86 г.

Р-16814. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 3.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Уч.-изд. л. 7,68. Усл. печ. л. 7,56. Печ. л. 4,5.

Договор 13—86. Заказ № 4189. Цена 50 коп.

Тираж 45000.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия».
Ташкент, ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
издательства ЦК Компартии Узбекистана,
Ташкент, ул. Ленина, 41.

50 н.

